

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 4 (26). 2005

Содержание

ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОРОД

В. А. Коренцевит

Летний сад. Раскопки на Птичьем дворе
и в Еловой роще

3

В. Б. Зернов

Корабли в небе Петербурга

8

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

М. П. Волкова

Первый постоянный мост через Неву

9

Д. А. Орлов

Дом Советов на Московском проспекте

13

ГОРОД ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

А. С. Кан

Питерцы Стокгольма на переломе эпох

16

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ГОРОДА

Г. В. Митчелл, О. И. Молкина

От «Дружбы» до Большого зала.

К юбилею А. С. Дмитриева

24

ПРИГОРОДЫ

Е. Л. Александрова, И. П. Ерохина

Шуваловский парк, Адольф Полье
и первые работы А. Брюллова.

К 210-летию со дня рождения Адольфа Полье

31

О. Ю. Малинова

Город и дача («кризис большого города»

1870-х гг. и формирование дачного
пространства вокруг Петербурга). *Окончание*

37

В. И. Мусаев

Русские дачи на Карельском перешейке
в конце XIX – начале XX века

43

С. Ю. Явушкин

Гатчина на рубеже XIX–XX веков:

резиденция Александра III

48

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Н. А. Синдаловский

Жизнь и смерть поэта Александра Пушкина
в городском фольклоре

56

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

М. А. Бойко

Эвакуация. Всероссийская академия
художеств в Самарканде. 1942–1944

66

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

С. К. Бернев

Несостоявшийся губернатор Ленинграда
(по материалам архива УФСБ СПб и ЛО)

73

В. И. Довгер

Воспоминания о блокадной зиме

80

ПЕТЕРБУРГСКОМУ УЧИТЕЛЮ

М. Е. Кисарова

Б. Ю. Кольбе – петербургский физик
и педагог

84

СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Командующие войсками

Ленинградского военного округа

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

Анатолий Иванович Грибков

89

РЕЦЕНЗИИ

С. К. Лебедев

Некоторые рассуждения о мемуарах

Р. Ш. Ганелина

91

МНЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

С. Н. Полторац

«Очень петербургская» книга В. М. Лурье

95

Новое об истории петербургских

профсоюзов

96

Ю. В. Мудров

Заседание редколлегии журнала

«История Петербурга»

в Академии художеств

98

Сведения об авторах

100

Главный редактор

С. Н. Полторац, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Е. В. Анисимов, *доктор исторических наук, профессор*

Ю. С. Васильев, *доктор технических наук, профессор, академик РАН*

Б. Д. Гальперина, *доктор исторических наук, профессор*

Р. Ш. Ганелин, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Н. К. Гуркина, *доктор исторических наук, профессор*

В. С. Измозик, *доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Е. Я. Кальницкая, *кандидат искусствоведения*

А. Н. Кашеваров, *доктор исторических наук, профессор*

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, *доцент*

Г. В. Михеева, *доктор педагогических наук, профессор*

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, *доктор технических наук, профессор*

Р. Э. Павлова

Л. К. Плескачева (*ответственный секретарь*)

В. Н. Плешков, *доктор исторических наук, профессор*

В. Л. Пянкевич, *доктор исторических наук, доцент*

Т. А. Славина, *доктор искусствоведения, профессор*

А. А. Смирнова, *кандидат исторических наук, доцент*

Т. М. Смирнова, *доктор исторических наук, профессор*

В. П. Третьяков, *доктор психологических наук, профессор*

И. М. Триодина, *кандидат культурологии*

С. Б. Ульянова, *кандидат исторических наук, доцент*

А. Н. Чистиков, *кандидат исторических наук*

В. П. Яковлев, *кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторац

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: nestorklio@mail.ru

<http://www.spbhistory.ru>

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2005

© Авторы публикаций, 2005

© Издательство «Нестор», 2005

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — Церковь Св. апостолов Петра и Павла в Шуваловском парке. А. Брюллов. Акварель. 1830 г.

На 4-й странице обложки — Сцена в парке. В. С. Садовников. Акварель. 1833 г.

Летний сад. Раскопки на Птичьем дворе и в Еловой роще

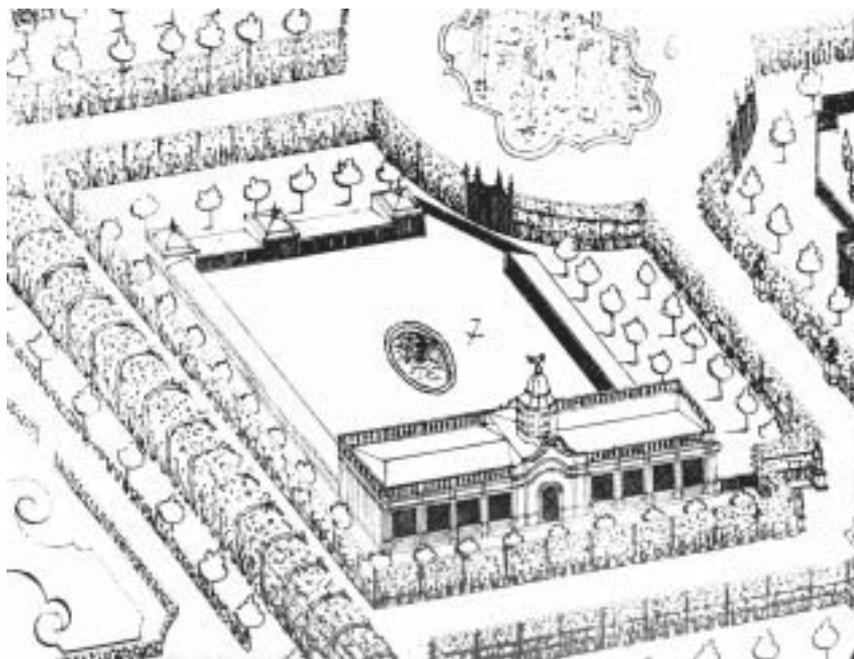
В. А. Коренцвит

Как ни мал Летний сад, но на его территории нашлось место для Птичьего двора. Во всех петровских парках устраивались «менажерии», птичьи и зверовые дворы, с вольерами и клетками для животных. В Петербургском царском огороде, по свидетельству очевидца, уже в 1710 году был павильон для певчих птиц и особый Птичий двор, где содержались цапли, журавли, утки-широконоски и другие. А на противоположном берегу Лебяжьей канавки был построен зверинец. Львы, пантеры, леопард, белые и черные медведи и даже слон, подарок персидского шаха, – обитатели первого петербургского зоосада на Большом лугу (Марсовом поле).

В 1978 году при прокладке труб магистрального водопровода рабочие случайно наткнулись на фундамент Зверового двора. Археологами там было найдено множество глиняных плошек (светильников) и костей животных. Место мною зафиксировано, и есть надежда, что Зверовой двор еще будет исследован археологами.

Что же касается Птичьего двора в самом Летнем саду, то его остатки обнаружены там, где он показан на исторических планах: на боскете Главной аллеи, напротив всем известного памятника «дедушке Крылову». На аксонометрическом плане 1760-х годов Птичий двор представлен во всех подробностях. С трех сторон прямоугольную площадку окружали «галдарейки» – навесы с вольером для птиц, а с четвертой – «Голубятня», большой деревянный павильон с высокой сквозной башенкой, откуда гоняли голубей. Купол башенки был увенчан фигуркой голубя. В центре площадки находился круглый мраморный фонтан.

Переговоры «о найме плотников для дела огорожки, где сидеть

Птичий двор в Летнем саду.
Фрагмент плана Санкт-Петербурга. Конец 1760-х гг.

птицам позволено», велись с архитектором И.-Г. Маттарнови, очевидно, автором проекта¹. В апреле 1719 года он затребовал «припасов к птичному дому, который переставляется на другое место». К слову сказать, где в Летнем огороде ранее находился «птичий дом», неизвестно. Столяр И. Михайлов подрядился «в Голубятню восемь окошечных рам сделать, да двери поставить». Судя по чертежу, павильон действительно имел восемь больших затянутых проволочной сеткой оконных проемов, что позволяло любоваться птицами, не заходя в помещение. Вероятно, это имел в виду Петр I, когда приказывал «строить голубятню за проволочными решетками (как в Голландии делается)». В сентябре 1719 года князь А. Черкасский распорядился все работы «в окончатые привезть»: купол покрыть же-

стью, полы вымостить путиловскими плитами «квадратнаго фута», а потолки и стены между пилястрами обить холстом. Снаружи деревянный павильон был пестро раскрашен зеленой, белой, желтой и черной красками.

В 1718 году в Астрахань прибыл урядник Преображенского полка Алексей Татаринов с царским указом к губернатору А. П. Волинскому (будущему заговорщику, казненному в 1740 году). Указом государя было велено отловить и доставить в Петербург всевозможных птиц, что водились в тех краях. Уже через неделю Татаринов отправил первую партию – 47 птиц, купленных у местных жителей. В богатые птицей дельты Волги и Дона были посланы ловчие. С тех пор ежегодно в Петербург стали прибывать караваны судов с птицами. Не всегда и

половина из них доставлялась до места. Так, например, из 520 отправленных из Астрахани в 1721 году птиц «померло 372, да с судном потонуло 116. Ныне, – доносил садовник, – налицо 33. А из старых очень мрут, особливо из красных уточек». В рапортах Татаринова значатся редчайшие ныне белые журавли – стерхи, «заморские гиянские петушки и курочки», «горские журавлики», «кашкалдаки» – астраханское название лысухи, кваки, – выпь, коровайки – кулики, чапуры – цапли, колпы, казарки и др. Истинным украшением Птичьего двора были доставленные из Италии цветные и белые павлины.

Гости петровских ассамблей допускались на Птичий двор лишь по специальному разрешению – билету, впрочем, бесплатному. Камер-юнкер Берхгольд оставил в своем дневнике запись: на Птичьем дворе содержатся в клетках орлы, черные аисты, журавли и «много других редких птиц», а также зверушки: «большой еж, имеющий множество черных и белых игл до 11 дюймов длиной» (дикобраз), «синяя лисица» и несколько соболей. Последние находились в центральной клетке, которая в описи 1736 года названа «соболоиной».

Неясно, чем было вызвано решение Екатерины II снести Птичий двор и прочие «петровские затеи». Незадолго до того, 4 июня 1786 года, последовал прямо противоположный императорский указ: «Птичьей двор за ветхостью створчатые ворота вновь сделать, наместо приправить и укрепить и столярные украшения с наружной стороны переправить, починить и укрепить, да в птичьих местах за ветхостью 15 рам вновь сделать»². Но уже через месяц подрядчик купец Кувакин заключил договор на разборку фонтанов, каскадов и того же Птичьего двора. Деревянные павильон и галереи были снесены, но, как показали раскопки, кирпичные фундаменты сохранились на глубине полуметра. Археологов ждал сюрприз: на кладке фундамента «Голубятни» стоял жестяной чайник, там же был обнаружен бак, самодельные «плечики» из проволоки и другие предметы времен войны, когда на том боскете, очевидно, были вырыты укрытия от бомбежек и артобстрелов.

Раскопки павильона «Голубятня» на Птичьем дворе. 1976 г.

Размеры обнаруженного павильона соответствуют данным описи 1736 года: «длиннику» – одиннадцать саженей полтора аршина, «поперек» – две сажени с пол-аршина (24,84 x 4,68 м). Небольшой, диаметром две сажени (4,32 м), фундамент фонтана в центре двора сохранился плохо; он перерезан траншеей военного времени. Из архивных документов известно, что дно бассейна было облицовано плитками белого, а карниз – черного мрамора. При раскопках

встречены фрагменты беломраморных плит. Обнаруженные на месте раскопок галерей птичьей кости переданы на определение в Палеонтологический музей АН СССР. Оказалось, что они принадлежат двум очень мелким курочкам, трем более крупным курицам, глухарю, колпице и утке, возможно, это шелоховость.

Соседний с Птичьим двором боскет, ближайший к Неве, носил название Еловая роща. На берегу Невы на месте Марсова поля рос

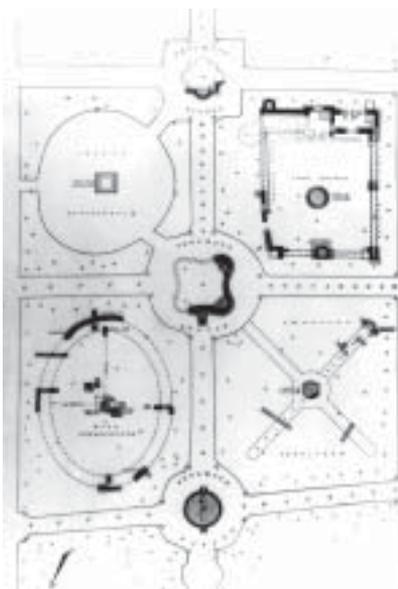

Раскопки фонтана на Птичьем дворе. 1976 г.

некогда еловый лес, который царь объявил заповедным, но уберечь не сумел – деревья погибли в наводнениях. Быть может, взамен природного ельника Петр I решил насадить новую еловую рощу. Кстати сказать, рядом с Летним дворцом находилась Дубовая роща, а там, где сейчас стоит Чайный домик, – Липовая роща. Еще одна, и самая большая, Фабульная роща была во Втором Летнем саду; о ней – отдельный рассказ. Еловую рощу из конца в конец пересекали по диагоналям дорожки с деревянными арочными галереями. Ветви деревьев привязывались к обрешетке галерей, образуя зеленый свод. Французское название таких дорожек – «берсо» – в России было заменено на образное – «огибные аллеи». В плане боскет с диагональными дорожками напоминал композицию Андреевского флага. Отсюда еще одно название боскета – Крестовое гульбище. В центре площадки на пересечении аллей находился фонтан, на котором, по словам Берхгольца, стояла «прекрасная статуя с покрытым лицом, у подножия которой течет, или, лучше сказать, бьет вода со всех концов». Судя по описи 1736 года, бассейн был богато декорирован: «обложен свинцом, да по местам плитками белыми и черными мраморовыми, також убрано раковинами».

Фонтан диаметром 3,5 м распан целиком. В засышке археологи нашли обломки беломраморных плит и створки устричных раковин. Посередине выложенного из кирпича бассейна обнаружены четыре симметричные сквозные отверстия, диаметром 205 мм. Отсюда била вода, создавая иллюзию кипящих у подножия статуи ключей. Невысокие струи не должны были скрывать замечательную мраморную женскую фигуру с тонким прозрачным покрывалом, сквозь которое проступали очертания прекрасного лица. Крытые дорожки замыкались полуциркульными беседками. Каменный фундамент одной из них с остатками деревянных столбов обнаружен на глубине 0,4 м. Ширина дорожек – 2,5 м.

У этого фонтана произошла сцена, свидетель которой камерюнкер Берхголец испытал чувство неловкости за своего благородно-

Боскеты «Птичий двор» и «Крестовое гульбище». План шурфов. 1976 г.

го, но слишком порывистого воспитанника, голштинского герцога Карла Ульриха. Во время приема в Летнем саду герцог, помолвленный с младшей дочерью Петра I принцессой Анной, просил даровать свободу плененному под Полтавой графу Бонде, которого имел честь представить царю «в небольшой приятной аллее, где стояла превосходная мраморная статуя Веры с покрытым лицом». Как только Петр произнес слова прощения, герцог, «забывшись от большой радости», неожиданно отцепил свою шпагу и вручил ее ошеломленному генералу, «тогда как ему следовало поднести ее сперва царю». Петр I сделал вид, что ничего не заметил, взял шпагу у Ягужинского и подал графу. Патетическая сцена превратилась в комическую – смущенный граф некоторое время стоял с двумя шпагами в руках, пока не возвратил взятую им от его высочества.

Царь привел гостей в Крестовое гульбище, чтобы показать свое недавнее приобретение: статую «Вера» («FIDES») «предивной работы славного шкултора Антония Карадиния». Говорят, в Венеции толпился народ, чтобы посмотреть на эту статую, выставленную на всеобщее обозрение в соборе Св. Марка перед ее отправкой в Россию. Через год, в 1722 году, в Летний сад была доставлена парная к ней скульптура «Религия» того же

скульптора, также изображавшая женскую фигуру с мраморным, словно прозрачным покрывалом на лице. Парные скульптуры установили перед Гротом, а на фонтане в Крестовом гульбище место «Веры» заняла загадочная, до сих пор не идентифицированная скульптура «Венера везентино с малым отроком». О ней в описи 1771 года сказано следующее: «В роще в крестобразной галерее педестал дикаго камня. На нем стоит белая мраморная фигура Венера везентино. Вокруг онаго сибирскаго мрамора бассейн. Не требуется починки»³.

В 1786 году фонтан ликвидировали, и на боскете вновь появилась «Вера», но не надолго. В ночь на 30 июля 1788 года какой-то злоумышленник проник в сад и сбросил статую с пьедестала. «В первом летнем саду, – читаем об этом акте вандализма, – в крестовой роще мраморная фигура, называемая вера, незнаемо кем с пьедестала сброшена на землю, и из под нее унесен свинцовый круг»⁴. «Религию» и «Веру» перенесли в Грот, а оттуда в 1795 году – в Зимний дворец, где их установили по сторонам трона в Георгиевском зале. К тому времени относится рисунок архитектора И. Е. Старова, запечатлевшего статую «Религия»⁵. Фигуры по-

И. Е. Старов. Рисунок статуи «Религия» А. Коррадини

страдали в пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Уцелевшие фрагменты хранились в складских магазинах Гофинтендантского ведомства; их предполагалось использовать при создании рукотворных «рувин». В 1850-х годах архитектор А. И. Штакеншнейдер отобрал поврежденные статуи и барельефы для своих построек в античном духе в Петергофе. Автор книги «Летний сад и его скульптура» Ж. Мацулевич опознала в одном из бюстов Царицыного павильона женскую головку с покрывалом, фрагмент, как ей казалось, статуи «Вера»⁶. А в 1972 году на Руинном острове в Луговом парке Петродворца была обнаружена обезглавленная мраморная фигура с надписью на цоколе «LA RELIGIONE». В 1965 году появилась статья Ж. Мацулевич, в которой автор пересмотрела свою прежнюю атрибуцию. Сопоставив рисунок И. Е. Старова с бюстом, Ж. Мацулевич пришла к выводу, что фрагмент принадлежал статуе «Религия». Сходство бюста с рисунком очень большое, но, приглядевшись, можно заметить различия, например, иное покрывало на голове. Сотрудники Эрмитажа, изучив уцелевшие фрагменты и все тот же рисунок Старова, дали заключение, что фрагменты принадлежат все-

Мраморный бюст. Фрагмент статуи «Вера» А. Коррадини

Ю. И. Кологривов. «Венус спящая с Купидоном». Рисунок

таки разным статуям и женская голова – часть фигуры «Вера».

После ночного разбоя место пострадавшей «Веры» на фонтане заняла некая статуя – «Венера с купидом преизрядной работы». Возможно, это все та же «Венера везентино с малым отроком». Но была в Летнем саду еще одна статуя – «Венус спящая с Купидо-

Мраморная женская голова. Фрагмент статуи «Венера с Купидоном». Л. Бернини (?)

ном», принадлежавшая к числу лучших в коллекции Петра I. Свое сообщение в Петербург об удачной покупке Ю. И. Кологривов сопроводил рисунком статуи, приписав внизу: «Величиною против натуры Венус спящая из мрамора работы кавалера Бернини»⁷. По этому рисунку удалось опознать обнаруженные в 1977 году на месте раскопок Большой оранжереи в Летнем саду несколько мраморных фрагментов: дивной красоты голову Венеры, фигуру Амура и другие более мелкие обломки.

Доставленные из Италии статуи и бюсты украшали собой аллеи и площадки Летнего сада. Но

Фигура Купидона. Фрагмент статуи «Венера с Купидоном». Л. Бернини (?)

А. Бернини. «Истина».
Ок. 1645–1652 гг. Рим

наиболее ценные произведения стояли не на открытом воздухе, а хранились в павильоне «Грот», ставшем своеобразным музеем скульптуры. Наряду с антиками там находилась и «Спящая Венера». Академик Я. Штелин, отметив ее местонахождение на плане расстановки скульптур в Гроде, в экспликации написал: «Спящая Венера с резвящимся Купидоном и голубем под ногой. Современная работа из алебаstra. (Превосходная вещь)»⁸. Вероятно, в полумраке Грота академик не разглядел, что статуя не из алебаstra, а из мрамора. А. Г. Каминская обратила внимание на композиционное сходство скульптуры «Спящая Венера» и аллегорической фигуры «Исти-

на» в галерее Боргезе в Риме. На память приходят и другие работы гениального скульптора: «Экстаз святой Терезы» и «Святая Людовика». Венера спит и видит эротические сны. Чувственный восторг молодой женщины на этот раз не замаскирован под религиозный экстаз. Произведение ли это гениального Лоренцо Бернини или кого-то из мастеров его круга, остается загадкой.

По окончании строительства Таврического дворца в 1793 году граф Г. А. Потемкин получил от Екатерины II поистине царские подарки, в числе которых оказались две знаменитые «Венеры» из Летнего сада. Одна из них (античная) после смерти Потемкина попала в Эрмитаж под именем

«Венеры Таврической», а «Венера спящая» оставалась в Таврическом дворце, по сведениям С. О. Андросова, по крайней мере до 1859 года⁹. Что случилось дальше, неизвестно. По-видимому, обломки разбитой статуи просто закопали в Летнем саду на территории Хозяйственного двора, где их и нашли многие годы спустя рядом с трансформаторной будкой. Возможно, в земле сохранились и другие фрагменты знаменитой скульптуры. Надеемся, что в связи с предстоящей реставрацией сада появится возможность возобновить раскопки на месте Большой каменной оранжереи, где уже сделано немало замечательных находок, о чем хотелось бы рассказать читателям.

А. Бернини. «Святая Людовика Альбертони». Ок. 1671–1674 гг. Рим

¹ Коренцвит В. А. Центральная часть Летнего сада по материалам археологических изысканий // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1980. 1979 г.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470. Оп. 1 (86/520). Д. 20. Л. 17.

³ Там же. Оп. 3 (93/527). Д. 3. С. 6. В описи 1736 г. об этой статуе сказано так: «Венера везентино с малым отроком, стоит на фонтане» (РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 81. Л. 111).

⁴ Андросов С. О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб., 1999. С. 131.

⁵ Matzulevitch J. La «Donna velata» del Giardino d'Estato di Pietro il Grande // Bollettino d'Arte. № 1–2 – Gennaio – Giugno. 1965. P. 80–85.

⁶ Мацулевич Ж. Летний сад и его скульптура. Л., 1936. С. 88.

⁷ Каминская А. Г. Ю. И. Кологривов и его участие в создании первых коллекций скульптуры в Петербурге // Музей. 1984. 5. С. 140.

⁸ Малиновский К. В. Записки Якоба Штелина о скульптуре в России в XVIII веке // Русское искусство второй половины XVIII – первой половины XIX веков: Сб. М., 1979.

⁹ Андросов С. О. Указ. соч. С. 89.

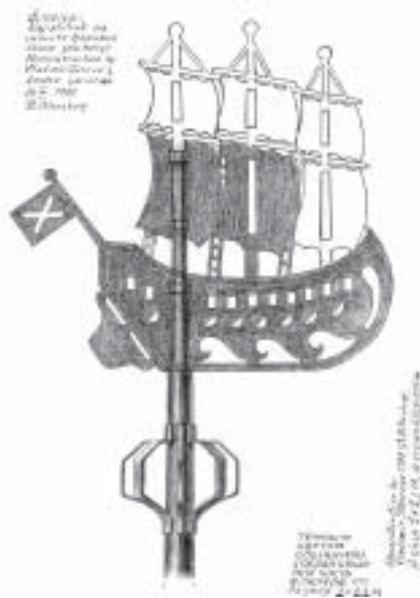
Корабли в небе Петербурга

В. Б. Зернов

На моей выставке «Архитектурные символы Петербурга» в мае 2003 года была представлена цветная графика с изображениями произведений архитектуры малых форм, украшающих наш город 300 лет. Графические листы подытоживают мои многолетние наблюдения, личные обмеры с натуры, исследования.

Среди прочего я представил мою находку, сделанную более 20 лет тому назад. Оказывается, высоко в небе Петербурга плывут два кораблика: один – всем известный и любимый – на шпиле Адмиралтейства, а другой – неизвестный – на шпиле Городского училищного дома (1910 год), в котором в советские годы разместили Нахимовское училище.

Кораблик этот раза в два меньше Адмиралтейского фрегата, который от кормового флагштока до гюйса на бушприте имеет размер около двух метров. В 1997 году я обнаружил, что кораблика на шпиле Нахимовского

Флюгер-кораблик на шпиле Нахимовского училища.
Реконструкция В. Зернова и А. Ларионова. 1997 г.
Темным цветом обозначена сохранившаяся часть флюгера.
Его размер 1 x 1,2 м

училища нет. Его сняли на реставрацию. В мастерской реставраторов я увидел его лежащим на верстаке. У бедняги отсутствовали фок-мачта (передняя) с парусами на грот-мачте и бизань-мачте. Вероятно, металл не выдержал и стихии поработали. Я сделал обмер и чертеж кораблика, дорисовав утраты. Помог в этом мой рисунок кораблика двадцатилетней давности, на счастье, сделанный, сохранившийся в моем блокноте и пригодившийся.

Свою реконструкцию я представил известному ученому из Центрального военно-морского музея Андрею Леонидовичу Ларионову, специалисту-реставратору и реконструктору парусников, много сделавшему для отечественной истории и культуры. Он все подтвердил, слегка подкорректировал.

К сожалению, реставраторы не стали восстанавливать мачту и паруса, вместо них приделали вымпел к бизани и бушприт со стакселем к форштевню.

Адмиралтейство. Фотография К. К. Булы. 1890-е гг.

Первый постоянный мост через Неву

М. П. Волкова

Проходя по подземному переходу от Пассажа к Гостиному двору у Садовой улицы, задержитесь на минутку у фотографии на правой стороне стены с изображением моста через Неву и попытайтесь вспомнить, как выглядит теперешний мост, занимающий то самое место и называемый «имени Лейтенанта Шмидта».

Вы скажете: «Это – другой мост». И будете правы. Да, этот мост – предшественник ныне стоящему, и назывался он по-другому – Николаевский. Так он выглядел в начале 1900-х годов, когда фотограф К. Булла запечатлел его на память. Мост этот был очень знаменит: он был первым постоянным мостом через Неву, показавшим возможность перекрывать столь широкое водное пространство не только наплавными (плашкоутными) мостами, но и постоянными, созданными из камня и металла, на свайном фундаменте, с проемами, раскрывавшимися для прохода судов. Сооружение первого постоянного моста осуществлялось в 40-е годы XIX века при участии многих специалистов разных профессий, подрядчиков, огромной армии «работных людей». Из многочисленных проектов постоянного моста наиболее соответствующим требованиям столичного города специальная комиссия признала проект инженера Корпуса путей сообщения майора Кербеда¹.

Николай I уделял особое внимание строительству первого постоянного моста через Неву. Он указал место постановки моста, вникал в детали проекта, давал свои указания и поправки, следил за расходом денежных средств, заботился об архитектурном убранстве и украшении этого необыкновенного сооружения. Современники считали тот мост «детисцем Николая Павловича». По воле Николая I катафалк с его телом провезли по мосту в царскую усыпальницу Петропавловской крепости.

21 ноября 1850 года, во вторник, в день празднования Введения во храм Пресвятой Богородицы, было совершенно открытие моста, названного тогда по решению Сената Благовещенским. Такое название он получил по наименованию храма лейб-гвардии Конного полка во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, стоявшего на площади с тем же названием на Адмиралтейской стороне у начала моста. В одиннадцатом часу было совершено молебствие и освящение моста при огромном скоплении народа всех сословий. Во втором часу на торжество прибыли государь император, их императорские высочества, великие князья и особы высочайшей свиты. В сопровождении огромной толпы все пешком устремились по мосту от Английской набережной до Васильевского острова. Обратное шествие было следующим: в первой коляске ехал император, во второй – великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич, в третьей – великий князь Николай Николаевич, в четвертой – его императорское высочество герцог Лихтенбергский. Народ, стоявший вокруг, громогласным «ура» сопровождал царственный поезд².

Мостовое полотно было положено на семь ажурных, легких на вид, чугунных арок, опиравшихся

на тонкие каменные, облицованные гранитом быки, уходившие в глубину воды до свайного основания. Восьмая арка, между толстым быком и береговым каменным устоем, – подвижная, раскрывавшая проход для судов отведением двух крыльев в стороны, – у Васильевского острова.

Сверху ограждение с двух сторон было составлено из звеньев решеток, закрепленных в орнаментированные столбики. Узор решетки создан по рисунку А. П. Брюллова и отражал морскую тему – морские коньки поддерживали трезубец в окружении изящного орнамента. Архитектурное убранство моста дополняли чугунные столбы с газовыми фонарями. Попытка Николая I украсить мост скульптурой не удалась, но об этом следует рассказать.

Еще в 1845 году, будучи во Флоренции, император сделал устный заказ известному в то время скульптору Пименову, находившемуся в командировке в Италии от Академии художеств с целью отбора мраморов для строившегося в ту пору Исаакиевского собора, сделать проекты скульптур для украшения моста. Преодолевая трудности (в основном финансовые), Пименов в течение четырех лет создал семь проектов аллегоричес-

Благовещенский мост. К. К. Шульц. После 1853 г.

ких скульптур: «Торжество над водой», «Торжество христианства или ниспровержение идолов», «Александр Невский вкладывает меч в ножны, благодаря Бога за победу», «Аллегория Москвы, устоявшей от трех нашествий: татар, поляков и французов», «Аллегория Санкт-Петербурга как приемника европейского просвещения в России» (из четырех фигур), «Аллегория Казани», «Аллегория Сибири» (из четырех фигур). Однако деньги на изготовление этих скульптур для постановки на мосту Министерство финансов не отпустило, и эскизные модели Пименова какое-то время оставались в Академии художеств учебным пособием, а со временем исчезли, но два гранитных пьедестала успели поставить на строившемся мосту³.

В 70-х годах XIX века попытка украсить Николаевский мост возобновилась при участии ученика Пименова скульптора Антокольского. В 1872 году он получил заказ сделать четыре скульптурные группы для четырех углов предполагаемого к сооружению Александровского моста. Скульптор создал эскизы конных статуй четырех деятелей Русского государства: Владимира Святославича – просветителя, Ярослава Мудрого – законодателя, Ивана III – собирателя и Петра I – преобразователя России. Но проект моста не был утвержден, и скульптуры не потребовались. Антокольский предложил их для Николаевского моста, тем более два пустых постаментов стояли на левобережном устье. Но и в тот раз Министерство финансов не нашло средств для исполнения скульптур в бронзе. Так и остались стоять на мосту при въезде с Английской набережной два пустых пьедестала в виде гранитных тумб на память потомкам о неудавшейся попытке украсить первый постоянный мост через Неву скульптурой. Они примелькались и остались незамечаемыми, с неизвестной историей⁴.

Удавшимся архитектурным украшением моста оказалась часовня во имя святителя Николая Чудотворца, поставленная на «толстом» быке перед разводной частью. Поводом к созданию этой часовни послужила привезенная из Италии икона – мозаичное изображение Николая Чудотворца, со-

зданное учениками Академии художеств, осваивавшими там искусство мозаики. Она была подарена Николаю I.

Государь, заботящийся об украшении уже открытого Благовещенского моста, распорядился об отпуске 46 тысяч рублей серебром (из остаточной суммы строительства моста) для постройки специальной часовни для помещения Образа и 24 июня 1852 года повелел:

«1. Производителем работ назначить архитектора статского советника Штакеншнейдера, как составителя проекта, под наблюдением Окружного правления путей сообщения.

2. Сделать с наружной стороны часовни с лица следующую надпись – «Благославлен грядый во имя Господня».

3. Вход в часовню закрыть железными решетками, вышиною до 2-х аршин, которые бы можно было на ночь запирать.

4. В куполе часовни, где предполагается устроить газовое освещение, сделать необходимое отверстие для отведения копоти.

5. На заднем фасаде часовни поставить Образ Святого Благоверного великого князя Александра Невского с тем, чтобы Образ сей был написан на медной доске лучшим художником, по изображению архитектора Штакеншнейдера.

6. Находящиеся на мосту на месте будущей часовни два фонаря установить на другое место, где удобнее будет, о сем Окружному правлению от его сиятельства господина главноуправляющего предписано будет»⁵.

Образ святого Александра Невского для фасада часовни, обращенного к Васильевскому острову, был написан академиком Завьяловым масляными красками на позолоченной медной доске.

В июле 1852 года был подписан контракт на создание часовни с инженер-капитаном Дершау. Финансовым гарантом для залога выступил капитан Мусин-Пушкин. В описании обязательств по постройке часовни «своими мастерами людьми, знающими дело в совершенстве, с употреблением собственных материалов высшего качества» значилось: общая высота (с крестом) от мосто-

вой – 5 сажен, 2 и 3/4 аршин; в сечении площадь – 5 аршин 3 вершка x 5 аршин 3 вершка; в цоколе – до 8 аршин. А во втором контракте, заключенном с Дершау в сентябре того же года, на золочение «через огонь» указаны следующие части часовни:

- медные украшения на 3 железных решетчатых дверях;
- медные поручни и украшения в железных решетках по парапетам и со входа в часовню;
- крыша часовни, с теремками и прочими украшениями;
- медные буквы в подписи;
- медная рама вокруг образа святого Николая Чудотворца.

В процессе работы, по предписанию главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютанта графа Клейнмихеля, потребовалось делать золочение железных рам, обложенных медью вокруг двух зеркальных стекол с боков часовни, бронзовых капителей и баз у четырех колонн, железных рам, обложенных медью вокруг образа святого Александра Невского, железных дверей, с лицевой стороны часовни обложенных медью, со стоячей фрамугой и с решетками по нижнему стеклу с обеих сторон.

9 мая 1853 года часовня была заложена. На отведенном для нее месте был положен закладной камень и поставлены две железные кружки для сбора добровольных приношений. В фундаменте часовни положили вызолоченную закладную доску. Через год, 9 мая 1854 года, она была освящена и открыта в парадной обстановке⁶.

При снятии покрывала часовня открылась присутствующим как чудо: на фоне красного гранита стен сверкали ажурные решетки дверей и окон с зеркальными стеклами; золотые капители и базы колонн подчеркивали красоту полированного гранита; в золотых рамах предстали образы Николая Чудотворца и святого князя Александра Невского. Все это венчал золотой чешуйчатый купол с крестом и восемью золотыми звездами по углам.

В последующие годы выполнялись некоторые дополнительные устройства (заменены двери на более нарядные, улучшили освещение установкой посеребренного рефлектора, устраняли копоть от газовых рожков, делали текущие ре-

Николаевский мост со стороны Английской набережной.
Л. Ж. Жакотте и Регаме по рисунку И. И. Шарлеманя. 1850-е гг.

монты и подновляли позолоту, добавляли лампы, цепочки и пр.).

В 1855 году Благовещенский мост был переименован в Николаевский. На то был указ Александра II, записанный в Полном собрании законов Российской империи под № 2905 от 22 февраля 1855 года: «Постоянный через реку Неву в Санкт-Петербурге Благовещенский мост, сооружение коего около столетия было предметом проектов неудобноисполняемых и который волею императора Николая Павловича в 1843-м году начат и в 1850-м году совершенно окончен, именовать Николаевским мостом».

Изменения в городе после революции коснулись и первого постоянного моста через Неву, начиная с переименования. С 1918 года он стал называться «имени Лейтенанта Шмидта». В 1930 году он лишился украшавшей его часовни: ее разобрали под предлогом установки на том месте памятника лейтенанту. Памятник Шмидту по какой-то причине не поставили, и место оставалось пустым до реконструкции моста в советское время.

О катастрофическом положении и необходимости капитального ремонта моста имени Лейтенанта Шмидта указывалось на протяжении нескольких лет (в 1922, 1926, 1928, 1929 годах), до тех пор пока в 1930 году не смогли осуществить развод моста для пропуска судов по Неве и пока не лопнула центральная балка. Была создана специальная комиссия, вынесшая решение в 1931 году отремонтиро-

вать балку, сменить металлические части в разводном устройстве и считать это временной мерой, не снимающей проблемы фундаментальной перестройки моста.

В 1934 году Межведомственная комиссия рассмотрела четыре представленных варианта переустройства моста имени Лейтенанта Шмидта и предложила по одному из них разработать технический проект и смету профессору Г. П. Передерию, который рекомендовал свой вариант, более легко выполнимый и удобный в эксплуатации: число пролетов оставить прежним, разводную часть моста сделать на середине реки, увеличить ширину моста. Для исполнения того проекта требовалось разобрать

арки всех пролетов и старую разводную часть моста, постоянные пролеты перекрыть неразрезными металлическими блоками с параллельными поясами, верхние части быков перестроить, существующий разводной пролет перекрыть железобетонной аркой с гранитной облицовкой, как бы продлить правобережный береговой устой. Для разводного пролета между 4-м и 5-м быками вместо тонких быков устроить на старых сваях новые «толстые» быки, необходимые для размещения механизмов разводного устройства⁷.

В декабре 1936 года были начаты работы по реконструкции моста имени Лейтенанта Шмидта, в ноябре 1938 года они были закончены. Технические и рабочие проекты выполнялись под наблюдением комиссии в составе профессоров Н. Л. Троцкого, А. А. Оля и архитектора Катонина.

Изменилась и верхняя часть моста. На толстых быках поставлены два павильона (в левобережном размещен действующий механизм, а другой выполнен для симметричной композиции). Они облицованы стальными листами с накладными чугунными деталями стилизованных элементов решетки – трезубец на раковине и акантовых листьях. Под окнами установлен чугунный пояс с орнаментом «бегущая волна», с цветочными розетками и лилиями. Из девяти оконных проемов на павиль-

Часовня на Николаевском мосту.
По рисунку И. И. Шарлеманя. 1850-е гг.

онах один был закрыт в 1956 году памятными досками. Разводной пролет выполнен по «безраспорной» системе, в виде двух стальных консолей треугольной формы, соединенных между собой шарнирами. Раскрывается мост вверх двумя крыльями.

Новое ограждение, выполненное из силумина, по 10 звеньев и 14 столбиков с каждой стороны, совсем иного рисунка, чем историческая решетка, украшающая весь мост.

Мощные фонари-горшеры, отлитые из чугуна, с украшениями, похожими на столбики перильного ограждения, венчаются парными восьмигранными фонарями, закрепленными на литых декорированных кронштейнах. На различной высоте закреплены растяжки контактной сети трамвая и многочисленные знаки дорожного движения, светофоры и другие указатели. Это очень утяжеляет внешнее оформление моста. Хотя считается, что в целом вес моста после реконструкции снизился с 8200 тонн до 2000.

Длина моста – 328,5 м; ширина между перилами – 24 м; ширина тротуаров – 3,5 м; ширина проезжей части – 17 м; разводной проем – 42 м.

5 ноября 1938 года по мосту было открыто движение, то есть для пешеходного движения мост был закрыт 18 месяцев. Проверка состояния нового моста была осуществлена в 1940 году специальной комиссией под председательством инженера С. К. Бирюкова, при участии профессоров В. М. Келдыша, В. К. Качурина, инженера В. Я. Яварского и архитектора А. М. Заславского. Кроме них к работе была привлечена большая группа специалистов, в числе которых был и профессор Г. П. Передерий. По оценке комиссии, мост был признан удовлетворяющим свое назначение, хотя высказывались разные замечания.

Самое большое недовольство вызвало то, что преобразования первого постоянного моста через Неву нарушили прежний гармоничный облик города – ценного исторического памятника. Оправданием таких перемен может служить только то, что стали лучше удовлетворяться требования судоходства и городского транспорта тех лет. Чугунные арки Николаевского моста были отвезе-

Разводной пролет из двух стальных консолей и единая неразрезная балка, перекрывающая три пролета с каждой стороны от разводной части. Фото 2004 г.

ны в Тверь, поставлены на мосту через Волгу и до сих пор превосходно там служат. Фонари же перенесены на Марсово поле, и они тоже исправно выполняют свои функции⁸.

В последующие годы делались разнообразные «текущие» ремонты, а в 1965–1966 годах выполнен капитальный ремонт моста (СУ-1 треста «Ленмостострой»). Год от года нагрузка на мост возрастает. Настала пора реставрации и перестройки теперешнего моста имени Лейтенанта Шмидта в соответствии с требованием времени.

По городским информационным каналам уже не раз сообщалось о готовящейся реставрации этого важного городского объекта, и уже есть проекты приблизить вид будущего моста к «первозданному». Это кажется прежде всего ажурных арок.

Пора бы поднять вопрос о возвращении мосту исторического названия, которое обоснованно было дано ему в 1855 году – «Николаевский», тем более что название «имени Лейтенанта Шмидта»

выглядит неуместным (революционные заслуги лейтенанта были связаны с крейсером «Очаков» на Черном море).

Следует вспомнить и о часовне с образами Николая Чудотворца и князя Александра Невского – охранителей нашего города. Конечно, на мосту теперь невозможно выделить место для такого сооружения, а на берегу рядом с мостом, справа, у въезда с Васильевского острова, стоит павильончик непонятного назначения. Так и хочется попросить его уступить это место нашим святым.

Повторяю свою рекомендацию, с которой я начала свой рассказ: задержите внимание на фотографии в переходе Невского проспекта с правой стороны, когда идете от Пассажа к Гостиному двору. А когда будете проходить по нему или окажетесь поблизости, внимательно рассмотрите мост имени Лейтенанта Шмидта. Он тоже скоро исчезнет и станет историческим объектом советского периода.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 220. Оп. 1. Д. 179 (1843 г.). «О вторичном рассмотрении проекта майора Кербедза постоянного через реку Неву моста».

² Санкт-Петерб. ведомости. 1850. 24 нояб. № 266; Внутрен. известия. 23 нояб.

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 99/936. Д. 377 (1845 г.). «Дело о заказанных скульптору Пименову статуях для вновь строящегося постоянного моста через реку Неву».

⁴ О неосуществленных скульптурных украшениях постоянного Николаевского моста. (Проекты скульпторов Пименова и Антокольского) // Санкт-Петерб. ведомости. 1898. 22 июля. № 198.

⁵ РГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 932 (1852–1855). «По Высочайшему повелению о постройке часовни для постановления в оной привезенного из Рима мозаичного Образа Св. Николая Чудотворца».

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. 3-е отд. 2-й стол. Д. 9 (1854). «Дело об освящении часовни на Благовещенском мосту».

⁷ Смирнов Н. А. Переустройство моста имени Лейтенанта Шмидта // Архитектура Ленинграда. 1937. № 3. С. 28–31.

⁸ Историческая справка о мосте им. Лейтенанта Шмидта / Сост. В. А. Таубер. 1940 г. Шифр-Н-104/2 // Архив КГИОП.

Дом Советов на Московском проспекте

Д. А. Орлов

10 августа 1935 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили отправные установки к Генеральному плану развития Ленинграда. 26 августа они были рассмотрены на объединенном пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) и Ленсовета. На том же пленуме было принято постановление горкома ВКП(б) и Ленсовета «О плане развития города Ленинграда», принятое по докладу А. А. Жданова. В своем докладе А. А. Жданов сказал: «Нам нужно тянуть наш город на юг, восток и юго-восток. Мы должны, как говорил товарищ Сталин, совершить эту задачу в минимальный исторический срок и вывести Ленинград из затопляемых мест. Развитие города должно пойти вверх по Неве, с выходом на незатопляемые места, по следующим основным магистралям – правый и левый берег Невы, Лужское шоссе, Московское шоссе...»¹.

Постановление пленума предусматривало не просто застройку южных территорий – эти территории должны были стать новым общегородским центром Ленинграда. То есть там должны были разместиться все административные учреждения города, а также проживать большая часть населения города.

В июле 1936 года был объявлен закрытый конкурс на главное здание будущего центра. По программе конкурса в здании должны были разместиться около 700 мелких административных помещений, зал собраний на 3000 человек, 10 малых залов, библиотека, столовая и ряд других помещений (почта, сберкасса и т. п.). Свои проекты на конкурс представили ведущие архитекторы Ленинграда: А. И. Гегелло, Л. А. Ильин, Е. И. Катонин, И. Г. Лангбард, Е. А. Левинсон, Л. В. Руднев, И. И. Фомин и другие.

Конкурсные проекты на Дом Советов, так же как и конкурсные проекты на Дворец Советов в Москве, отразили общую картину развития архитектуры в 1930-е годы. Первую премию на этом конкурсе получил проект Н. А. Троцкого, который выпол-

нил требования программы наиболее убедительно².

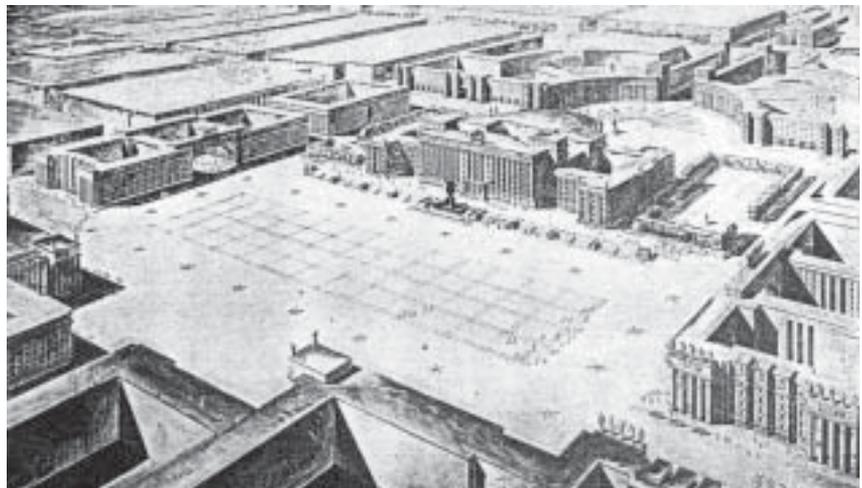
Ленинградский Дом Советов – самая значительная работа Н. А. Троцкого, завершение его творческого пути (архитектор умер в 1940 году, в разгар строительства Дома Советов).

Проект, по которому велось строительство, представлял собой дальнейшее развитие конкурсного. Были несколько изменены пропорции объемов, детали, внутренняя планировка проектируемого здания. Так, башенные сооружения, на фоне которых выступает средняя, возвышающаяся, часть главного фасада (центральный ризалит), в конкурсном проекте решены проще. (Вообще, эти башни были введены в проект для более органичной связи разноэтажных частей здания. В них должны были разместиться архивы³.) Колонны по бокам вертикальных рядов окон, организующие средний главный выступ, в конкурсном проекте предлагалось установить сплошным непрерывным рядом⁴. В окончательном проекте они прерывались в центре участком стены, сильно декорированной рустом. Надо отметить, что этот композиционный прием – применение мощной колоннады (или каких-либо других вертикалей), идущей на всю высоту здания, – был одним из наиболее частых при возведении больших

общественных зданий в 1930–1950-е годы. Но, как писал А. И. Гегелло, «у Троцкого эти тенденции проявлялись не так резко и не так разнообразно, смягчал их более широкий творческий диапазон, большая эмоциональность его творчества»⁵. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что этот прием не был изобретением советских архитекторов: в архитектуру его ввел известный немецкий архитектор Петер Беренс (1868–1910), автор здания бывшего германского посольства на Исакиевской площади.

Этот окончательный вариант центрального фасада был найден далеко не сразу. Отказавшись от непрерывного ряда колонн, Н. А. Троцкий создал второй вариант проекта, в котором единый портик был заменен тремя портиками (двумя восьмиколонными по сторонам и одним по центральной оси здания), но и тот вариант не удовлетворил автора. Лишь после проработки самых разнообразных вариантов, с помощью архитектора Я. Н. Лукина, оформился третий, окончательный вариант.

Чтобы центр сооружения не уступал его боковым портикам, он максимально был насыщен рустованными пилястрами, оконными наличниками, полированным гранитом в оформлении квартала.

Проект Дома Советов и площади перед ним (автор – Н. А. Троцкий)

К сожалению, многого из предусмотренного проектом не удалось осуществить. Из сметы на строительство была вычеркнута сумма, предусмотренная на сооружение картуша, фриза и скульптур, расположенных по контуру здания. Отстаивая свою позицию, Н. А. Троицкий писал: «Уничтожение скульптуры существенно меняет облик здания, искажает проект. Здание будет производить впечатление незаконченного, так как скульптура запроектирована в органической связи с архитектурой, а не как украшение. Герб и фигуры наверху помимо идеологического значения совершенно необходимы для завершения силуэта здания, смысл барельефа дает архитектурный смысл и значение центральному порталу»⁶. Фриз и картуш с гербом Н. А. Троицкому удалось отстоять, но скульптуры так и не были установлены. Внутри план здания представляет собой четкую систему рабочих помещений. В центре – главный вход в три двери с порталом. Три внутренних двора между залом собраний и главным корпусом украшены пилонами. Снаружи здание имеет цоколь, частично облицованный гранитом, и порталы из полированного гранита, которые предполагалось украсить рельефами из позолоченной бронзы⁷.

Подробнее стоило бы остановиться на таком малоизученном вопросе, как отделка Дома Советов, ведь при строительстве этого сооружения использовались лучшие материалы и технологии Советского Союза.

Дом Советов покрыт штукатуркой из доломитовой крошки на белом цементе, придающей зданию желтоватый цвет. Фасад разбит на «камни» швами шириной и глубиной 20 миллиметров, которые получались путем закладки деревянных реек.

Средняя часть Дома Советов увенчана фризом, выполненным скульптором Н. В. Томским⁸. Этот фриз, длиной около 100 метров и высотой 4,1 метра, играет существенную роль во всей композиции главного фасада. Выполнение скульптуры таких размеров и на такой высоте (48 метров) не имело precedентов в советской архитектуре. Характер и трактовка композиции были заданы автором проекта Н. А. Троицким. Барельеф должен был выражать идею торжества социализма: по обе стороны центральной доски с надписью «СССР есть социалистическое государство рабочих и кре-

стьян», окруженной знаменами, расположены рабочие и работницы, колхозники, летчики, красноармейцы, физкультурники, школьники и пионеры. У каждой группы из нескольких фигур – характерные для нее атрибуты и знамена, они заполняют интервалы между группами и выравнивают общий ритм. При достаточном разнообразии поз и движений фигур, они все словно объединены общим порывом, общим движением к центру.

Автор фриза Н. В. Томский по предварительному эскизу в 1/20 натуральной величины исполнил в глине совместно с бригадой своих сотрудников весь барельеф по отдельным фрагментам, длиной 10–12 метров каждый. С тех фрагментов были сняты так называемые черные (неразъемные) гипсовые формы, в которых и проводилась отливка барельефа в виде отдельных блоков размерами 2х2,5 квадратных метра. Верхний слой набивался из фасадной штукатурки, а за ним – из пластичного бетона с арматурой. Средняя толщина стенок – 10–15 сантиметров, средний вес блока – 700–900 килограммов; отдельные камни, в зависимости от рельефа, достигали веса в 1,5 и 2 тонны. Подъем таких блоков и их установка на высоте явились тяжелой технической задачей⁹.

Непростым было и сооружение большого скульптурного картуша размерами 10х11 метров над аттиком Дома Советов. Картуш представляет собой пространственную композицию – герб РСФСР, окруженный знаменами. Его предварительные модели в 1/20 и 1/5 натуральной величины были выполнены по эскизам Н. А. Троицкого скульптором И. В. Крестовским. Специальная железобетонная конструкция в виде трехъярусной этажерки, находящаяся внутри картуша, передает нагрузку от этой скульптуры, достигающую 120 тонн, на средние опоры и наружную стену здания; она же принимает горизонтальные усилия от ветра. Центральная часть – герб РСФСР – была вылеплена из глины в натуральную величину, и отформованные с нее отдельные бетонные блоки крепились к солидному металлическому каркасу, связанному с основной железобетонной конструкцией. Более мелкие детали, как, например, ленты или кисти, исполнялись уже на месте. Эта работа была выполнена лепщиком В. А. Мозжухиным под руко-

водством И. В. Крестовского. Конструктивная часть и монтаж, как и детали 13-метрового флагштока, были разработаны архитектором Н. Н. Пяковским. Внутри картуша имеется лестница и лаз на его поверхность.

В отделке интерьеров также применялись дорогие материалы. Кабинеты и залы заседаний отделаны деревом. Из пород дерева в основном применялся дуб, но также орех, чинара и карагач. Обработка поверхности всюду матовая, «под воск», лишь отдельные элементы в некоторых помещениях полированные. В целях экономии металла радиаторные решетки делались также в основном дубовые.

Искусственный мрамор применен в Доме Советов относительно в небольших количествах: главным образом для облицовки колонн и пилястр и лишь в виде исключения – для больших поверхностей стен. Тона искусственного мрамора, главным образом светлые – белые, кремовые, желтые, розоватые, но есть и темные – красно-коричневый со светлыми прослойками, имитирующими рисунок яшмы. По методу производства работ интересна облицовка колонн и столбов в главном вестибюле. Они сгруппированы по четыре; небольшие промежутки между колоннами не давали возможности вести накладку обычным способом, а тем более обработку их каннелюрованных поверхностей. Поэтому облицовочные блоки из искусственного мрамора были отлиты в формах, затем в мастерской из них собирали пустотелые колонны, которые там же проходили предварительную полировку, и железобетонные колонны облицовывались уже обработанными и соответственно занумерованными блоками. На месте производилась их окончательная дополировка¹⁰.

Естественный мрамор применен в Доме Советов в основном для облицовки полов и лестниц, а также колонн и части стен большого зала собраний. Полы главного и боковых вестибюлей облицованы плитами из белого мрамора с полосками и фризами из серого, красного и черного мрамора. В большом вестибюле главного зала рисунок мраморной облицовки пола чередуется с терazzo (покрытие из мраморной крошки). Во многих других помещениях мрамор разных цветов применяется лишь в виде узких полосок и вставок, декорирующих терazzo полы. Так же

Дом Советов на Московском проспекте. Современная фотография

обработано и большинство лестничных площадок. Мрамором облицована лишь небольшая часть наружных лестниц, в большинстве же из них ступени террасовые¹¹. Пьедесталы колонн главного вестибюля облицованы розовым тагильским мрамором; им же облицована стена, являющаяся цоколем колоннады, и пьедесталы колонн большого зала.

Необычной работой было изготовление цветного витража для главного вестибюля. Общая площадь застекленной поверхности – 110 квадратных метров. На ней из цветного стекла выложен герб РСФСР. Рисунок герба разбит на небольшие куски тонкими свинцовыми горбылями, идущими как по линиям рисунка, так и в местах переходов тонов. Заполнение между горбылями было подобрано из стекол разных цветов и оттенков. Это дало лишь схему изображения, затем все нюансы рисунка и цвета были нанесены специальными прозрачными

ми красками. Путем обжига этих разрисованных стекол в муфельной печи нанесенная краска спеклась и прочно фиксировалась на них. Эта очень сложная и кропотливая работа была выполнена художником-витражистом М. П. Машковым¹².

В отделке парадных помещений большую роль сыграли лепные работы. Так, например, угловые и центральные холлы при гладких стенах имеют карнизы с лепными прорезками – листьями, иониками и бусами. Так же обработаны приемные и ряд других помещений. В некоторых особо парадных помещениях лепка уже не дополняет, как деталь, архитектурную форму, а сама образует пластику поверхности. Такое применение лепки нашло в зале 5-го этажа: плафон зала разбит на восьмиугольные плоские кессоны с большими развитыми розетками. Сводчатый потолок с шестигранными кессонами в столовой; кессонированный плафон в главном

вестибюле – примеры такого же характера. Качество лепных изделий объясняется искусством мастеров М. А. Нечаева и В. А. Мозжухина и активным участием самого Н. А. Троцкого в работе лепной мастерской.

Здание Дома Советов было оснащено по последнему слову техники. В Доме Советов впервые в нашей стране были размещены установки для кондиционирования воздуха. Не имело аналогов также и конструктивное решение перекрытия главного зала собраний: 18 металлических радиальных ферм опирались на полукруглое металлическое кольцо диаметром 69,5 метра. Особенностью зала являлось также верхнее освещение через центральный фонарь и фонари, расположенные между радиальными фермами¹³.

Открытие Дома Советов должно было состояться 7 ноября 1941 года, но война этому помешала. Во время войны на верхних этажах Дома Советов размещался наблюдательный пункт командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова. После войны, когда идея создания нового общегородского центра была отвергнута, потеряло смысл и здание Дома Советов¹⁴. Главный зал был разделен многочисленными переборками и разбит на мелкие помещения. В 1970 году в несколько измененном виде был осуществлен первоначальный замысел Н. А. Троцкого – перед зданием был установлен памятник В. И. Ленину (скульптор М. К. Аникушин, архитектор В. А. Каменский). В настоящее время здание Дома Советов, переданное различным организациям, находится под охраной государства как памятник архитектуры и является художественным центром южной части города.

¹ Жданов А. А. О плане развития города Ленинграда // Архитектура Ленинграда. 1936. № 1. С. 3. См. также: Жданов А. А. План развития города Ленина // Архит. газ. 1935. 3 сент. С. 1.

² Троцкий Н. А. Дом Советов в Ленинграде // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 5–12.

³ Руднев Л. В. Некоторые замечания по архитектуре Дома Советов // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 35.

⁴ Троцкий Н. А. Дом Советов в Ленинграде // Архит. газ. 1936. № 55. С. 1.

⁵ Цит. по: Суздалева Т. Э. Н. А. Троцкий. Л., 1991. С. 145.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Аранович А., Буров А. Дом Советов в Ленинграде // Архитектура СССР. 1939. № 7. С. 12.

⁸ См.: Парамонов А. Н. В. Томский. М., 1953.

⁹ Сирвинт Н. М. Строительство Дома Советов в Ленинграде // На стройке. 1939. № 7. С. 2.

¹⁰ См.: Свирский Я. О. Отделочные работы в Ленинградском Доме Советов // Архитектура Ленинграда. 1940. № 6. С. 35–45.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Суздалева Т. Э. Указ. соч. С. 152.

¹⁴ В 1951–1959 гг. в здании размещалось Высшее военно-морское училище инженеров оружия, позже – НИИ, входивший в состав научно-производственного объединения «Ленинец». – *Ред.*

Питерцы Стокгольма на переломе эпох

А. С. Кан

Предлагаемая статья, или скорее заметка, посвящена россиянам Стокгольма времен Первой мировой войны и русской революции. Как известно, война эта застала врасплох множество находившихся преимущественно в Германии или Австрии отпускников и командированных петербуржцев. Во избежание грозившего им интернирования или просто по пути на родину тысячи людей выехали в нейтральную Швецию – кратчайший и безопасный путь домой по железной дороге, хоть и с пересадкой на русско-шведской границе за Полярным кругом. Часть этих людей – несколько тысяч человек – осела в шведской столице. Вплоть до августа 1917 года иностранцу, хотя в это трудно теперь поверить, не нужно было шведской въездной визы, то есть согласия властей, для пребывания в Швеции. Требовалось лишь предъявить удостоверение личности, зарегистрироваться, по-нашему – прописаться, в ближайшем полицейском участке и не нарушать существовавших ограничений на предпринимательскую и политическую деятельность иностранных подданных. Прочие строгости, введенные в начале войны, на деле не соблюдались¹. По причинам, не вполне мне ясным, большинство новых, временно осевших в Швеции, почти исключительно в ее столице, россиян были евреями, причем в значительной мере петербургскими, во вторую очередь – польскими. Еврей, однако, причем именно восточные, российские в широком смысле, уже успели въехать в Швецию из «черты оседлости» («остьюдар») как часть первой крупной эмигрантской волны, захватившей западные губернии империи в конце XIX века². Накануне войны русских евреев насчитывалось в одном Стокгольме около 5000 человек, в сентябре 1914 года их стало около

«Стокгольм. Стурторгет». Художник Г. Рогозный. 2000 г.

9100, а сразу после войны было около 9430, по достоверным данным шведского Еврейского общества помощи пострадавшим от войны евреям³.

Вновь прибывшие и оставшиеся в нейтральной стране впредь до окончания войны российские подданные делились в социальном, то есть профессиональном и материальном, отношении на подавляющее большинство, так сказать, деловых людей, и меньшинство – интеллигенцию. Рабочих среди евреев новой волны, военных лет практически не было, что согласуется с наблюдением А. И. Солженицына по Петербургу 1917 года⁴. У всех беженцев, застигнутых войной и осевших в Стокгольме, были кое-какие сбережения, у многих – доходы или состоятельные родственники в России. Дельцы, найдя себе шведскую обязательную «крышу», занимались посреднической торговлей, в том числе и с фирмами враждеб-

ных России держав. Интеллигенты подрабатывали регулярными корреспондентиями преимущественно в легальной русской, случайными статьями в местной и даже (под псевдонимами) в германской печати, преподаванием русского языка, репетиторством. В политическом отношении значительная часть вновь прибывших (как, впрочем, и давно осевших) сочувствовала социал-демократам правого толка, то есть меньшевикам и Бунду (опять-таки, по Солженицыну, петербургское явление), которые, как известно, с 1912 года входили в так называемый августовский блок. Большевиков среди иммигрантов обеих групп было ничтожно мало, хотя впоследствии именно они привлекали к себе главное внимание историков «русского революционного подполья» в Скандинавии⁵.

Сосредоточение россиян в Швеции, а также в двух других скандинавских странах (точнее, в

их столицах) было и причиной, и следствием роста скандинавского, и особенно шведского, экспорта и капиталовложений в России – особая тема, еще ждущая российского исследователя⁶. Отсюда – частый оборот людей, телеграмм и денежных перечислений между Стокгольмом и Петроградом. О русско-шведском сближении военных лет на частном уровне свидетельствовали и газетные объявления об уроках русского языка, и пособия по этому языку и русской деловой переписке, и печатный каталог русских фирм, и путеводитель по Стокгольму для русских, и даже русскоязычная торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» 1915–1918 годов, о которой еще пойдет речь. Типография «Прогресс» с набором русских шрифтов к 1918 году была вполне загружена заказами⁷.

Переломом в российской жизни на скандинавской чужбине стала Февральская революция (в марте – по новому стилю здесь и ниже). Она вызвала живой интерес и бурное сочувствие у шведов. Авторитет россиян, подорванный военными поражениями, снова вырос. Газеты с той поры открывались новостями из Петрограда. Начался широкий выезд россиян на родину. В Стокгольме образовался Комитет помощи русским политэмигрантам, желающим вернуться на родину. Он был образован состоятельными российскими подданными среднего возраста, почти сплошь питерцами-евреями: инженер и купец Иосиф Штейнберг, ветеран российской социал-демократии⁸ (председатель), инженер Григорий Вальдман – его заместитель, Исая (Josua) Геллер (секретарь), фабрикант Абрам Гассельник, инженер Кроль, Борис Мэр (рабочий-металлист, эмигрант еще с революционных 900-х годов), Яков Фюрстенберг (варшавянин, большевик)⁹.

Первой крупной акцией комитета было обеспечение железнодорожными билетами, питанием, паспортами, визами, отдельными меблированными комнатами в первой-классной гостинице¹⁰ 30 русских подданных, входивших в первую группу «возвратников» – ленинскую, в середине апреля 1917 года. Месяц спустя комитет разде-

лил со шведскими социал-демократами ношу потяжелее – 250 российских меньшевиков, большевиков, эсеров, включавших цвет российских левых, Аксельрода и Мартова, Натансона (эсер) и Луначарского, Троцкого и Балабанову (Циммервальдское объединение), Абрамовича (Бунд) и Феликса Кона (польско-литовская левая социал-демократия). Во второй половине июня проследовала третья группа «возвратников» из Бельгии, причем на этот раз и новая шведская, левая социал-демократическая, партия согласилась помочь комитету деньгами¹¹.

После Октябрьской революции питерская колония в своем подавляющем большинстве явно укрепилась в антибольшевистских убеждениях, и шведская столица стала первым русско-еврейским «Кобленцем» (по аналогии с Французской революцией). Это видно по новым организациям, действовавшим в Стокгольме на исходе 1918 года¹². Главная из них – «Единение», созданное 17 марта 1918 года, насчитывало вскоре 100 членов и приглашало в свои ряды всех желавших. В правлении находим знакомые лица, того же кушца Гассельника. Судя по своему печатному отчету за апрель–декабрь 1918 года, «Единение» (шв. *Enighet*) организовывало вечера с лекциями, устраивало карточные и прочие игры, имело свой буфет и библиотеку, пользовалось поддержкой

«Нюа банкен», банкира-социалиста, шведского еврея Улофа Ашберга¹³ и сотрудничало со шведским «Еврейским прессбюро». «Единение» далее помогало Союзу русской трудовой интеллигенции и Шведскому комитету помощи русским беженцам. В правление последнего входила супруга шведского морского министра, крайне правого социал-демократа Пальмшерны, активистом комитета был и названный Борис Мэр, успевший за год после Февральской революции сильно поправиться. Новый комитет, по-видимому, заменил собой прежний, более левый Комитет помощи «политвозвратникам», прекративший свое существование за ненадобностью¹⁴.

Поначалу питерцы ожидали со дня на день падения большевистского правительства. Однако падение задерживалось. Люди быстро соображали, что новый режим, при всех своих невиданных нововведениях и фантастически звучащей риторике, оставлял и даже создавал новые возможности для торговой наживы. Изолированные от мира большевики были не меньше, если не больше, Временного правительства заинтересованы в товарообмене с нейтралами, среди которых Швеция в 1918 году выдвинулась по своему обороту с Советской Россией на первое место¹⁵. После Брестского мира с Германией и скорого окончания Гражданской войны в Финляндии морской россий-

«Стокгольм». Художник Г. Рогозный. 2000 г.

ско-шведский товарообмен возобновился в отличие от прерванного железнодорожного. Особой статьёй доходов (обогащавшей, в частности, и шведских дипломатов в России) стала скупка «николаевок» и «керенок» в России за шведские кроны или банковские чеки и продажа этих рублей в Швеции по более высокому (еще и в 1919 году) курсу. В навигацию 1918 года Стокгольм буквально наводнили ответственные советские работники с большими русскими деньгами и инвалютой. В ответ шведские власти запретили операции с рублями (на сумму более 5000) без разрешения (лицензии) с января 1919 года¹⁶, которые, впрочем, продолжались и позже.

«У нас вся власть во власти», – писал в годы великих реформ славянофил Кошелев. Стокгольмским питерцам с их семьями и недвижимостью под властью Советов пришлось переориентироваться. В мае 1918 года они вкупе с заинтересованными шведскими предпринимателями, причем не только на бумаге, учредили Русскую экспортную палату в Стокгольме с солидным адресом: Drottningsgatan, 37¹⁷, как представительство петроградской, то есть советской, Российской палаты по внешней торговле, отчитывавшейся, в свою очередь, перед Наркоматом торговли и промышленности, иначе говоря, Л. Б. Красинным и М. Г. Бронским. Стокгольмский филиал остался столь же редким и недолговечным явлением, что и миссия Воровского в шведской столице 1917–1918 годов. В августе филиал разослал заинтересованным шведским адресатам печатный отчет по итогам поездки в Петроград и Москву. Автором отчета, первым главой и, по-видимому, единственным сотрудником стокгольмской палаты стал колоритный Исаак Григорьевич Лурье. Его жизнь и облик, возможно, отразили бы судьбу всей питерской колонии Стокгольма, если бы я знал его жизненный путь после 1919 года.

«Представитель Российской торговой палаты в Стокгольме» был многосторонней личностью. Молодой человек 1890 года рождения, потомственный почетный гражданин с квартирой родителей

по Большой Пушкарской, 7-23, владелец страхового полиса на приличную сумму, кандидат-юрист, Саша Лурье, как его называли близкие, был также «членом Московского археологического института». С 1915 года «de Louie» постоянно проживал в шведской столице, торговал малыми партиями российских товаров (коврами, дамскими изделиями, черной икрой), посредничал между шведскими и русскими фирмами, оставаясь законопослушным российским подданным, то есть испрашивал лицензии, платил пошлины, обращался по мере надобности то в российскую императорскую миссию, то в петроградскую сыскную полицию. И. Г. Лурье интересен для нас, разумеется, не как «ученый-археолог» и даже не как юрист, а в первую очередь как редактор-издатель «Скандинавского листка» – первой русской газеты, вышедшей в Стокгольме с 1 апреля 1915 года. Редакция этой «торгово-промышленной» газеты помещалась в центре Стокгольма, на Karduangatan, 11. Газета, по вескому отзыву 1916 года Лурье-старшего, питерского купца, была «так ничтожна по содержанию, что прямо неловко показывать ее»¹⁸. Тем не менее Лурье-младший провел свой орган сквозь оба крутых поворота 1917 года, помещая уведомления и распоряжения соответствующих центральных российских властей. Октябрьский переворот и ожидаемая смена людского вектора между столицами обеих стран даже вдохновили издателя и его шведских партнеров из столичной «Aftonbladet» на новый проект – ежемесячную русскую иллюстрированную газету «Экран» по типу тогдашней шведской «Brokiga Bladet». Судя по вырезкам из стокгольмских газет, Лурье выпустил в конце 1918 года уже и пробный номер «Экрана», который в его поныне сохранившихся бумагах, к сожалению, отсутствует. Вплоть до самого отзыва шведским правительством своих представителей из Советской России «Скандинавский листок» рисовал радужные виды шведско-русского товарообмена. Последний номер вышел 31 декабря 1918 года. К тому времени жизнелюбивый издатель остепенился, обзавелся шведской не-

вестой с хорошей фамилией von Heideken и снимал уже с женой по июль 1919 года квартиру на центральной Hantverkergatan, 11. Летом того же года он убыл неизвестно куда и внезапно, оставшись в долгу у типографии «Прогресс» и оставив квартирной хозяйке, а значит – полиции, свои бумаги, включая письма на нескольких языках вплоть до шведского и идиша. Судя по письмам 1918-го и первой половины 1919 года, родные Лурье постепенно перебирались кто в Германию, кто в Англию.

Вернемся, однако, к первым послеоктябрьским месяцам. Лурье, если верить его письму районным шведским властям от начала 1919 года, жил большей частью в Петрограде, и это существенно уменьшало его шведское податное бремя. Он укрепил свои советские «мосты»: получил удостоверение Российской палаты по внешней торговле (адрес: Невский, 92), сохранил прежнюю квартиру и прописку в Питере, получил загранпаспорт от комиссии по внешним делам Союза коммун Северной области (дата выписки 10.07.1918). При посредстве названной палаты Лурье поддерживал связь и со шведской миссией в Петрограде, покинувшей город только поздней осенью 1918 года. Во время своих частых поездок в Стокгольм и обратно он порой выполнял поручения иностранных посольств, например, был однажды курьером посольства Испании в Стокгольме в октябре¹⁹ – нередкое амплуа и левых скандинавских посетителей Советской России в годы Гражданской войны. У него хватало средств на многочисленные заграничные телеграммы и на абонементную оплату шведских газетных вырезок. Они нужны были Лурье как сотруднику шведско-русского прессбюро «Универсум», существовавшего еще зимой 1918–1919 годов. Он и тут был, кажется, единственным сотрудником бюро, помещавшегося в его холостяцкой квартире на Karlbergsvägen, 61. Вплоть до своего исчезновения вездесущий Лурье оставался членом правления «Единства» и членом Шведского сионистского объединения. Отъезд Лурье предвосхищал судьбу прочих питерцев: уже в следующем 1920 году число всех иностранцев – подданных России,

Польшы и Прибалтики – упало до 4530, то есть было вдвое меньше, чем общее число россиян в одном Стокгольме на исходе 1918 года. Год спустя неофициальное советское консульство в Стокгольме, вновь открытое в феврале 1919 года, выплачивало ежемесячные пособия всего нескольким десяткам россиян, евреев и неевреев²⁰. Автор белоэмигрантских воспоминаний о жизни в Швеции и Финляндии права: «В период большого бежен-

ства из России после прихода к власти большевиков очень мало русских осело в Швеции», но те, что осели, «были главным образом тоже петербуржцами»²¹.

Прилагаемая к этой заметке шуточная поэма написана в Стокгольме в октябре 1918 года и посвящена И. Г. Лурье «в память о днях стокгольмских». В литературном отношении она не идет в сравнение с аналогичной поэмой ленинградца Александра Хазина 1946

года, возмущившей секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. Автор ее – М. Неволин, отбывший из Стокгольма в Копенгаген, следов в шведской полицейской регистра-туре не оставил, и я был бы признателен за подсказки петербуржцев – потомков тех, кто упомянут в поэме и в статье, или просто краеведов, коими так богат город Петра. Автор поэмы удачно «схватил» быт и настроение своих земляков в Швеции.

¹ Главный шведский труд о контроле над иммиграцией: Hammar T. Invandringsspolitik, utlänningskontroll och asylrätt 1900–1932. Stockholm, 1964. S. 160–163.

² Им посвящена прекрасная диссертация и книга: Carlsson C. H. Medborgerskap och diskriminering. Östjudar och andra invandrare i Sverige 1860–1920. Uppsala, 2004.

³ Riksarkivet Stockholm (ниже сокращ. RA). Statens polisbyrå för övervakande av utlänningar i riket (ниже сокращ. SPB). E1:1, dok. A61.

⁴ Солженицын А. И. Двести лет вместе. М., 2002. Ч. 2. С. 46.

⁵ Основные исследования: Futrell M. Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland 1863–1917. London, 1963; Biörkegren H. Ryska posten. Stockholm, 1985; Kan A. Hemma bolsievikevna. Stockholm, 2005.

⁶ Общие сведения см. в моей книге: Кан А. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. Москва, 1999. С. 252–258.

⁷ Благоденствие шведской колонии в Петрограде и шведов-предпринимателей в Российской империи вообще со вкусом описал мой соотечественник доктор Бенгт Янгфельдт (Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003).

⁸ Штейнберг упоминается в переписке Ленина 1917 г., когда он оказывал какие-то услуги большевикам. В июне он прошел в Петроградскую городскую думу якобы от большевиков, судя по статье о нем с фото в Social-Demokraten (Stockholm) 27/6 1917. Меньшевик Ларин в переписке именует его, однако, своим давним однопартийцем и единомышленником. Не смешивать с левым эсером И. З. Штейнбергом!

⁹ Главный источник: протокол допроса И. Геллера 16 апреля 1917 г. (RA Stockholm, SPB 1F A:5, dossier 226). В своих кратких воспоминаниях большевик Фюрстенберг-Ганецкий разделяет данную характеристику «эмигрантского комитета», но заведомо ложно отрицает наличие каких-либо отношений у большевиков с ним (Ганецкий Я. О Ленине: Отрывки из воспоминаний. М., 1933. С. 65). От сталинской расправы это Ганецкого не спасло.

¹⁰ Воспоминания участника поездки М. Цхакая в «Красной звезде» 22 апреля 1940 г.

¹¹ Arbetarrörelsens arkiv och bibliotek Stockholm (ARAB), SSV samling A2:1 – protokollet för arbetsutskottets möte 14/6 1917; Politiken. (Stockholm) 27/6 1917.

¹² Главный источник – RA Stockholm, SPB F1 A26: 900 – личные бумаги Исаака Григорьевича Лурье 1915–1919 гг. О Лурье см. в основном тексте.

¹³ См. предисловие А. В. Островского к переводу части воспоминаний Ашберга: Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. // Из глубины времен. 1999. С. 3–18.

¹⁴ RA SPB F1 A:10, doss. 358 – показания И. Штейнберга, приехавшего в Стокгольм уже с советскими документами в обществе Л. Б. Красина, Г. А. Соломона, то есть советских чиновников, весной 1918 г.

¹⁵ Главное российское исследование: Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.: Очерки истории становления экон. отношений. Л., 1969.

¹⁶ Svensk författningssamling. 1918. № 1066.

¹⁷ Объявление в лево-социалистической Folkers Dagblad Politiken (Stockholm). 1918. 11 июня.

¹⁸ RA SPB F1 A26: 900 – Г. Лурье своему сыну – И. Лурье 15 (28) августа 1916 г.

¹⁹ Там же – личное удостоверение от 5 октября 1918 г.

²⁰ Göteborgs universitetsbibliotek. Handskriftsavdelning, samling Fr. Ström (H 134:46в – расписки в получении пособий).

²¹ Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 5 и 193.

Евгений Онегин в Стокгольме

Вольное продолжение романа
А. С. Пушкина М. Неволиным

I

Во дни ужасные войны,
Под гулкий шум кровавой бури,
Когда кошмаров злые сны
Надолго скрыли свет лазури,
Когда Европа, вся в огне,
В безумье длительном сгорала,
Когда внутри все и извне
Лишь в мире злобою пылало,
Когда Россией смрадный Хам,
Глумясь над Жизнью, слепо правил,
И кровь лилась и здесь и там,
А Ленин федерацию славил,
Когда Лев Троцкий-Наполеон
Писал воззвания тем и этим,
Чичерин ж, много славен он,
Строчил лишь «ноты»

всем на свете, –

В Стокгольме мирно и легко
Мы проводили дни за днями
И огорчались глубоко,
Лишь... спекулируя рублями.
Порой за карточным столом
Или в шикарном ресторане
Мы вспоминали о былом,
И, начиная с русской бани,
Борща, ухи и пирогов,
Кончая памятным кварталным, –
Вздыхали мы, без дальних слов,
И называли идеальным
Весь прошлый русский наш уклад:
Какие вещи! Что за цены!
Вернуть бы все – вот был бы клад,
Впредь не желали б перемены.
Да, был хорош и русский квас,
И русский мед, и щи да каша,
Теперь тот квас да не про нас –
Слезам, горем полна чаша...

II

Итак, съев «смергос» и котлет
И выпив три бутылки «дрики»,
Узнав, что пунишу больше нет,
Печальны становились лики.
«Ужасно, право, нынче жить,
И этому конца не видно:
Большевики всех стали бить,
Тут – пунишу не дают, обидно.
Ах, как Россию б нам спасти»...
И излагали мы проекты
Такие (это нам к чести),
Чтоб дали вящие эфффекты.

И в три приема – нам под стать,
В России было мирно, тихо:
Умели ею управлять,
Когда бы не случилось лихо.
– «Керенский честен был, но слаб:
Его кадет водил на нитке,
Он Милюкова жалкий раб».
– «Корнилов Русь повергнул пытке,
Он был презренный карьерист»...
«Савинков?» – «Просто он мошеник!»
– «Чернов эсер и нигилист,
Своей идеи жалкий пленник».
– «Кропоткин – буржуа и князь,
Но Ленин – фантазер, предатель:
Чрез Парвуса с Вильгеломом связь,
Тому свидетель – сам Создатель».
И так, по косточкам, мы всех
За кружкой пива разбирали,
И ждали радостных утех
Во дни сомнений и печали.

III

Пришел «Гюте» из Петрограда,
С ним заодно большой запас
Того, чему душа так рада
В минуты тяжкие для нас.
Привез «Гюте» и чай, и кофе,
Табак, сигар и папирос,
И тысячу портретов «Иоффе,
Решивший брестский наш вопрос».
На «Гюте» были пассажиры
Числом одиннадцать особ:
Унылы, мрачны, бледны, сиры –
Ну, право, лучше ложат в гроб.
Весь русский цвет Стокгольма (краше
Вам в целом мире не сыскать),
На пристани все были «наши»,
Чтоб петроградцев повстречать.
Объятья, ласки, пожиманья:
– «Приятно видеть!

Как живешь?»..

– «Что значит, здравствуй?..

До свиданья!

Ты к нам же вечером придешь?»

– «Идем считаться!» –

«Что за счеты?»

– «А как стоят у вас рубли?»

– «...Имел я с паспортом хлопоты,

Платили триста за шабли».

– «Безумно вверх пошли иголки»...

– «А кнопки?» – «Золотой товар».

– «Ну, а за соду платят сколько?»

Не воздух – денежный угар:

О деньгах толки, восклицанья
Повсюду можно услышать,
Но вот всеобщее вниманье
Остановилось...

IV

Не понять,
Что за нелепая фигура
С «Гюте» на пристань вдруг сошла.
– Наряд пажа иль трубадура.
Не правда ли Ицкович?.. а?
– Ах, этот! – выслан Луначарским
За чайльдгарольдство и костюм,
Богат ль? Не знаю, но с ухарским
Он ходит видом... Редкий ум
Имел зато его папаша,
Талант известный, мировой,
Могу сказать – что гордость наша,
Не будет уж такой другой!
– Ицкович, бросьте вы загадки,
Не так легко их разгадать.
Интриги ваши очень гадки,
Вы просто можете сказать.
– Его папаша – был сам Гений,
Звался он Пушкин, был поэт,
А этого зовут Евгений
Онегин. Ясно или нет?
– Онегин? Женья!.. Этот самый
Что чудно в опере поет
И говорит Татьяне прямо:
– «Жениться, нет, я не идиот».
И через несколько мгновений
По пристани неслася весть:
– Смотрите: это сам Евгений,
Он к нам приехал... Что за честь!
Нет, это Кацман! Что за диво,
Какой костюм, чулки, жабо...
Онегин! Как в нем все красиво,
Изящно, просто и легко.
Пока один в недоуменье
Герой наш в стороне стоял,
Трех спекулянтов жгли сомненья:
– Ужель рубли он разменял,
И заработал кто на курсе,
И что же он за фрукт вообще,
И каковы его ресурсы –
Терзало это их вотще.

V

За то, что числился в дворянстве
И по-французски он болтал,
Носил лорнет, за бонвиванство –

Онегин в опалу попал.
 Сначала был он в «черном списке»,
 Как буржуа и байронист,
 Потом, по Горького записке,
 Был занесен на новый лист.
 Совет «темрюкинских уродов»
 Его повесить уж хотел,
 Но из оставшихся доходов
 Онегин взятки дать сумел.
 Он был и счастлив, зело рад,
 Когда попал вновь в Петроград.
 Здесь в разных он бывал местах
 И даже... посидел в «Крестах».
 Блестяще правя просвещеньем,
 Сам Луначарский Анатоль
 Его оставил «под сомненьем»,
 Но это длилось лишь дотоль,
 Пока Онегина наряд
 Не возбудил «районный взгляд».
 И дни тяжелые начались,
 Зачах блестящий наш герой.
 Куда, куда, куда умчались
 Все дни весны его златой?
 Копал холерные могилы,
 Казармы ревностно он мел,
 И потерял Онегин силы,
 И Божий свет ему не мил.
 Погиб Онегин бы наверно,
 Но тут вступился «Протелькут»,
 (Было там дадено не скверно,
 Бо скверно там и не берут)!
 И вместо крепости прескучной
 Спасен Онегин: пароход
 В Стокгольм привез благополучно.
 Да будет славен «Гюте» род,
 Его матросы, повар, боцман,
 Механик, капитан и лоцман!

VI

Остановившись в «Гранд-Отеле»,
 Пять дней Онегин отдыхал,
 Пять дней он пролежал в постели,
 Пока вновь бодрым он не встал.
 Придя в себя, стряхнув кошмары
 И Петрограда злой угар,
 Стараясь позабыть удары,
 Почуял он вновь к жизни дар.
 В изящном новом пальмерстоне
 Стокгольм Онегин покорил,
 И фрекен целый рой решил,
 Что он умен и очень мил.
 Лишь шеф полиции думал: «Франт,
 А нынче тоже эмигрант!»

VII

– Ну, что тут делается в свете
 И чем живет стокгольмский люд?
 И в эмигрантском комитете
 Уже Онегин тут как тут.
 Его там встретили прекрасно,
 Учивости храня пример:

– Да, в Петрограде жить опасно!
 Вы что эсде или эсер? –
 Онегина пытается Мэр,
 Старейший комитета член,
 Марксист чистейший, без измен.
 – Как вам сказать –
 я просто русский,
 От партий я совсем далек,
 Быть может, это взгляд и узкий,
 Но я готов принять упрек.
 – Мы все учились понемногу
 Чему-нибудь и как-нибудь.
 Я понимаю Вас, ей-Богу, –
 Промолвил Мэр, согнувши грудь.
 – Теперь спешу: беседу эту
 Хочу я отнести в газету,
 Мне платят восемь эр с строки –
 В наш век сие не пустяки!

VIII

Решив знакомиться с Стокгольмом,
 Онегин всюду побывал:
 Он любовался и Дьюрсхольмом,
 Меларн его очаровал.
 Привел в восторг и Сальтшебаден,
 Туда как раз попал на бал,
 В толпе веселой и нарядной
 Онегин типы наблюдал:
 Шумел там Рубинштейн-банкир,
 Дельцов российских бог-кумир,
 И важно выступал, как маг,
 Общеизвестный Малиняк.
 И тут же был с звездой граф –
 Уже давно лишенный прав.
 Окрестности столицы шведской
 Онегин быстро изучил,
 И некто, милый тип немецкий,
 Его повсюду проводил:
 Куда Евгений бы ни шел,
 За ним, как тень, и немец брел.

IX

Мелькнули быстро три недели –
 Онегин популярен стал,
 И хоть гулял он и без цели,
 Но быт стокгольмский все ж познал.
 Гассельник был с ним в дружбе тесной
 И уверял, что с давних пор,
 И это всем давно известно,
 И тут излишен всякий спор,
 Они, с Онегиным, ходили
 Еще к реке лещей ловить,
 И если даже вспомнить были,
 То можно тут восстановить,
 Что с Ленским, в памятной дуэли,
 Гассельник секундантом был.
 Но Пушкин – (это в самом деле)
 Об этом написать забыл.
 Чтоб доказать как ценит дружбу
 И как ему Онегин мил,
 Евгению он сделал дружбу,

И не жалея своих сил
 В «экспорта русского палату»
 Почетным членом записал:
 Не взял Гассельник даже плату,
 Хотя Онегин предлагал.
 А сам он думал: «Что за черт.
 Какой еще теперь экспорт?»
 Знакомств немало интересных
 В палате наш герой сыскал,
 И много новостей в ней местных
 Он ежедневно узнавал.
 Сумел он здесь знакомства свести,
 Числом их всех не перечесть.

X

Встречали вы, в том нет сомнений,
 С Онегиным Лурье не раз.
 И верьте мне, что тут двух мнений
 Не может вовсе быть для вас,
 Что двести девяносто третий
 Они уж обсудили план
 О том, как много дел на свете,
 Но лучше всех – журнал «Экран».
 А впрочем, мебельное дело,
 Театр, бар, иллюзион,
 Лурье отстаивал всецело:
 – Онегин, будьте компаньон –
 Мы заработаем миллион, –
 Его он часто уверял
 И обещанья получал.
 Был тем лишь недоволен Бурд
 И говорил: «Один абсурд!
 Онегин! С вами я бы рад
 Устроить даже синдикат,
 И хоть сейчас, без дальних дум,
 Уже поднять мы можем шум.
 Иль чтобы время не терять –
 Начнем валютой торговать».
 И звал Онегина на чай,
 На завтрак, кофе, ужин, люши:
 – Зайдите, Женя, невзначай,
 Я обещаю вам и пуши.
 И вам ведь в жизни важна связь,
 Вы сами светский человек –
 Мои ж друзья: барон, граф, князь –
 И с ними связан я навек!
 Лурье лишь нервничал рукой
 И мямлил: «Да, наш век такой!»

XI

Неся о паспорте хлопоты,
 Онегин в консульство попал.
 Там долгой не имел заботы
 И вид на жительство достал.
 Броссе Онегину был рад
 И с ним вспомнил Петроград.
 – Да, хорошо жилось, привольно.
 А нынче плохо... Верить надо,
 Что впереди нас ждет награда, –
 Броссе Евгению сказал
 И долго ему руку жал.

– Я вам не жалею, конечно, –
 Прощаясь, консул говорил,
 – И я б устроился беспечно,
 Когда б Воровский тут не жил.
 Экзамен Цимерман не сдал –
 А нынче – тоже, консул стал:
 Неоперившийся птенец.
 Придет большевикам конец!

XII

Со всеми в консульстве приятель
 Онегин как-то сразу стал,
 Лишь только швед, престарый дятел,
 Его совсем не признавал.
 Круглов охотно часть коллекции
 Из местных фрекен уступил,
 Ко многим даже дал протекции,
 В похвалах не щадивши сил.
 Ловить звал рыбу Азановский,
 Свои он удочки давал,
 И раз, с любезностью чертовской,
 Евгению щук презентовал.
 Отец Румянцев, пастырь местный,
 К Онегину благоволил:
 – Видать, что это парень честный, –
 Румянцев всем его хвалил.
 – И хоть стрелялся на дуэли,
 Но все ж не из корыстной цели,
 Да это было и давно...
 С Онегиным отец был прост,
 И кстати, тут уж заодно,
 Ему назначил строгий пост,
 Без развлечений и утех,
 Чтоб отмолить дуэли грех.

XIII

И так тянулись дни за днями
 Без скуки, тягостей, забот.
 Онегиным занялись дамы,
 В «Нордиске», полные хлопот,
 Они слонялись дни и ночи,
 Шикарней чтоб найти наряд,
 И гуще подводили очи,
 Где скрыт волшебный страсти яд.
 И каждая мечтала рьяно:
 – Ах, почему я не Татьяна?..
 Хоть в сих Татьянах – без прикрас –
 Бывало семь пудов подчас.

XIV

В союзе местных либералов
 Читал доклад Александров:
 «Развитье личных идеалов
 Средь бегемотов и слонов».
 Свои интимные заметки
 Оратор живо изложил,
 И между прочим (с ним нередко)
 Себя при этом похвалил.
 Онегин слушал весь доклад
 И был Александрову рад.

XV

Так понемногу, постепенно
 Друзей Онегин приобрел.
 Их посещая неизменно
 В том развлечение нашел.
 Интриги, сплетни и клеветы
 Все поневоле он узнал,
 И нес покорно эти узы,

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИНЪ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ.

продолженіе романа А.С.Пушкина

М. НЕВОЛИНЫМЪ.

I.

Во дни ужасныя войны,
 Подъ гудящій шумъ кровавой бури,
 Когда кошмаромъ злыя сны
 Надолго скрыли свѣтъ лазури,
 Когда Европа, вся въ огнѣ,
 Въ безумнѣйшій дѣлительномъ сгорала,
 Когда внутри все и извнѣ
 Дина въ мирѣ злобою пылала,
 Когда Россіей, сиротный дѣмъ
 Глумясь надъ жизнью слѣпо правилъ,
 И кровь лилась и здѣсь и тамъ,
 А Ленинъ федералъ славилъ,
 Когда Левъ Троцкій-Наполеонъ,
 Писалъ возмущая тамъ и этакъ,
 Чиркинъ-жъ, много славы оубо,
 Строчилъ дѣль "вогъ" вогъ на свѣтѣ, --
 Въ Стокгольмѣ мирно и легко
 Мы проводили дни за днями
 И, огорчались глубоко,
 Дѣль... спекулируя рублями.
 Порой, за марочнымъ столомъ,
 Или въ шикарномъ ресторанѣ,
 Мы вспоминали о быломъ,
 И, начиная съ русской бани,
 Щорца, уха и пирогаго,
 Кончалъ памятнымъ кварталнымъ --
 Вдыхали мы, безъ дальнихъ словъ,
 И называли илевальнымъ
 Бѣсъ прошлый русскій нащ ушадъ:
 Какія вещи! Что за цѣны!
 Вернуть бы все -- вотъ былъ бы кладъ,
 Впродъ не желали-бъ иривитны.
 Да, былъ хорошъ и русскій квасъ,
 И русскій медъ, и аи да каша,
 Теперь тотъ квасъ да не про насъ --
 Слезами, горемъ полна чаша....

II.

И такъ, събѣвъ "смертоса" и мотлетъ,
 И выпивъ три бутылки "дрими",
 Узнавъ, что пушку больше нѣтъ,
 Печальникъ становился лѣкки.
 "Ужасно, право, нынче жить
 И этому конца не видя:
 Вольшевики вогъ стали бѣтъ,
 Тутъ -- пушку не даютъ обидю.
 Ахъ, жаль Россію бѣ намъ сласти"...
 И излагали мы проекты
 Такіе -- /ото намъ изъ чести/,
 Чтобъ дали алщдѣ эфакты.

*Александр А. С. Пушкин
 Стихи о г-не Стороженко
 М. Неволинъ
 29/11/07
 Копировано*

Оригинал поэмы с автографом

И в тот же вечер в «Розенбаде»
 Они знакомство завели:
 Друг другу были очень рады
 И ночку круглую пили.
 Сплелись их мысли и мечты
 И перешли они на «ты».
 Вы извините – но таков
 Всегда Г. Г. Александров.

Стокгольм, как всех, его связал.
 Мирок дельцов и спекулянтов
 Давно Онегина прельщал,
 К игре хоть не имел талантов,
 Но биржу все ж он посещал.
 Повсюду слышал: «мы эсеры
 Всегда стояли за террор».
 К чему истории примеры –
 Все это только чистый вздор.
 Меньшевики не уступали,
 Эсеры рвались прямо в бой,
 И все тут вместе торговали
 Идеей, сыром, колбасой,
 Сукном, резиной, сапогами,
 Чулками, нитками... словами.
 Познал Онегин тут немало
 Таких почтеннейших господ,
 Которых совесть не терзала,

Хотя они в военный год,
Не слыша вопль, народный стон,
Тут заработали миллион.
Один «бундист» лишь тут терзался
И очень тяжело огорчился:
– Я как-никак идеалист,
За что ж попал в «английский
лист»?!
И плакал он, что в года два,
Миллиончик сделал лишь едва,
А у других – вот это честь –
Миллионов даже и не счесть.
Предпочитал им всем Евгений
Кутцов без всяких «де» и «эс» –

Они честнее, без сомнений,
Чем спекулирующий эсес.
В каком тут смысле эс и эс,
Сообщит особый вам экспресс.
(Угодно: вот вам смысл один –
С-с попросту... с... сын.)
Живут в шелках, едят по моде,
А тоже – плачут о народе,
Хоть ежедневно, но без фраз,
Народ сей грабят каждый час...

XVI

...Оборван мой роман неожиданно:

Онегин, с Швецией простясь,
Уехал, как это ни странно,
Порвав совсем с Стокгольмом связь.
Его привлек суровый, дальний
И дикий северный Мурман.
И так неожиданно и случайно
Я не закончил свой роман...

М. Неволнин
Стокгольм,
1918 г., октябрь

ПРИМЕЧАНИЯ

I

II

смергос – бутерброд
дрика – напиток

III

«Гюте» – название шведского парохода
Иоффе – явно советский дипломат А. А. Иоффе.

IV

Ицкович? Кацман? О них не нашлось полицейских сведений.

V

Совет «темрюкинских уродов»? Какое-то культурное учреждение красного Питера.

«Протелькут» – Пролеткульт?

VI

Гранд-Отель – поныне существующая гостиница высокого класса в центре Стокгольма.

Пальмерстон – особо длинное пальто.

VII

Эмигрантский комитет – явно бывший Комитет помощи русским политическим репатриантам, преобразованный после Октября примерно с тем же составом (см. введение).

Мэр, Борис (позже Бернгард) – русский политэмигрант, меньшевик, рабочий, помогал русским социал-демократам, однажды у него ночевал сам Ленин. После Февральской революции поправел и в 1919 г. получил шведское гражданство. Умер в 1938 г. Сын его Яльмар был уже социал-демократом, бургомистром Стокгольма.

VIII

Дьюрхсольм – парковая и музейная часть Стокгольма.

Меларен – система озер, выходящая в Балтику как раз через Стокгольм.

Сальтшебаден – фешенебельное дачное предместье, ныне часть Стокгольма.

Рубинштейн – очевидно, всем известный банкир Дмитрий (Давид) Рубинштейн, живший летом 1918 г. в Сальтшебадене, в отеле (RA SPB F1 A:10, dos. 381).

Малиняк – скорее всего, банкир Александр Малиняк, родом (1882) из Варшавы. В апреле 1918 г. жил в лучшем стокгольмском «Гранд отеле» (RA SPB Poliskort E6:63).

IX

Гассельник Абрам – питерский предприниматель, родом из Литвы, меньшевик, поклонник П. Б. Аксельрода (1850–1928), одного из лидеров меньшевизма. Ведал его банковскими счетами в Стокгольме.

«Экспорта русского палата» – см. статью.

X

Лурье – тот же, кому посвящена поэма.

«Экран» – см. статью.

Бурд – ?

XI

Броссе – российский генеральный консул в Стокгольме со 2 октября 1917 г., назначенный Временным правительством и признанный шведским (RA UD 1902 d/s; dossier 1030).

В. В. Воровский – не нуждается в представлении.

Циммерман А. – киноактер, родственник жены и протеже самого Воровского. До 1 октября 1918 г. – советский консул в Стокгольме (RA UD 1902 d/s dossier 1030 – информационное письмо (отпуск) канцелярии Воровского в МИД Швеции 08.10.1918). С советской миссией в 1919 г. Швецию не покинул.

XII

Азановский и Круглов – по смыслу чиновники миссии Временного правительства. Характерны для смутного времени одновременные связи питерцев с обеими российскими миссиями.

Отец Румянцев – настоятель домового православной церкви, в то время еще посольской (см.: Еленевская И. Указ. соч. С. 193).

XIII

Нордиске – универмаг в центре Стокгольма (сокращ. Энко).

XIV

«Союз местных либералов» – неизвестная автору статьи русская организация кадетского толка.

Александров Григорий Григорьевич (1886–1937), дружеское шведское прозвище – Гришка Александров) – заслуживал бы отдельной статьи. Уроженец Выборга, российский подданный полушведского происхождения, участник русского революционного движения в Финляндии, смолоду также театральным режиссер, в 1910 г. эмигрировал в Швецию, поступил в Упсальский университет, где завершил свое медицинское образование и получил филологическое. Затем преподавал русский язык, работал в российских учреждениях Швеции, популярный докладчик, шведский социал-демократ, с 1920 г. сотрудник советских учреждений в Швеции и Норвегии, позже также член шведской и советской компартий. В 1929 г. выехал с новой семьей в СССР, где выдвинулся как театральным деятелем и как едва ли не первый советский скандинавист с широким диапазоном. Одно время был директором Второго МХАТа. Пал жертвой «большого террора» и реабилитирован посмертно.

«Розенбад» – явно ресторан в самом центре Стокгольма, теперь синоним правительства, которое размещается на том же месте.

XV

эсэсы – по смыслу совслужащие.

«английский лист» – скорее всего черный список дельцов и фирм, сотрудничавших в годы мировой войны с Германией.

«бундист» – член российского Бунда (см. статью).

XVI

Мурман – в то время под властью английских интервентов и белых.

От «Дружбы» до Большого Зала*

К юбилею А. С. ДМИТРИЕВА

Г. В. Митчелл, О. И. Молкина

Художественный руководитель и главный дирижер Академического симфонического оркестра Филармонии, народный артист СССР, лауреат Государственной премии России, академик Российской академии гуманитарных наук, профессор Александр Сергеевич Дмитриев – потомственный петербуржец. Он родился 19 января 1935 года в Ленинграде в семье музыканта. Его отец Сергей Васильевич Дмитриев в течение сорока лет выходил на сцену Большого зала филармонии в составе заслуженного коллектива республики. Он был исполнителем на ударных инструментах. Мама Мария Александровна была благодарной слушательницей, и музыка в доме Дмитриевых звучала постоянно.

Когда началась война, оркестр был эвакуирован. Вместе с отцом уехала из Ленинграда и вся семья. Так Саша Дмитриев попал в дале-

Ученик Хорового училища
Саша Дмитриев. 1948 г.

данов¹, который вел не только хор, но и множество других предметов, а также занимался хозяйственной и финансовой деятельностью – после войны проблемы с кадрами были везде. Руководителем Капеллы был Георгий Александрович Дмитревский², которого ученики уважали и в то же время побаивались, потому что он был очень строгим, а его необычно крупная фигура внушала мальчишкам особое почтение.

П. А. Богданов

Родители А. С. Дмитриева.
Начало 1930-х гг.

кий город Новосибирск, где впервые взял в руки скрипку – по просьбе сына отец купил ему «половинку».

В 1944 году, когда семья вернулась в Ленинград, Саша был принят в Хоровое училище при Капелле. Несмотря на певческую специализацию училища, занятия на музыкальных инструментах, в том числе на фортепиано, были обязательны. Так что в течение десяти лет Александр Дмитриев учился играть сразу на двух инструментах. Там же, в училище, он получил первые навыки своей будущей профессии, потому что уже в младших классах мальчиков учили дирижировать.

Среди преподавателей маэстро Дмитриеву особенно запомнился Палладий Андреевич Бог-

Дмитревский преподавал также в Ленинградской консерватории, и так случилось, что именно в его класс в 1953 году поступил Александр Дмитриев, став, к сожалению, его последним учеником. Через месяц после начала занятий Дмитревский пригласил своих студентов на репетицию «Реквиема» Верди. В один из кульминационных моментов Дмитревский энергично вскинул руки и тут же

* Фотографии из архива А. С. Дмитриева.

Группа учащихся 10-го класса Хорового училища. 1952 г.
Третий слева – Владислав Чернушенко.
Четвертый справа – Александр Дмитриев

рухнул на сцену. С ним случился обширный инфаркт, и он мгновенно скончался на глазах у потрясенных слушателей...

После смерти учителя Александр попал в класс Е. П. Кудрявцевой³. Елизавета Петровна, известная как замечательный дирижер-хоровик, училась дирижерско-симфоническому искусству у А. В. Гаука⁴. Хотя хоровое и симфоническое дирижирование очень близки, все же есть специфические нюансы и даже секреты, которые хорошо знала и которыми всегда щедро делилась с учениками Елизавета Петровна.

«Елизавету Петровну мы знали еще в Капелле, где она преподавала чтение партитур, – вспоминает профессор Дмитриев, – и поскольку с нотами в то время были очень большие трудности, она заставляла нас переписывать партитуры, взятые в библиотеке, требуя аккуратности и внимательного отношения ко всем деталям. Это очень пригодилось впоследствии... Елизавета Петровна была замечательным педагогом и музыкантом. Хоровые партитуры звучали, как оркестр, когда она играла их на фортепиано».

Учеба в консерватории оставляла слишком мало свободного времени, тем более что Дмитриев оказался студентом сразу двух факультетов – дирижерско-хорового и теоретико-композиторского.

Поэтому скрипку пришлось оставить.

Помимо Е. П. Кудрявцевой большую роль в воспитании будущего дирижера сыграл преподаватель теории музыки профессор Юрий Николаевич Тюлин⁵ – му-

зыкант всесторонне образованный, прекрасно знавший музыку – от Баха до современных авторов. Общение с Ю. Н. Тюлиным открыло для А. С. Дмитриева многие произведения, которых он не знал и которые в те времена вообще никогда не звучали в ленинградских концертных залах.

В 1957 году в Москве состоялся Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В том грандиозном празднике должны были участвовать оркестр и хор студентов Ленинградской консерватории. Был объявлен конкурс среди дирижеров, который выиграл студент выпускного курса Александр Дмитриев. Фестиваль должен был проходить летом, а во время зимних каникул Александр поехал кататься на лыжах, неудачно упал и сломал ногу. Естественно, готовиться к фестивалю он уже не смог, и в Москву поехал другой студент.

Тем не менее молодого дирижера заметили, и вскоре он получил предложение от самого маэстро Рабиновича⁶ поступать на дирижерско-симфоническое отделение. Однако человек, уже окон-

*Дорогему моему Сашеньке
Викторичу, с любовью,
Е. Кудрявцева*

Фото Е. П. Кудрявцевой с дарственной надписью Александру Дмитриеву

На Всесоюзном конкурсе дирижеров с Н. С. Рабиновичем. 1966 г.

чивший два факультета, не имел права учиться в вузе еще раз. Выход был один – поступать сразу в аспирантуру.

Н. С. Рабиновича маэстро Дмитриев считает одним из главных своих учителей и с большой благодарностью вспоминает о нем.

«Николай Семенович заложил во мне крепкую дирижерскую основу. Сам он в свое время учился у Н. А. Малько⁷, который обучался в Германии у самых выдающихся дирижеров. Немецкая линия, прошедшая через эти две личности, наверно, наложила отпечаток и на мое восприятие и понимание музыки. Мне кажется это очень важным, потому что именно немецкая школа дирижирования – одна из самых значительных в Европе».

В 1960 году Н. С. Рабинович, который иногда работал с оркестром Карельского радио и телевидения, предложил кандидатуру своего аспиранта Александра Дмитриева на вакантную должность второго дирижера в этом оркестре. Дмитриев согласился и поехал в Петрозаводск, а еще через год, когда главный дирижер С. З. Трубачев⁸ уехал в Москву, он занял его место и в той должности проработал десять лет.

Не следует думать, что все те десять лет молодой дирижер радовал своим искусством лишь петрозаводскую публику, которая, кстати, до сих пор вспоминает о нем с благодарностью. Приходилось вы-

ступать и в Москве, где проходила декада карельской музыки, и в родном Ленинграде, где оркестр играл в Капелле, в которой начиналась когда-то карьера будущего маэстро. Концерт, в котором солистом был П. А. Серебряков⁹, особенно хорошо запомнился, и старую афишу с именем знаменитого пианиста он до сих пор бережно хранит в своем архиве...

Несомненно, то обстоятельство, что Александр Сергеевич окончил два факультета и аспирантуру, сделало его разносторонним и глубоким профессионалом, тем более что учился он не формально, а стараясь как можно глубже вникать в то, что пытались донести до своих учеников профессора консерватории. Даже о так называе-

мых общественных науках, к которым мало кто серьезно относился в те годы, Александр Сергеевич вспоминает с улыбкой, но без неприязни. «Не могу сказать, что я “с большим аппетитом” все это изучал, но какие-то вещи были достаточно интересны – история философии, например. Педагоги в общем с пониманием относились к нам. Я помню, когда мы сдавали кандидатский экзамен по марксизму в аспирантуре, преподаватель философии Иван Сергеевич Молкин зашел в класс, где нас сидело человек пять-шесть, и сказал: “Ну, вы здесь занимайтесь, а я пойду прогуляюсь”. Естественно, мы воспользовались его отсутствием и... дружно “заялись”!»

Образование, полученное на двух факультетах, аспирантура, которую Александр Сергеевич окончил в 1961 году, опыт работы с оркестром – все это дало свои результаты.

В 1966 году состоялся Второй всесоюзный конкурс дирижеров (на Первом, проходившем в 1937 году, первую премию получил Евгений Мравинский¹⁰). Конкурс проходил в Москве. Первую премию на нем получил Юрий Темирганов¹¹, вторую – Даниил Тюлин (сын профессора Ю. Н. Тюлина), третью – Ф. Мансуров¹², а четвертую – Александр Дмитриев. За ним шли Максим Шостакович¹³ и Юрий Симонов¹⁴.

Успех на конкурсе способствовал тому, что Дмитриева стали приглашать дирижировать в филармонию. А затем состоялись и первые зарубежные гастроли в

Лауреаты Всесоюзного конкурса дирижеров. Слева направо: К. Кольчинская, Ю. Темирганов, Ф. Мансуров, Д. Тюлин, Ю. Ефимов, А. Дмитриев, В. Кожухарь, М. Шостакович, Ю. Симонов. 1966 г.

Польшу и Румынию, куда Дмитриев ездил вместе с Евгением Александровичем Мравинским, ассистентом которого он был в 1969–1970 годах.

Работать с великим Мравинским – большая честь для любого дирижера, а для молодого – тем более. Александр Дмитриев считает, что для него это было громадной школой, чрезвычайно полезным опытом, хотя близкого общения не получалось.

Е. А. Мравинский был человеком независимым. Несколько раз ему предлагали вступить в партию, но он отказывался, и потому считался «неблагонадежным»... Его иногда не пускали за рубеж, говоря: «Посидите дома, у нас к вам есть вопросы». Но это все равно не могло его заставить изменить свое отношение к властям. Часто рассказывают историю о том, что, когда оркестранты начали уезжать из страны, Евгения Александровича вызвали в обком партии и спросили: «Что происходит? Почему от вас уезжают музыканты?» И он, ничуть не смутившись, ответил: «Это не от меня, а от вас уезжают». Мравинский всегда оставался самим собой и ни перед кем не лебезил. Он знал себе цену.

В шестидесятые годы начались довольно тесные контакты между советскими и зарубежными музыкальными вузами, в частности, Венской академией музыки. Был организован обмен: студент из Вены учился в Москве, а студент из Советского Союза учился в Вене. Чаще всего приезжали музыканты-инструменталисты, потому что Московская консерватория славилась своими профессорами – пианистами, скрипачами, виолончелистами. А в Вену ездили дирижеры.

«Для меня в Вене наиболее интересным было посещение репетиций и концертов в филармонии и спектаклей в Венской опере, многие из которых в Советском Союзе не ставились. Р. Вагнер у нас вообще не упоминался, я уж не говорю про оперы А. Берга¹⁵ “Воцтек” и “Лулу”. Слушал я и оперы Р. Штрауса¹⁶ “Кавалер роз”, “Женщина без тени”. Все это, конечно, очень расширило мой кругозор и было очень полезно».

В то время, когда Дмитриев стажировался в Вене, в Зальцбур-

В дирижерской комнате Ленинградской филармонии с Е. А. Мравинским. 1969 г.

ге оперой «Золото Рейна» дирижировал знаменитый Герберт фон Караян¹⁷. Пропустить такое событие было бы непроситительно, и для студентов академии организовали поездку в Зальцбург. После спектакля Караян вышел к молодежи, чтобы немного пообщаться. До сих пор в личном архиве Дмитриева хранится фотография, на которой он снят рядом с великим маэстро.

В 1970 году А. С. Дмитриев вернулся в Ленинград и занял должность дирижера оркестра Академического Малого театра оперы и балета. Шесть лет работы в театре, несомненно, принесли пользу Дмитриеву-дирижеру. И все же

именно симфоническое дирижирование стало главным делом его жизни. С 1977 года Александр Сергеевич возглавляет Академический симфонический оркестр филармонии, и сегодня уже столь же трудно представить себе филармоническую афишу без его имени, как и без имени его коллеги – главного дирижера и художественного руководителя заслуженного коллектива России – Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии им. Д. Д. Шостаковича Ю. Х. Темирканова.

Петербургская филармония – это два замечательных симфони-

С Гербертом фон Караяном. Австрия, 1968 г.

ческих оркестра высочайшего класса, и приглашение А. С. Дмитриева на пост главного дирижера и художественного руководителя одного из них было знаком признания его достижений и высокого творческого потенциала.

В январе 2005 года на юбилейном концерте, посвященном 70-летию маэстро Дмитриева, министр культуры и массовых коммуникаций А. С. Соколов высоко оценил профессиональный уровень музыкантов оркестра и творческие заслуги художественного руководителя...

Александр Сергеевич – человек внешне спокойный, мягкий. И при этом ему удается держать в руках большой коллектив музыкантов – людей разных по возрасту, темпераменту, характеру, воспитанию. Конечно, иногда приходится быть твердым и даже жестким. Но порядок и дисциплина в оркестре – условия необходимые и для творческого успеха. Трудно себе представить оркестр высокого уровня, если в нем царит анархия.

Дирижерам приходится работать не только со своим, но и с чужими оркестрами. На вопрос о том, сколько нужно репетиций, чтобы выйти на сцену с уверенностью в успехе, маэстро улыбается. «Вопрос не стоит так, – отвечает он. – Не спрашивают, сколько нужно, а просто дают столько, сколько возможно. И с этим приходится мириться. Ведь с каждым днем все жестче становится принцип “время – деньги”. Но обычно в хорошем оркестре трех репетиций вполне достаточно».

Однако иногда приходится выходить на сцену совсем без репетиций. Как и у всякого исполнителя, у Александра Сергеевича случались разные казусы, приходилось выходить из трудных положений. Один из таких случаев он вспоминает сегодня с улыбкой, хотя тогда ему было не до веселья.

«На концерте в Кембридже дирижировать должен был Рождественский¹⁸. Я был тогда в Англии в первый раз. Мне, конечно, очень хотелось побывать в Кембридже, и я поехал в качестве слушателя. В программе были Четвертая симфония Чайковского и “Фантастическая” симфония Берлиоза. Когда мы приехали, Рождественский вдруг

говорит мне: “Я что-то плохо себя чувствую. Ну, “Фантастическую” я уж как-нибудь, а Четвертую пойдешь дирижировать...” А у меня ни фрака, ничего! Что делать? Ну, с миру по нитке собрали что-то. Еще папа мой тогда работал в оркестре. Он мне дал свою рубашку. У кого-то штаны взяли, у кого-то фрак. И мне пришлось с ходу в Кембридже дирижировать!»

Почти десятилетний период творческой жизни маэстро тесно связан с нашим скандинавским соседом – суровой и живописной страной фьордов – Норвегией, куда он был приглашен на должность художественного руководителя и главного дирижера симфонического оркестра города Ставангера.

Норвежский период творчества Александр Сергеевич оценивает как один из интереснейших в своей жизни. «Там другие порядки, другое восприятие музыки, как мне кажется, менее романтическое, чем у нас, – говорит маэстро. – Там немножко больше прозы. Музыкант в Норвегии – это просто представитель одной из многих профессий, точно таких же, как профессии слесаря или водопроводчика. А для нас музыка это нечто святое, возвышенное. Однако норвежцы способны продемонстрировать очень высокие художественные результаты. Мы записали с Ставангерским оркестром ноктюрны Дебюсси и симфонические произведения Равеля, которые требуют просто виртуозной оркестровой техники. В журнале CD-Review (декабрь 1994) эта запись получила очень высокую оценку. Это особенно приятно, потому что французская музыка, норвежский оркестр и русский дирижер – это достаточно редкое и необычное сочетание».

То, что принято называть творческим поиском, совсем не чуждо Александру Сергеевичу. Он постоянно изучает новые произведения, что-то меняет в сочинениях уже исполненных не однажды. Он признается, что иногда ему очень хочется поиграть известное произведение «новыми штрихами», что унаследовано им от учителя, Н. С. Рабиновича. Для Александра Сергеевича работа над новыми штрихами – это своеобразное хобби внутри профессии. Но есть у

него и другие увлечения, с музыкой не связанные.

Недавно в Доме композиторов прошла выставка фотографических работ, автором которых был дирижер Дмитриев. Больше всего увлекают Дмитриева пейзажи, городские виды. Во всех поездках с ним фотоаппарат. Особенно любит он снимать закаты, возможно потому, что именно в этом недолгом времени ухода солнца на ночной покой всегда, даже в самую хорошую погоду, есть элемент драматизма, без которого, наверное, не может возникнуть никакое художественное произведение.

Возможно, именно это привлекает маэстро и в спорте. Он смотрит футбольные матчи с участием российской сборной, которые, особенно в последнее время, представляют собой весьма драматическое зрелище. В футбол играл в юности и сам Дмитриев. Но, пожалуй, больше увлекался лыжами, коньками, играл в пинг-понг и в шахматы.

И все же самое большое увлечение сегодня – это компьютер, за которым Александр Сергеевич иногда просиживает до поздней ночи.

Маэстро Дмитриев – очень скромный человек. Приходится задавать ему множество разных вопросов, чтобы коснуться некоторых глубин его души. В этом помогает нам жена Александра Сергеевича, Людмила Григорьевна. От нее мы узнаем, что ко многим достоинствам ее мужа следует добавить такое важное и полезное в семейной жизни, как умение готовить, а главное – делать это с удовольствием. Специализацией маэстро являются рыбные блюда. Людмила Григорьевна, не без гордости рассказывая о том, как муж разделывает рыбу, говорит: «Такое впечатление, что он был хирургом, настолько хорошо он это делает. Просто удивительно!»

Список умений и навыков дирижера Дмитриева можно продолжить, упомянув о том, что он умеет чинить дверные замки, мыть окна, вскапывать грядки и делать много других полезных повседневных дел.

Особенно важным для нашего рассказа о маэстро Дмитриеве в контексте истории культуры нашего города является тот факт, что не

чуждо ему было и техническое творчество. Увлечение радиотехникой, модное в пятидесятые годы, не обошло и юного музыканта Сашу Дмитриева. Он собрал радиоприемник, который принимал сигналы в 16-метровом диапазоне, что позволяло слушать «Голос Америки». К тому времени увлечение джазом уже охватило многих молодых людей, тем более музыкантов. Началось все с Шостаковича, написавшего музыку для кинофильма «Встреча на Эльбе», в котором для характеристики американских солдат он использовал джаз. Посмотрев фильм, мальчишки из Хорового училища сразу же стали играть этот джазовый фрагмент на рояле. Из всех классов доносились параллельные квинты, которые запрещались по правилам классической гармонии. Играл, конечно, и Саша Дмитриев.

Собранный своими руками приемник помог проникнуть в неведомый мир американской музыки. Так, благодаря кинематографу и самодельному приемнику, джаз занял почетное место в ряду пристрастий будущего дирижера. Уже в консерватории он стал одним из организаторов небольшого вокального ансамбля из пяти человек, который выступал в основном на капустниках и вечеринках. В то же время на одном из старших курсов учился студент Шурик Броневицкий¹⁹, который тоже сумел организовать свой ансамбль. Прошло какое-то время, и стало ясно, что есть смысл объединить усилия. Так родился первый в Советском Союзе вокально-инструментальный ансамбль «Дружба», названный так, возможно, потому, что он состоял из людей разных национальностей: студенты из ГДР Рольф Шаблинский (гитара) и Вернер Мачке (контрабас). Солистка – никому тогда не известная полька Эдита Пьеха²⁰, училась в то время в Ленинградском университете на психологическом отделении философского факультета и пела в хоре польского землячества, где ее и услышал студент консерватории Броневицкий. По его приглашению Э. Пьеха выступила с ансамблем, исполнив сразу же ставшую популярной песенку «Червоний автобус». Ансамбль и его солистка стремительно завоевывали любовь слушателей.

А. С. Дмитриев с женой Л. Г. Дмитриевой. 2005 г. Фото О. Молкиной

В составе «Дружбы» было 11 человек. Многие стали известными музыкантами. В. Чернушенко²¹ стал художественным руководителем Капеллы, много лет был ректором Ленинградской (затем Петербургской) консерватории. В. Васильев был главным дирижером в воронежской опере. Ю. Брагинский заведовал кафедрой в Новосибирской консерватории. Б. Ляшко стал проректором Московской консерватории. А. Пустовалов руководил ансамблем песни и пляски Киевского военного округа. Помимо солистки Эдиты Пьехи в ансамбле была еще одна девушка, Маргарита Иванова, которая стала потом солисткой в свердловской опере.

Появление на эстраде «Дружбы» явилось неким светлым лучом – одним из символов наступившей недолгой «оттепели». Ансамблю повезло. Он был принят не только публикой, но и признан властями. Скоро он получил официальный статус ВИА, а Александр Броневицкий стал его художественным руководителем. Начались выступления по радио и на телевидении, выезды на гастроли. Успеху и популярности «Дружбы» в большой степени способствовал Всемирный фестиваль молодежи и студентов, на котором власти решили продемонстрировать разнообразие музыкальных жанров.

Будучи известным музыкантом, руководителем одного из

Ансамбль «Дружба». Солистка Э. Пьеха.
Хор: третий справа – А. Дмитриев, в центре – В. Чернушенко. 1968 г.

крупнейших симфонических оркестров России, дирижер Дмитриев не перестает слушать свой любимый джаз, но со свойственным ему тактом предпочитает воздержаться от комментариев по поводу современной эстрады...

В Петербургской консерватории, в стенах которой зародился когда-то ансамбль «Дружба», Александр Сергеевич провел многие годы и в качестве преподавателя. Н. А. Римский-Корсаков говорил, что когда его пригласили на должность профессора, он не только учил других, но и учился сам. То же самое произошло и с Дмитриевым. По его признанию, несмотря на имевшийся у него практический опыт, именно начав преподавать, он многое понял, увидел в другом свете.

За двадцать с лишним лет преподавательской деятельности профессор Дмитриев выпустил немало учеников, среди которых Владимир Альтшулер, Андрей Аниханов, Андрей Борейко, Аркадий Штейнлухт, Стоян Марев, Янез Говедник, Антун Полянич и мно-

гие другие. Как говорит маэстро, дирижеры – «штучный товар», поэтому успех даже двух или трех учеников – это уже большое достижение учителя. Хотя на вопрос, возможно ли вообще научить дирижированию, маэстро не может дать однозначный ответ. С одной стороны, дирижером, по его мнению, надо родиться, с другой – без обучения тоже невозможно.

Маэстро Дмитриев много работает. Он дает сорок–пятьдесят концертов в год, а иногда и больше. Репертуар дирижера буквально потрясает своим объемом. Это практически все значительные сочинения для симфонического оркестра. Не надо быть музыкантом, чтобы оценить масштаб творчества маэстро. В его исполнительском портфеле все симфонии Бетховена, Брамса, Чайковского, Рахманинова, семь симфоний Шостаковича, почти все оркестровые сочинения Прокофьева, Малера, Скрябина, Равеля, Сибелиуса, такие шедевры, как реквиемы Моцарта и Верди. И это далеко не полный список!

А. С. Дмитриев – личность, интересная во всех отношениях. Приятно участвовать в беседе с ним дома, за чашкой чая, увлекательно слушать музыку, которая рождается по мановению его «волшебной» дирижерской палочки, интересно рассматривать вместе с ним старые фотографии и афиши, которые хранятся в семейном архиве Дмитриевых. Перед глазами проходит более чем полувековая история в образах известных всему миру солистов, дирижеров, знаменитых оркестров. Каждая фотография – это память о неповторимых событиях, с каждой связаны какие-то воспоминания – иногда приятные, иногда печальные, иногда курьезные.

Все это – и фотографии, и старые концертные программки, и пожелтевшие афиши, и лауреатские дипломы, и личные воспоминания – словно крошечные кусочки смальты, без которых неполной будет огромная многоцветная мозаика под названием «история Петербурга»...

¹ Богданов Палладий Андреевич (1881–1971) – педагог Хорового училища им. М. И. Глинки.

² Дмитриевский Георгий Александрович (1900–1953) – художественный руководитель Капеллы, профессор Ленинградской консерватории.

³ Кудрявцева Елизавета Петровна (1914–2004) – первая в России женщина – дирижер хора, народная артистка России, народное достояние России, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

⁴ Гаук Александр Васильевич (1893–1963) – дирижер, композитор, народный артист РСФСР (1954), профессор Московской консерватории.

⁵ Тюлин Юрий Николаевич (1893–1961) – музыковед, педагог, композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР (1957), профессор Ленинградской и Московской консерваторий.

⁶ Рабинович Николай Семенович (1908–1972) – дирижер, педагог, профессор Ленинградской консерватории

⁷ Малько Николай Андреевич (1883–196) – дирижер, профессор Ленинградской консерватории (1925–1928), руководитель симфонического оркестра в Сиднее (1957–1961).

⁸ Трубачев Сергей Зосимович (*Отец Сергей Трубачев*) (1919–1995) – главный дирижер Симфонического оркестра Карельского радио и телевидения, создатель Петрозаводской хоровой капеллы, профессор института им. Гнесиных.

⁹ Серебряков Павел Алексеевич (1909–1976) – пианист, народный артист РСФСР (1957), профессор, ректор Ленинградской консерватории (1938–1951, 1961–1976).

¹⁰ Мравинский Евгений Александрович (1903–1988) – дирижер, народный артист СССР (1954), главный дирижер и художественный руководитель Симфонического оркестра Ленинградской филармонии (1938–1988), Герой Социалистического Труда.

¹¹ Темирканов Юрий Хатуевич (р. 1938) – дирижер, народный артист СССР (1981), лауреат государственных премий, главный дирижер и художественный руководитель Заслуженного коллектива России – Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии им. Д. Д. Шостаковича, с 2000 г. – главный дирижер и художественный руководитель Балтийского симфонического оркестра (США), почетный дирижер Лондонского Королевского оркестра.

¹² Мансуров Фуат Шакирович (р. 1928) – дирижер, руководитель Государственного симфонического оркестра Республики Татарстан, народный артист России, профессор Московской консерватории.

¹³ Шостакович Максим Дмитриевич (р. 1938) – дирижер.

¹⁴ Симонов Юрий Иванович (р. 1941) – художественный руководитель и главный дирижер Академического симфонического оркестра Московской государственной академической филармонии, профессор Московской консерватории.

¹⁵ Берг (Berg) Альбан (1885–1935) – австрийский композитор, автор опер.

¹⁶ Штраус Рихард (Strauss Rikhard) (1864–1949) – композитор.

¹⁷ Караян Герберт фон (Karajan Herbert von) (1908–1989) – австрийский дирижер, художественный руководитель Венского симфонического оркестра (1948–1954), руководитель Берлинского филармонического оркестра (1954–1989).

¹⁸ Рождественский Геннадий Николаевич (р. 1931) – дирижер, народный артист СССР, лауреат международных премий, профессор Московской консерватории.

¹⁹ Броневицкий Александр Александрович (1931–1988) – создатель и художественный руководитель первого в СССР вокально-инструментального ансамбля «Дружба».

²⁰ Пьеха Эдита Станиславовна (р. 1937) – певица, солистка ансамбля «Дружба» (1956–1976), народная артистка СССР (1988), лауреат международных премий.

²¹ Чернушенко Владислав Александрович (р. 1936) – дирижер, народный артист СССР, художественный руководитель Государственной академической капеллы им. М. И. Глинки, профессор, ректор (1979–2002) Санкт-Петербургской консерватории.

Шуваловский парк, Адольф Полье и первые работы Александра Брюллова

К 210-летию со дня рождения Адольфа Полье

Е. Л. Александрова, И. П. Ерохина

Один из прекраснейших уголков старинного и загадочного Шуваловского парка – единственного сохранившегося до наших дней садового ансамбля северных пригородов Петербурга – связан с именем Полье. Его имя сохранилось в неразрывной связи с парковыми сооружениями: «склеп Полье» и ажурная воздушная готическая церковь над ним, «Аллея Полье», «Адольфова аллея», или «Аллея вечности», ведущая от склепа к Вороньей, или, как ее называли прежде, Адольфовой, горе.

Однако сам Адольф Полье (1795–1830) – второй муж владелицы парголовского имения Шуваловых, «роковой вдовы» Варвары Петровны Шуваловой-Полье-Бутера заслуживает внимания не только как инициатор возрождения заброшенной к тому времени усадьбы, в которой прошли последние три года его столь короткой жизни, но и как разносторонне образованный человек, незаурядный художник и ученый, открывший первое в России месторождение алмазов.

Столь же многогранно одаренным, творчески оригинальным являлся и создатель того уголка парка, который напоминает об Адольфе Полье уже почти в течение двух столетий. Это – Александр Брюллов (1798–1877) – архитектор, положивший начало новому направлению в русском зодчестве 1830-х годов, а также известный современникам художник-акварелист, выполнявший заказы на портреты знатных особ. Однако эта сторона деятельности затмевалась его архитектурными дарованиями и славой брата-художника.

Творчество Александра Брюллова, особенно его архитектурные работы, хорошо изучено¹. Также

Деревянный дворец в Шуваловском парке. Арх. Г. Боссе. 1850–1854 гг. Фото 1860-х гг. (предположительно)

известно, что, учась в Академии художеств и находясь в пенсионерской поездке в Италии, он занимался живописью². Из переписки А. Брюллова с друзьями видно, что за границей он много рисовал, в частности, особ русской знати, находившихся в Италии. Очевидно, от них о мастерстве русского пенсионера стало известно королю Неаполя, заказавшему ему акварельные портреты членов своей семьи³. Увлечение Александра живописью во время пенсионерской поездки было так велико, что друзья даже опасались, что оно пойдет в ущерб его основной архитектурной деятельности. Так, сопровождавший пенсионеров в их поездке казначей Общества поощрения художников, финансировавшего их обучение за границей, П. А. Кикин в своем письме старшему брату А. П. Брюллова Федору писал: «Боюсь... крайне боюсь, чтобы Александр не сделался рисовальщиком...»⁴. За свою жизнь Александр Брюллов исполнил бо-

лее 100 портретов своих современников, и почти все они сохранились до нашего времени в различных музеях и частных коллекциях⁵.

В этой статье рассматривается самый ранний, наименее изученный период деятельности А. П. Брюллова – архитектора и рисовальщика, – после его возвращения на родину в 1829 году⁶. В тот период он часто общался с возвратившимися из Италии летом 1827 года владелицей парголовского имения графиней Варварой Петровной Шуваловой, с которой познакомился в Неаполе, и ее вторым мужем – графом Адольфом Полье – незаурядным рисовальщиком, увлекавшимся минералогией и переписывавшимся с ведущим немецким ученым того времени Александром Гумбольдтом, которого сопровождал в его поездке по Уралу. Именно для парголовского имения графини Александр Брюллов спроектировал и создал свою первую известную постройку в России –

церковь Петра и Павла в Шуваловском парке. Однако, по-видимому, возведение того храма было не первой его работой для В. П. Шуваловой-Полье. По ее заказу в 1830 году он соорудил над могилой ее скончавшегося от чахотки мужа усыпальницу – «Склеп Полье», над которым и возвел через несколько лет церковь, выполнял ряд работ в парголовском имении⁷.

Известно, что «даровитый род русских художников Брюлловых или Брюлло (Bruleau) происходит из Франции»⁸. В XVII веке протестанты Брюлло вынуждены были бежать в Германию, в городок Люнебург. Появление Брюлло в России было началом творческого расцвета их рода. Приехавший в Петербург в 1733 году прадед Александра – Георг Брюлло – 50-летний орнаментальный скульптор был приглашен лепщиком на Императорский фарфоровый завод. Потомки Брюлло (или, как его часто называли, Брылло) получили русское подданство. Сын Георга Иоанна – «резного, золотарного и лакировального дела мастер» Иван – умер молодым, оставив двух детей – 13-летнего Пауля (Павла), родившегося в 1760 году, и малолетнюю дочь Катерину. Павел проявил художественные способности и был приглашен в 1793 году в Академию художеств в качестве учителя орнаментальной скульптуры. Вскоре он получил звание академика, однако через шесть лет был уволен. Незадолго до этого он второй раз женился (от первого брака у него был сын Федор) на Марии Елизавете (Марии Карловне) Шредер, дочери придворного садовника. У них было много детей, но выдающиеся способности проявили Александр, родившийся 29 ноября 1798 года, и Карл, родившийся через год. Из младших детей (дочерей Марии и Юлии (Евдокии) и умершего во младенчестве Павла) Иван – также воспитанник Академии художеств – только начал проявлять свои незаурядные способности, однако не успел стать известным, скончавшись в 17 лет. Несомненно, что в творческой биографии обоих выдающихся братьев большую роль сыграли отец и старший Федор. «Мы дома работали больше, чем в Академии»⁹, – вспоми-

нал впоследствии Александр. Павел Иванович мог многому научить сыновей. Его деятельность была широка и многогранна: «...он был замечательным резчиком по дереву, владел секретами золочения. Занимался миниатюрной живописью, владел техникой гравирования и лепки»¹⁰. Старший из братьев Федор – «профессор исторической и церковной живописи»¹¹, окончил Академию художеств в 1815 году с золотой медалью, был старательным, способным и трудолюбивым. Но так сложилось, что «он не оставил заметного следа в истории искусств»¹². Ему не довелось служить в Академии художеств, и его жизнь протекала по обычному для художников руслу: учитель рисования в домах знати, преподаватель в пансионе благородных девиц. Вместе с отцом расписывал интерьеры храмов. Именно воспитанием детей Шуваловой-Полье и росписью возведенной братом церкви он и занимался в 1830-х годах, живя в доме малолетних графов Шуваловых вместе с их другими учителями в парголовском имении. Как следует из «Описи мебели в господском доме на мызе Парголовой» на 1839 год, Федор Брюллов занимал одну из комнат на чердаке Малого дома-дворца: «В комнате Брюллова на чердаке мебель красного дерева, оббитая голубым бархатом»¹³.

А. П. Брюллов. Портрет Андрея и Петра Павловичей Шуваловых. 1825 г. Неаполь

15 января 1810 года Александр Брюллов поступил в Академию художеств, где провел 12 лет (до 1821 года). После окончания обучения он с братом Карлом был отправлен в августе 1822 года на средства Общества поощрения художников в пенсионерскую поездку за границу¹⁴. В Неаполе, куда художник, обучавшийся архитектуре, приехал в октябре 1824 года¹⁵, он познакомился с В. П. Шуваловой. Там он исполнил акварельные портреты самой графини и ее малолетних сыновей – наследников парголовского имения. На акварели В. П. Шувалова «изображена в рост, стоящая на прибрежной морской скале. У решетки на фоне типично-итальянского ландшафта с аллей деревьев слева, и с уходящим вдаль берегом, окаймляющим залив. Если не вполне удачны здесь сероватые, приглушенные краски, то все же превосходным здесь остается рисунок, свободная постановка гр. Шуваловой, левой рукой держащей соломенную шляпу с голубой лентой. У ног ее прыгает собачка, вносящая известную жизненность в акварель, сочетающую быт и ландшафт с портретным изображением. В том же духе написаны и мальчики Шуваловы, в ярко-красных гусарских мундирчиках, стоящие на берегу моря, на это раз действительно голубого неаполитанского залива с дымящимся Везувием»¹⁶.

После возвращения в Россию А. П. Брюллов был определен в октябре 1830 года «архитектором двора его императорского величества» и в феврале следующего года назначен младшим профессором Академии художеств¹⁷.

Время возвращения А. П. Брюллова в Россию и его работы по заказам графини Полье совпали с периодом расцвета Шуваловского парка. Именно в 1820–1830-е годы, когда хозяйкой парголовского имения была В. П. Шувалова-Полье, урожденная Шаховская (1796–1870), внучка богатого горнозаводчика барона А. Г. Строганова. Его дочь Варвара Александровна, наследница огромного строгановского богатства, состоявшего, главным образом, в уральских заводах и землях, вышла замуж за князя Бориса Шаховского и имела дочь Елизавету Борисовну (1773–1796). Пу-

В. П. Шувалова-Полье.
Миниатюра П. Росси. 1826 г.

тешествуя за границей со своей матерью в Карлсруэ, Елизавета Борисовна влюбилась в молодого красавца князя Д'Аренберга, иностранного подданного. Екатерина II, боясь, что несметные богатства Строгановых уйдут из России, не дала разрешения на их брак, приказав матери с дочерью вернуться домой под страхом конфискации всего имущества. Елизавета Борисовна была повенчана со своим однофамильцем князем П. Шаховским и вскоре после рождения дочери Варвары скончалась. В 1816 году Варвара Шаховская вышла замуж за Павла Андреевича Шувалова, внука первого владельца парголовской мызы Петра Ивановича, который был женат на подруге императрицы Елизаветы Петровны Мавре Шепелевой. Новые владельцы проявили живой интерес к парку, находившемуся в запустении уже много лет. Однако они не успели сделать всего, что задумали. Обремененное долгами имение (долг В. П. Шуваловой в 1824 году составлял более 5 млн рублей¹⁸), смерть П. А. Шувалова в декабре 1823 года и отъезд его вдовы за границу в следующем году прервали деятельность по благоустройству парка. Задуманная перестройка дворца не была осуществлена, планы по перепланировке сада в новом пейзажном стиле не были реализованы.

Овдовевшая графиня, покинув Парголово, несколько лет провела

в Швейцарии, на берегу Женевского озера, на своей вилле между Женевой и Лозанной, которая служила центром многочисленной русской колонии. В 1826 году она страстно влюбилась и вышла замуж за швейцарского француза из Лозанны, получившего графство от французского короля, а затем вступившего в русское подданство под именем Адольфа Антоновича (в некоторых источниках – Александровича) Полье. Он родился 18 июня 1795 года в Авиньоне в семье французов-кальвинистов, вынужденных переселиться из Франции в Швейцарию. Его семья «происходила от весьма древней фамилии из Руэрга (в бывшей провинции Гюйенн), которая была знаменита во Франции в продолжение нескольких веков, а в 1550 году удалилась в Швейцарию, чтобы избежать гонений... Поселившись с того времени в Лозанне, фамилия Полье всегда занимала там почетное место, весьма многие из ее членов принимали участие в правлении...»¹⁹. Его отец – один из богатейших людей Франции, – потратил большую часть как своего состояния, так и жизни на изучение мифологии и культуры Индии, где его дядя-англичанин был наместником, и был убит при ограблении своей виллы за несколько месяцев до рождения сына²⁰, по дру-

гим данным – «во время революции в южных областях Франции, куда его фамилия вновь переселилась»²¹. Адольф Полье участвовал в походах Наполеона, был награжден орденом Почетного легиона. При заключении мира и при учреждении Королевского генерального штаба он «в уважение дарований и познаний своих помещен был в ученое сословие и в течение нескольких лет был употребляем в разных местах Франции по стратегическим работам, снискавшим его одобрение и благосклонность короля»²². Познакомившись в 1826 году с русской графиней Шуваловой, он после женитьбы не ней и пребывания с ней в Италии летом 1827 года отправился в Россию. Его жизнь в Италии, занятия живописью и общение с художниками нашли отражение как в многочисленных сохранившихся его письмах²³, датированных концом 1826 года, так и в письмах его современников. В письмах к графине Шуваловой в октябре–декабре 1826 года, когда она, очевидно, ездила в Россию за разрешением российского императора на брак с иностранным подданным (ее прошение датировано 6/18 октября, а разрешение императора Николая получено 20 ноября 1826 года²⁴), он описывал светскую жизнь в Париже, откуда она уехала,

Л. А. Сереклов. Церковь в Шуваловском парке. Гравюра 1871 г.

очень сожалел о временной разлуке с ней и с нетерпением ожидал ее возвращения.

В следующем году из Италии Сильвестр Щедрин, встречавшийся с Полье в Неаполе, писал С. И. Гальбергу: «Здесь также находится графиня Шувалова с мужем, славный молодец и рисует прекрасно»²⁵. В июля 1827 года Н. Н. Демидов, живший во Флоренции, писал Д. М. Дурново: «Бывшей графини Шуваловой муж – граф Полье приехал ко мне прощаться, – намерен ехать в Россию, чтобы остаться там навсегда»²⁶. В России Полье «по слабости своего здоровья не мог продолжать военную службу, но употребил все усилия, чтобы сделаться полезным подданным нового своего отечества. Он вскоре приобрел благосклонность его величества государя императора, был пожалован в камергеры и определен в службу по Министерству финансов»²⁷. В 1828 году он предпринял путешествие, чтобы лично обозреть поместья своей супруги, и в следующем году несколько месяцев (с апреля по июль) находился в Пермской губернии и на Урале, где занимался разными наблюдениями и поисками, «коих последствием, в высокой степени полезным и драгоценным для науки, было открытие нового минерального богатства России: в его земле найдены алмазы, коими до сего времени только Индия и Южная Америка ... снабжали весь свет»²⁸. В 1829 году Полье получил придворную должность церемониймейстера двора, в сентябре того же года был награжден орденом св. Анны 2-й степени, а в конце года император «повелеть соизволил служащего в Министерстве финансов коллежского асессора графа Полье награждать чином надворного советника»²⁹. В «Русском биографическом словаре» отмечается, что он был хорошим рисовальщиком и занимался минералогическими изысканиями, в частности, открыл первое в России месторождение алмазов на принадлежавшем жене Бисерском прииске³⁰. Современники отмечали, что он «имел довольно обширные сведения в минералогии, в чем отдавал ему справедливость и сам знаменитый Гумбольдт, которому сопутствовал он... при обозревании гор Уральских»³¹.

Большой дворец. Фото 1940-х гг.

Алмазы были обнаружены Полье при рассматривании золотосодержащих песков и находящихся в них мелких кристаллов серного колчедана. Первый алмаз был найден «накануне приезда графа 14-летним мальчиком из деревни Калининской Павлом Поповым, который, имея в виду награждение, назначенное за открытие любопытных камней, принес свою находку зрителю, а тот, полагая, что представленный ему маленький камень есть не что иное, как топаз и поэтому не заслуживает особенного внимания, присоединил его к прочим минеральным галькам, впоследствии им представленным...»³². Сам открывший алмазное месторождение, гр. Полье писал бывшему тогда министром финансов графу Егору Францевичу Канкрину: «5 июля я приехал на розсыпь вместе с г. Шмидтом, молодым фрейбергским минералогом, которому я намеревался доверить управление рудником, в тот же самый день между множеством кристаллов железного колчедана и галек кварца, представленного мне золотосодержащего песка, открыл я первый алмаз...»³³. Один из найденных алмазов Полье подарил приехавшему с ним А. Гумбольдту. Ныне он хранится в музее в Берлине. Алмазы, происходящие с приисков «Адольфовского и Крестовоздвиженского в окрестностях Бисер-

ского завода княгини Бутера, совершенно сходны с бразильскими. Экземпляр из этого месторождения, хранящийся в Музее Горного института, имеет форму несколько растянутого ромбического додекаэдра, которого плоскости в направлении короткой диагонали преломлены, а в направлении длинной диагонали – выпуклы. Он бесцветен, совершенно прозрачен и сильно блестящ. Теми же свойствами обладает алмаз, подаренный барону А. фон Гумбольдту и описанный Густавом Розе. Почти подобных же качеств были и 29 алмазов, которые в 1832 г. видел Паррот в доме графини Полье. Наибольший из них весил 2 17/32 карата»³⁴.

Путешествуя по Уралу, Полье, прекрасно рисовавший, сделал много «весьма хороших видов»³⁵. К сожалению, ни набросков, ни альбомов с рисунками Полье пока не найдено ни в архивах, ни в музеях. Неизвестно, сохранились ли до нашего времени те альбомы и рисовальные принадлежности, которые упоминаются в описях домов В. П. Полье-Бутера. В «Инструкции управляющему главной конторы гр. Бутера», датированной 1853 годом, перечисляются предметы, оставшиеся после А. Полье. В Эрмитаже хранится темно-синий альбом с итальянскими видами 1840-х годов и с бук-

вами ВВ (Варвара Бутера), принадлежавший графине Полье, и в Русском музее находится украшенный бронзовыми вставками альбом Александра Брюллова с рисунками, относящимися к парголовскому периоду его деятельности. Среди набросков художника есть карандашный рисунок с изображением графа и графини Полье, сидящих за столом, и две акварели – с изображением графа Полье на смертном одре и только что построенного склепа над могилой графа в Шуваловском парке (еще без готической церкви над ним). Очевидно, склеп был сооружен по проекту А. Брюллова сразу же после смерти хозяина, так как в архиве сохранился «Реестр крестьян Парголовской вотчины, находившихся 30 марта 1830 г. у копания для покойного графа Адольфа Антоновича могилы»³⁶, в котором указано 144 человека из всех трех парголовских слобод и деревень.

Именно графу Полье, столь недолго прожившему в России, принадлежит инициатива устройства Шуваловского парка в современном состоянии и перепланировка верхнего сада в пейзажном стиле. Он активно взялся за восстановление Парголовского имения и задуманное благоустройство парка. К работе был привлечен только что возвратившийся из пенсионерской поездки Александр Брюллов. Вернувшись в Петербург, он выполнил для графини Полье проект склепа-усыпальницы и над ней церкви³⁷. Основные работы по возведению храма были закончены к 1833 году, освящен же он был только в 1846 году.

Именно черты «столь любезной сердцу» А. П. Брюллова готики просматриваются в облике дворца графини Полье в Парголове, дошедшем до нас в гравюрах Лустоно и акварелях В. С. Садовникова³⁸.

Перестройка дворца в парке, очевидно, велась в конце 1820-х годов, поскольку на более ранних планах (до 1817 года) дворец в плане почти квадратный, каким он изображен на рисунке Кваренги 1780-х годов³⁹, то есть не достроенный боковыми флигелями, имеющимися у изображенного Лустоно (1833 год), во-вторых, при П. А. Шувалове «дворец не был построен»⁴⁰, а все имение было обложено огромными долгами. Возможно, постройку нового загородного дома финансировал А. Полье. Об этом косвенно свидетельствуют его письма к ехавшей на родину за разрешением на брак с иностранцем графине Шуваловой. Так, в письме от 9 октября 1826 года он сообщал ей о результатах своих «хлопот по получению (пока он не стал русским подданным) во Франции наследственного майоратного владения и заема на 160 тысяч франков»⁴¹.

Основное здание было двухэтажным на подвалах, в 11 окон по фасаду, с четырехскатной кровлей и высоким бельведером, украшенным куполом и флагштоком. Центральная ось фасада подчеркивалась двухколонным портиком, завершенным лучковым фронтоном, сохранившимся от первоначального дворца XVIII века с элементами «петровского барокко», изображенного на рисунке 1780-х годов Дж. Кваренги. Окна имели классические наличники. Однако в рисунке окон бельведера и второго этажа, а также балюстрады бельведера и подзора навеса крыльца просматриваются готические элементы. С правой стороны к дому примыкала одноэтажная пристройка. Перед фасадом дворца, обращенным к Парнасу, находился садик с цветником и площадка со стоящими у самого обрыва холма двумя высокими лиственными деревьями. Обилие готических элементов, столь характерное для ранних работ А. Брюллова, оформле-

ние двух кабинетов второго этаже в «готическом стиле»⁴², а также имеющиеся документы, подтверждающие участие архитектора не только в строительстве церкви Петра и Павла, но и в оформлении домовоей Скорбященской церкви в 1832–1834 годах⁴³, позволяют сделать заключение об участии А. П. Брюллова в перестройке внешнего вида и интерьеров дома графини Полье.

Ко времени выполнения работ в Парголове относятся два хорошо известных портрета А. Брюллова: акварели с изображением М. М. Сперанского (1833), жившего в 1830-х годах в парголовском имении Полье и у своей дочери Е. М. Фроловой-Багреевой, и Н. Н. Пушкиной (1831), родственницы В. П. Шуваловой-Полье. Они хранятся в Музее А. С. Пушкина в Петербурге, на Мойке, 12.

После постройки парголовской церкви «архитектор императорского двора» А. П. Брюллов занимался проектированием и строительством церквей, домов, особняков и дач петербургской знати, восстанавливал отделку Зимнего дворца после пожара 1837 года. Эта деятельность в отличие от работ первых лет его пребывания в России, когда он был еще недостаточно известен, подробно изучена и нашла отражение в посвященных зодчему работах как XIX века (в обзоре, посвященном 50-летию его деятельности⁴⁴, некрологе⁴⁵ и энциклопедиях⁴⁶), так и в исследованиях советских ученых последующего столетия⁴⁷.

«Склеп Полье», «Адольфова гора» и «Адольфова аллея» – эти названия уголков Шуваловского парка спустя два века доносят до нас имя человека, некогда задумавшего преобразовать эту местность и за свой короткий промежуток жизни, проведенный в Парголове, сумевшего сделать так, чтобы потомки его не забыли.

¹ Оль Г. А. Архитектор Брюллов. М.; Л., 1955; Она же. Александр Брюллов. Л., 1983.

² Акварельные работы Брюллова // Среди коллекционеров. 1924. № 3–4. С. 3–9; Герловина Э. Графические портреты А. П. Брюллова // Искусство. 1963. № 6. С. 63–67.

³ Местонахождение портретов неизвестно, хотя в настоящее время в Государственном Русском музее (ГРМ) хранится портрет молодой женщины в горностаевой мантии, стоящей возле гробницы с датой МСССХХV (1825) на фоне неаполитанского пейзажа.

⁴ Архив Брюлловых / Ред. и примеч. И. П. Кубасова. СПб., 1900. С. 24.

⁵ Герловина Э. Указ. соч. С. 64.

- ⁶ Кстати, дата возвращения в Россию в различных источниках дается с разбросом около года.
- ⁷ Александрова Е. Л. Остров Рус в Литориновом море: Ист. прошлое сев. окрестностей Петербурга. СПб., 2000. С. 195–201, 220. См. также ее статью о Шуваловском парке в журнале «История Петербурга» за 2005 г., № 3.
- ⁸ Новый энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. СПб., 1917. Т. 8. С. 150.
- ⁹ Неизданные письма Брюллова с примечаниями художника Железнова. Женева, 1867. С. 4. Цит. по: Ковалева И. С. Ранние годы становления архитектора Александра Брюллова как художника // Проблемы русской и зарубежной архитектуры. Л., 1988. С. 40–48.
- ¹⁰ Ковалева И. С. Указ. соч. С. 41.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Архив Брюлловых. С. 112.
- ¹³ Опись мебели в господском доме на мызе Парголово / Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1092 (Шуваловых). Д. 1588.
- ¹⁴ Пашкова Т. Л., Блинов А. М. Дом архитектора Брюллова. СПб., 1997. С. 19–32.
- ¹⁵ Всемирная иллюстрация. 1871. Т. 5. № 116. С. 183–185.
- ¹⁶ Акварельные работы Брюллова // Среди коллекционеров. 1924. № 3–4. С. 4. В настоящее время портрет детей находится в ГРМ (Поликарпов В. Образы детства // Наше наследие. 1993. № 26. С. 24); местонахождение портрета графини неизвестно (до 1926 г. хранился в Шуваловском дворце-музее на Фонтанке, 21).
- ¹⁷ Ковалева И. С. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁸ Новый энциклопедический словарь. Т. 8. С. 126.
- ¹⁹ Граф Полье // Сев. пчела. 1830. № 34. 20 марта.
- ²⁰ Справочный биографический словарь Страчевского. СПб., 1854. Т. 9. Ч. 1. С. 25; Русская старина. СПб., 1890. Т. 66. С. 21–22 и 647.
- ²¹ Сев. пчела. 1830. № 34.
- ²² Там же
- ²³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1288 (Шуваловых). Оп. 1. Д. 1265, 1971, 2715.
- ²⁴ Письмо М. М. Сперанскому от 27 июля 1827 г. // РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 2870.
- ²⁵ Письмо С. Щедрина – Гальбергу от 27 марта 1827 г. // Щедрин С. Письма. М., 1978. С. 136.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1267 (Демидовых). Оп. 2. Д. 572. Л. 127.
- ²⁷ Сев. пчела. 1830. № 34.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Санкт-Петерб. ведомости. 1829. 2 дек. № 144.
- ³⁰ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 464–465.
- ³¹ Граф Полье // Сев. Меркурий. 1830. 12 марта. № 31. С. 123.
- ³² Ощепков И. Н. Кто открыл алмазы на Урале? // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. 1993. Т. 7. Вып. 3. С. 90–99.
- ³³ Кокшаров Н. Материалы для минералогии в России // Горн. журн. 1871. № 4. С. 73.
- ³⁴ Там же. С. 76.
- ³⁵ Граф Полье // Сев. Меркурий. 1830. 12 марта. № 31. С. 123.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 3854.
- ³⁷ Архив Брюлловых. С. 24; Брюллов // Историческая выставка архитектуры. СПб., 1914. С. 43.
- ³⁸ Loustaunau. Huit vues representant les plus beaux villages de Pargolove de St.-Petersbourg. СПб., 1833; В. С. Садовников. Каталог выставки. СПб., 2000. С. [8], 185, 202, 204.
- ³⁹ См. статью о Шуваловском парке в журнале «История Петербурга» за 2005 г., № 3.
- ⁴⁰ Александрова Е. Л. Указ. соч. С. 187.
- ⁴¹ Письмо А. Полье – В. П. Шуваловой // РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1971. Л. 3–4.
- ⁴² Александрова Е. Л. Указ. соч. С. 205.
- ⁴³ Постройка церкви в Спасо-Парголовском саду // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36 (Шуваловых). К. 3. Л. 30–36 и Отчет Брюллова о «постройке в Парголово двух церквей и домовою...» // РГИА. Ф. 1092. Д. 1587.
- ⁴⁴ Всемирная иллюстрация. 1971. Т. 5. № 12, 116. С. 183–185.
- ⁴⁵ Зодчий. 1877. № 1. С. 176.
- ⁴⁶ Брюллов // Историческая выставка архитектуры. С. 43–44.
- ⁴⁷ Оль Г. А. Архитектор Брюллов; Она же. Александр Брюллов; Ковалева И. С. Указ. соч.; Пашкова Т. Л., Блинов А. М. Указ. соч.

Город и дача

(«кризис большого города» 1870-х годов и формирование дачного пространства вокруг Петербурга)*

О. Ю. Малинова

Сеть железных дорог представляла собой своеобразный каркас для расширения дачной зоны. Но не только проведение железнодорожного полотна «создало» дачную географию того времени. Расселение дачников, требовавшее определенных условий, не могло совершаться механическим путем.

К 1860-м годам в эксплуатацию вошли четыре дороги – Петергофская ветвь Балтийской железной дороги, участок Варшавской до Пскова, Царкосельская и Николаевская. Финляндская железная дорога с направлением на Выборг и ветвь Балтийской железной дороги с направлением на Ревель появились позже, в 1870 году. К моменту открытия железных дорог были построены станции, место для которых выбиралось руководством дороги и согласовывалось с Министерством путей сообщения.

Рассчитывали ли чиновники на то, что вокруг утвержденных ими станционных платформ вырастут дачные поселки и отцы семейства, выбираясь за город на выходные, будут приносить дороге высокий доход? Скорее всего – да. Железнодорожными станциями были в первую очередь оснащены дворцовые пригороды Петербурга, где императорские резиденции традиционно окружались дачами горожан⁷⁰. К 1870 году Царкосельская и Варшавская дороги предлагали своим пассажирам остановку в Царском Селе (имелось два вокзала в разных частях города). Гатчину также обслуживали две дороги – Варшавская и Балтийская. Петергофская ветвь Балтийской дороги вела в Петергоф и Ораниенбаум. Царкосельская

Станция Мшинская

дорога долгое время (до 1880-х годов, когда появились платформы Средняя, или Московское шоссе, а также Тярлево) насчитывала всего две станции: Царское Село и Павловск.

Дворцовые городки служили для дачного отдыха богатых горожан, которых привлекали летние резиденции императорской фамилии парками, военными оркестрами и другими элементами цивили-

зации. Фешенебельным дачным районом в конце 1870-х годов стала Сиверская, предлагавшая дачникам удовольствие любоваться холмистым ландшафтом реки Оредеж.

Однако наличие станции – условие важное, но недостаточное для дачного отдыха. Дачникам требовался живописный ландшафт, водоемы для купания, лес с грибами и ягодами, наконец, помещения,

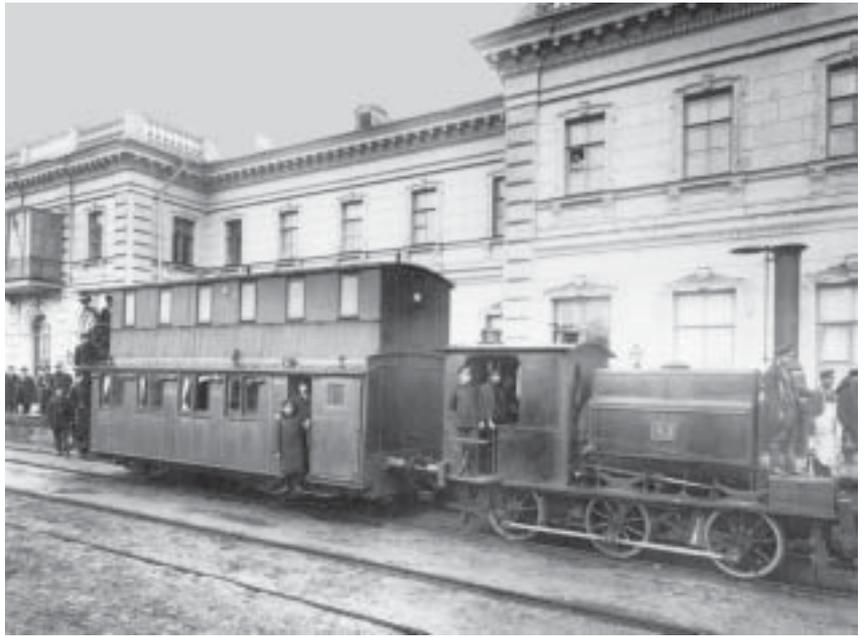
Станции Царкосельской, Балтийской, Варшавской и Николаевской железных дорог, введенные в эксплуатацию к 1870 году

Царкосельская	Царское Село и Павловск
Балтийская	Лигово, Петергоф, Красное Село
Варшавская	Царское Село, Гатчина, Суйда, Сиверская, Дивенская, Мшинская, Преображенская, Луга
Николаевская	Колпино, Саблино, Тосно, Ушаки

* Окончание. Начало в № 3 (25) за 2005 г.

предназначенные для комфортного – в меру возможностей семейного бюджета – проживания. По этой причине далеко не все станции в 1870-х годах были окружены дачными местностями. Например, Суйда и Мшинская не блистали красотами ландшафта, а последняя еще и находилась в значительном удалении от города. Станция Колпино обслуживала Ижорские заводы, наполнявшие окрестности дымом. Не привлекала дачников и близость рабочих поселков. Платформа в Красном Селе была рассчитана на нужды армии – там с 1823 года располагался военный лагерь. Местность становилась дачной лишь на две-три недели в году (май–июнь), когда проводились Красносельские маневры⁷¹. После пика дачного сезона дачи в Красном занимали военные или же люди, имевшие непосредственное отношение к лагерю⁷².

Таким образом, выбор места для дачи в 1870-х годах был невелик. Немногочисленные дворцовые городки и модные дачные поселения привлекали к себе более состоятельных горожан, а менее состоятельные, как правило, снимали дачу недалеко, пользуясь при этом неотъемлемыми благами дачных центров – лавками, а также возможностью посещать концерты, театры, парки. Семья А. Н. Бенуа долгое время проводила лето в Бобыльске, деревеньке между Петергофом и Ораниенбаумом⁷³, где позже были куплены участки и выст-

Вокзал Балтийской железной дороги

роены замечательные дачи двух братьев художника – М. Н. Бенуа и Л. Н. Бенуа⁷⁴. Ораниенбаум производил на Александра Бенуа впечатление глухого и провинциального городка⁷⁵, но он был близок к блестящему Петергофу, куда можно было выехать на концерт или прогулку⁷⁶.

Отдаленность развлечений, достопримечательностей и прочих благ, свойственных известным дачным центрам, сказывалась на стоимости аренды помещений. Например, в 1880 году цена дач в Петергофе достигала 1500 рублей, в то время как в Ораниенбауме и окре-

стностях, находившихся от императорской резиденции в десятке верст, она составляла 20–40 рублей за лето⁷⁷. Домики, расположенные вдали от станции, стоили много дешевле тех, что находились в непосредственной близости от вокзала, однако низкая арендная плата не могла искупить неудобств, вызванных таким отдалением. Даже экономные дачники – Екатерина Лансере, родная сестра А. Н. Бенуа, рано оставшаяся без мужа с шестью детьми на руках, и сам художник с молодой женой вынуждены были отказаться от дачи, которая находилась, по его мнению, все же далеко от Ораниенбаума, от лавок, от железной дороги⁷⁸. Именно эти соображения А. Н. Бенуа приводил как «официальные» аргументы сестры. «Неофициальным» поводом для отказа от дачи послужило соседство друзей А. Н. Бенуа, Зинаиды и Дмитрия Мережковских, и связанная с этим неизбежность особенно частых приемов и соответствующих расходов⁷⁹.

Дачное дело было очень выгодным, и желание горожан снять дачу встречало готовность местных жителей предоставить любое имеющееся в их распоряжении помещение. В конце зимы, когда дачники приезжали в избранное ими местечко подыскать удобный дом, на станцию высыпали дачевладельцы, а также булочники, зеленщики и

Станция Преображенская

продавцы всевозможной снеди, и борьба за внимание клиента нередко доходила до крика и даже драк между представителями предприимчивого местного населения⁸⁰.

Повсеместно сельские жители переезжали на лето в шалаши и сараи, чтобы только иметь возможность пустить в избу дачников, и неудобства с лихвой оправдывали себя. Например, в 1869 году крестьяне деревни Малая Ижора, в семи верстах от Ораниенбаума, получали около 50 рублей в сезон за аренду помещения и различные услуги. По словам газеты «Кронштадтский вестник», этой суммы хватало для того, чтобы выплатить годовой оброк⁸¹. Статистические издания начала XX века отмечали, что выгода от дачного дела была настолько значительной, что резко менялся круг занятий крестьян в дачной зоне. Все, что производилось, было рассчитано исключительно на спрос дачников, в то время как выращивание зерновых культур прекращалось, и в зимнее время крестьяне предпочитали покупать в лавках те товары, которые прежде выращивали сами – хлеб, овощи⁸². Дачный промысел, таким образом, оказался куда более доходным, нежели традиционные крестьянские занятия, и натуральное хозяйство в дачной зоне сменилось деятельностью в сфере обслуживания, стало сродни ремеслу в городе.

Сколько-нибудь состоятельные горожане снимали на лето более комфортные помещения – дачи,

Зрительный зал в здании Павловского вокзала

предназначенные для приема постояльцев. Владелец одного или нескольких таких домов, расположенных в известном дачном центре, мог рассчитывать на безбедную жизнь – конечно, если находил клиентов. Факт обладания недвижимостью такого рода свидетельствовал об успехе в коммерческой деятельности. Современники, вспоминая о людях, ставших дачевладельцами, не писали об этом напрямую, однако высокая доходность предприятия становится понятной из контекста. Например, Н. Воронович вспоминал, что сверхсрочные прапорщики в гвардейском полку яв-

лялись также богатыми дачевладельцами, но подчеркивали свою преданность службе – дескать, другие на их месте довольствовались бы достигнутым успехом и не проводили бы «целые дни... в казармах среди своих солдат»⁸³.

Герои воспоминаний В. Трубецкого и В. Набокова, торговец и управляющий, тоже были дачевладельцами. Эта деталь помогла авторам показать, каких неожиданных высот достигли два прохиндея, талантливые в обмане клиентов и хозяев. В. Трубецкой рассказывает о «шакале» – торговце особого рода, который поставлял всевозможную снедь военным и учащимся в то время, когда они участвовали в военных учениях или проводили топографические съемки в районе Красного Села. Молодые люди, обладатели здорового аппетита и тугого кошелька, могли получить любой деликатес, не покидая поля. За свои услуги шакалы «драли... втридорога, охотно предоставляя неограниченный кредит»⁸⁴ и норовили замешкаться, когда следовало вернуть сдачу на крупную сумму. Если офицер спешил, то предпочитал потерять свои деньги, нежели дожидаться расчетов⁸⁵. «Профессия шакала, по-видимому, была очень выгодной, ибо шакал после нескольких лет своей деятельности обычно приобретал где-нибудь в окрестностях Красносельских лагерей дачу,

Сиверская. Строганов мост

которую летом пускал в эксплуатацию», – заключает автор.

В. Набоков, вспоминая о характере своих родителей, пишет о попытках отца – известного политика проследить за статьями расходов и призвать к ответу слуг-растратчиков. Намерения В. Д. Набокова сталкивались с нежеланием его самого и жены расстраивать слуг или быть к ним излишне, по их мнению, жестокосердными. «Веселая воровская свистопляска», царившая в доме Набоковых, видна на примере управляющего Егора, который «торговал под шумок господскими цветами и ягодами так искусно, что нажил новенький дом на Сиверской: мой дядя Рукавишников как-то ездил посмотреть и вернулся с удивленным выражением»⁸⁶. Героев Вороновича, Трубецкого и Набокова объединяет одна важная черта: все они стали зажиточными людьми благодаря личному умению тем или иным путем извлечь выгоду из своего дела. Практическая жилка диктовала им, куда следует поместить нажитый капитал, и наиболее выгодным предприятием оказывалось не что иное, как покупка дачи в оживленной дачной местности, для того чтобы принимать на лето постояльцев.

Взаимный деловой интерес, объединявший дачников и дачевладельцев, являлся движущим средством для расширения дачного пространства. Отсутствие железнодорожных станций вблизи дачных районов создавало трудности для тех и других, и проблема требовала решения. Конечно, в особенных случаях можно было игнорировать правила остановок, установленные железной дорогой. Например, миллионер В. И. Рукавишников ездил в Сиверскую на поезде, следовавшем в Европу и пересекавшем Россию с минимальным количеством остановок. «И вот вздохнули и стали длинные карие вагоны Норд-Экспресса, который дядя подкупал, чтобы тот останавливался на дачной станции, и страшно быстро из багажного выносилось множество его сундуков...»⁸⁷ – вспоминал В. В. Набоков. Однако предусмотрительные дачевладельцы предпочитали идти официальным путем, и поэтому обращались с ходатайствами в

Министерство путей сообщения. Документы такого рода оседали в Техническо-инспекторском комитете железных дорог. Комитет рассматривал технологические стороны вопроса и решал, возможно ли строительство платформы или станции, исходя из особенностей местности, стоимости строительства и целесообразности ононого в отношении доходов дороги.

Жители петербургских окрестностей, направляя в Министерство путей сообщения коллективные ходатайства о строительстве полустанций, выбирали поручителя, который бы защищал их интересы посредством усилий и влияния. Жители Мариенбургской части Гатчины, например, выбрали своим представителем управляющего Гатчинским дворцовым правлением генерал-лейтенанта Багговута⁸⁸. В 1872 году общество крестьян деревни Купчино выдало письменное уполномочение губернскому секретарю Ю. А. Нарбуту, для того чтобы тот ходатайствовал в правлении Царскосельской железной дороги о строительстве открытой пассажирской платформы на 9-й версте Царскосельской дороги (ныне станция Купчино)⁸⁹. Ранг поручителей был высок, если общность интересов сближала представителей разных социальных слоев, например, домовладельцев и государственного чиновника дворцового ведомства. Такое удачное партнерство складывалось не всегда, чаще поручитель выбирался из среды ходатаев. Так, крестьяне Лужского уезда направили

в Министерство путей сообщения ходатайство, под которым было выведено девятнадцать подписей с пометкой «грамотные»⁹⁰. Однако, направляя ходатайство, заинтересованные лица не полагались на государственные ведомства. Из документа видно, что в Петербурге, на Владимирском проспекте в «15 квартале» проживал один из просителей, Федор Заплаткин⁹¹. Адрес его, указанный после всех подписей, говорит о том, что именно этот человек являлся связующим звеном между министерством и крестьянами. Важное дело, таким образом, необходимо было держать под личным контролем, не полагаясь на государство.

Дела об открытии станций содержали только один полный текст прошения местных жителей, поэтому нельзя судить о том, привлечение ли дачников было главной целью возведения платформы. Однако именно возможность «дачного» использования станций была основной гарантией дохода для железной дороги. Так, аргументами, позволившими разрешить строительство платформы Мариенбург, выступили «неоднократные ходатайства домовладельцев Мариенбургской части»⁹², расположение ее напротив зверинца⁹³, а также сам факт «ходатайства Гатчинским дворцовым правлением генерал-лейтенанта Багговута»⁹⁴. Просьбы местных жителей упомянуты в документе трижды, в то время как сведения о зверинце и ходатайстве Багговута (в качестве аргумента) – лишь единожды. Дач-

Вагон у поста Стрельна

Виды Сиверской. Старая открытка

ные интересы домовладельцев не упомянуты в деле, поскольку они были очевидны: Гатчина ежегодно принимала дачников. Тем не менее неоднократное упоминание этого факта свидетельствует о том, что именно он, по мнению чиновников железнодорожного ведомства, являлся решающим. Полустанция у деревни Низовки Лужского уезда, напротив, не была открыта, в том числе потому, что ландшафт болотистой местности и удаленность ее от Петербурга (90 верст) не могли привлечь дачников, то есть ожидать развития пассажирского движения было нельзя⁹⁵.

В ответ на ходатайства об открытии новых станций и полустанций просителям традиционно предлагалось взять на себя значительную часть затрат, на что те не только соглашались, но зачастую и сами предлагали свое участие в важном для них деле. Именно на таких условиях были возведены платформы Мариенбург⁹⁶, Купчино⁹⁷, Пудость⁹⁸. Условия для устройства платформ частными лицами были выработаны железной дорогой еще в 1864 году в виде доклада, который был утвержден министром путей сообщения. В октябре 1875 года те условия еще раз были отмечены в докладе департамента железных дорог⁹⁹. Установленные правила гласили, что платформа, которая проектируется для нужд частных лиц, должна быть выстроена за счет просителей. Министерство путей сообщения не желало входить в какие-либо рас-

ходы, если в деле были заинтересованы другие ведомства или частные лица, поэтому стремление извлечь максимальную выгоду распространялось также на плату за проезд до такой платформы.

Правления железных дорог, получая доход от новых станций, выстроенных за счет заинтересованных лиц, а также от продажи билетов до этих станций, не спешили признавать, что предприятие это все-таки было выгодным. Напротив, в случае спорных вопросов правления ссылались на их убыточность. Для того чтобы настоять на повышенном тарифе по отношению к платформе Мариенбург, правление намекнуло, что новая полустанция не нужна железной дороге, поскольку на коротком перегоне между станциями Красное Село и Гатчина пассажирская уже выстроены четыре платформы – Военная, Дудергоф, Тайцы и Пудость¹⁰⁰. Споры о тарифе смолкли, поскольку речь зашла о целесообразности строительства как такового¹⁰¹.

Правления железных дорог, стремившиеся не вкладывать свои средства в том случае, если платформы выгодны частным лицам, в ряде случаев все же изменяли своей политике. Так, дело «Об устройстве двух платформ в Шувалове при вокзале для дачных помещений Финляндской железной дороги» было завершено за две недели¹⁰², в то время как другие дела зачастую ждали решения своей судьбы по нескольку лет¹⁰³. Подобная скорость и лаконичность не вызывают удив-

ления. Правление дороги могло быть уверено в целесообразности своих действий, поскольку строило платформу «против увеселительного места “Озерки”»¹⁰⁴ – подобия Павловского вокзала, открывшегося в середине 1870-х годов. По вечерам там играла оркестровая музыка, и вокзал спорил по популярности с Павловским. Недалеке высился небольшой холм с башней, откуда можно было любоваться окрестностями на двадцать верст вокруг¹⁰⁵. Кроме того, Шувалово, близкое к Петербургу, с проведением железной дороги обещало стать известной дачной местностью. Расчет не замедлил оправдаться. Путеводитель указывал, что возведение новой станции привело к тому, что к началу 1880-х годов прошел пик популярности Лесного, где, по словам путеводителя, «прежде жило более 15 тысяч человек»¹⁰⁶. Дачники стали предпочитать Шувалово, основанное «очень недавно»¹⁰⁷, но уже застроенное дачами, которых было более 500¹⁰⁸.

Итак, кризис большого города, вызванный развитием научно-технического прогресса, привел к резкому расширению дачного пространства – «промежуточного звена» между городом и сельской местностью, предлагавшего своим обитателям удовольствие сельской жизни в условиях развитой инфраструктуры и комфорта. Осознание необходимости выезжать из города в летний сезон и растущая непригодность прежних дачных поселений для летнего отдыха привели к тому, что дачники стали осваивать местности, более отдаленные от города. В процесс «перекраивания» дачной зоны активно включились жители селений, близких к железнодорожному полотну. Коллективные ходатайства о строительстве новых полустанций, готовность местных жителей финансировать важное для них предприятие и особенно – ожидание прибыли, побуждали руководство железных дорог и Министерство путей сообщения способствовать строительству новых полустанций. Так, в 1870-е годы дачное пространство не столько расширяло свои границы, сколько осваивало территории, наиболее удобные для дачного дела, будь они расположены вбли-

зи давно существовавших станций или же требовали строительства новых. Новыми полустанциями обеспечивались лишь те местности, ландшафт которых мог гарантировать высокий доход от пассажиров-дачников. Таким образом, предложения местных жителей проходили жесткий отбор в ведомствах, отвечавших за возведение новых строений на железной дороге, и потому полустанциями обеспечивались самые перспективные районы. Расширение транспортной сети и освоение дачниками новых местностей привело также к более тесной связи между городом и губернией и, в конечном счете, к расширению культурного влияния города.

Усадьбы и дачи в Санкт-Петербургской губернии в 1862 году¹⁰⁹

Уезд	Число мыз, полумызков, усадеб, хуторов, ферм	Число дач
С.-Петербургский	37	327
Петергофский	59	21
Царскосельский	47	29
Шлиссельбургский	12	38
Новоладожский	81	—
Лужский	43	—
Гдовский	48	—
Ямбургский	99	—
ВСЕГО:	426	415

Количество сделок по покупке имений в Царскосельском уезде в 1868–1887 годах¹¹⁰

Годы	Сельскохозяйственные имения	Дачные имения	Всего
1868	8	2	10
1869	12	1	13
1870	12	1	13
1871	16	1	17
1872	10	2	12
1873	16	—	16
1874	8	2	10
1875	13	1	14
1876	18	1	19
1877	11	1	12
1878	15	3	18
1879	26	11	37
1880	9	12	21
1881	25	26	51
1882	14	20	34
1883	11	16	27
1884	13	26	39
1885	8	10	18
1886	9	24	33
1887	12	17	29

Продажные цены за 1 десятину земли (без построек) в Царскосельском уезде за 1861–1905 годы¹¹¹

Годы	Цена при покупке от 10 до 50 дес. (руб.)	Цена при покупке от 50 до 100 дес. (руб.)	Цена при покупке от 100 до 500 дес. (руб.)
1861–1870	76,7	57,7	37,8
1871–1880	63,5	56,6	25,1
1881–1890	231,4	50,4	58,9
1891–1900	715,9	36,9	91,5
1901–1905	588,5	118,0	146,5

¹ Пунин А. Л. Архитектура Петербурга XIX века. Л., 1990. С. 237.

² Красное Село // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 13. С. 259–261.

³ Путеводитель по окрестностям Санкт-Петербурга: Спутник дачника в сезон 1880 г. СПб., 1880. С. 102–103; Симанский В. Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1881. С. 121.

⁴ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1993. Т. 1. С. 464–465.

⁵ Там же. Т. 2. С. 102–103; 122–123.

⁶ Там же. Т. 1. С. 23.

⁷ Там же. Т. 2. С. 269, 270–271, 464.

⁸ Из дачных мест. Ораниенбаум // Петерб. листок. 1880. № 82.

⁹ Бенуа А. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 49.

¹⁰ Там же.

¹¹ Михневич В. Едем на дачу! // Петербургское лето. СПб., 1887. С. 22–27; Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910 гг.: Записки очевидцев. СПб., 1999. С. 219.

¹² Малая Ижора // Кронштадт. вестн. 1869. № 96.

¹³ Михневич В. Дачные пейзажи / Петербургское лето. С. 33–51; Сельскохозяйственный и крестьянский промыслы в 1894–95 сельскохозяйственных годах // Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1896. Вып. 1. С. 196–197.

¹⁴ Воронович Н. Всевидящее око: Из быта старой русской армии. Нью-Йорк, 1951. С. 22.

¹⁵ Трубецкой В. Записки кирасира. М., 1991. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 148.

¹⁷ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Избранное. М., 1990. С. 383.

¹⁸ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Романы. М., 1990. С. 393.

¹⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 262. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4477. Л. 2.

²⁰ Там же. Ч. 1. Д. 552. Л. 2.

²¹ Там же. Ч. 3. Д. 5858. Л. 1 – 1 об.

²² Там же. Л. 1 об.

²³ Там же. Ч. 2. Д. 4477. Л. 2, 5, 16.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Ч. 3. Д. 5858. Л. 4, 9, 11.

²⁷ Там же. Ч. 2. Д. 4477. Л. 2.

²⁸ Там же. Ч. 1. Д. 552. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 2155. Л. 1.

³⁰ Там же. Ч. 2. Д. 4477. Л. 1, 2 об.

³¹ Там же. Л. 11.

³² Там же.

³³ Там же. Ф. 262. Оп. 1. Д. 4318.

³⁴ Там же. Ч. 3. Д. 5858.

³⁵ Там же. Ф. 262. Оп. 1. Д. 4318. Л. 2.

³⁶ Санкт-Петербург и его окрестности // Всемир. иллюстрация. 1879. № 555. С. 164–165.

³⁷ Симанский В. Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1881. С. 17.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Список населенных мест по сведениям 1862 года. СПб., 1864. С. 1, 215.

⁴¹ Частновладельческое хозяйство Царскосельского уезда. СПб., 1891. С. 104–105.

⁴² Статистико-экономический обзор местностей, тяготеющих к железным дорогам Санкт-Петербургского района. СПб., 1912. Т. 1. С. 35.

Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX — начале XX века

В. И. Мусаев

Со второй половины XIX века на территории Великого княжества Финляндского, прежде всего в прибрежной части Карельского перешейка, известной как Северная Ривьера, стали во все возрастающих количествах появляться русские дачники, что способствовало заметному (во всяком случае, сезонному) увеличению русского населения в той части Финляндии. К тому времени отдых на лоне природы завоевывал все большую популярность среди жителей имперской столицы. Все большее число петербуржцев предпочитало выезжать на летний сезон из пыльного и шумного города и проводить свое свободное время в его пока еще не затронутых урбанизацией окрестностях, таких как Шувалово–Озерки, Лахта, Лисий Нос, Парголово и др. Со временем, однако, все большей популярностью стал пользоваться отдых в чуть более отдаленных живописных местностях финской части Карельского перешейка. Наплыву русских отдыхающих в Финляндию, безусловно, способствовало завершение в 1870 году строительства связавшей российскую столицу с Великим княжеством железной дороги Петербург–Выборг–Риихимики. Именно после того на Перешейке начался настоящий дачный бум. Территория, прилегавшая к железной дороге, особенно ее прибрежная часть, интенсивно застраивалась виллами и дачами петербургских жителей. Активизации процесса приобретения дачных участков и дачного строительства в Финляндии содействовало высочайшее постановление от 16 февраля 1891 года, согласно которому российским подданным, кроме евреев, было дано право свободно приобретать в Великом княжестве

недвижимое имущество и владеть им¹. В начале 1890-х годов в Финляндии были введены некоторые правила, имевшие целью облегчить положение временного русского населения: рубль был принят в качестве платежного средства, так что дачникам не надо было больше заниматься обменом валюты, от официальных лиц в курортных местностях стали требовать владения русским языком, неприятная необходимость уплачивать таможенную пошлину при ввозе на территорию Финляндии спиртных напитков была ликвидирована благодаря открытию в дачных районах торговых точек, где можно было обзавестись спиртным².

Поначалу дачные поселения концентрировались в основном либо вблизи от железной дороги в волостях Кивеннапа и Уусикиркко, либо в окрестностях Выборга. При этом в Кивеннапа дачи располагались в основном по берегу

Финского залива, в Уусикиркко же, где железная дорога проходила дальше от берега, немало дач находилось во внутренней части Перешейка, по берегам озер, которыми изобилует территория волости. К концу XIX века дачное строительство заметно распространилось вширь, охватив, в частности, приходы Эюряпяя и Ранта³. Наиболее популярным до конца периода автономии оставался все же отдых на побережье залива – на Северной Ривьере. Самым крупным русским курортом на побережье стал поселок Терийоки. Благодаря наплыву русских отдыхающих заметно разрослись также небольшие прежде деревни Куоккала, Тюрисевя, Ваммелсуу, появились и чисто русские дачные поселения, такие как Оллила или Келломаки. В общей сложности в волостях Кивеннапа, Уусикиркко, Муолаа, Куолемайрви и Койвис-то к 1908 году российским поддан-

Уличный вид в Куоккале

ным принадлежало 4730 дач (в том числе 3643 в Кивеннапа и 778 в Уусикиркко), 230 дачных участков и 333 надела без построек. Больше всего дач – около 1400 – насчитывалось в поселке Терийоки, относившемся тогда к волости Кивеннапа⁴. В той же волости находились и другие крупнейшие дачные поселки: в Куоккала на тот же момент имелось 762 дач, в Райвола – 757, в Келломяки – около 500 и в Оллила – около 440⁵. По данным, сообщенным в 1909 году Выборгским губернским правлением, по губернии числилось 2273 владельца недвижимости, не принадлежавших к числу финляндских граждан⁶.

Появление русских дачников в деревнях и поселках Выборгской губернии, безусловно, наложило отпечаток на внешний облик и на жизнь тех мест. Русская речь на улицах звучала все чаще, на стенах домов, улицах и железнодорожных станциях в Терийоки, Куоккала, Келломяки и других поселках появились вывески и указатели на русском языке, для отдыхающих устраивались концерты и вечера, на которых выступали русские артисты, певцы, иногда довольно известные. Александр Блок и его супруга Любовь Дмитриевна летом 1912 года организовали в Терийоки театральную труппу, в которую в качестве режиссера был приглашен молодой В. Э. Мейерхольд. В некоторых поселках приезжие в сезон отдыха составляли большинство населения. В лексических формах южно-карельского диалекта стало появляться все больше заимствований из русского языка⁷. Владельцы дач привозили с собой и русскую прислугу, которая подчас проживала там круглый год. Приток временного населения, преимущественно русского и православного, вызвал необходимость строительства на Перешейке новых православных церквей. В 1912–1917 годах были построены церковь Казанской Божьей Матери в Терийоки, церкви Преображения в Куоккале, Мустамяки и Уусикиркко, церковь Всех Скорбящих Радость в Ваммелсуу. Терийокийский храм Казанской Божьей Матери, построенный в 1914 году в византийско-ярославском стиле, считался одной из замеча-

тельнейших культовых построек во всей Скандинавии⁸.

Численность русских отдыхающих на курортах Карельского перешейка с трудом поддается определению, так как их состав был слишком переменчив, некоторые приезжали на несколько дней, другие жили по нескольку месяцев. К тому же статистические сведения первые годы вообще не собирались, лишь с 1892 года ленсманы начали проводить сбор соответствующих данных. О численности русских дачников имеются лишь приблизительные предположения. Так, в 1880 году в прессе сообщалось о том, что численность жителей дачных поселков в летний сезон доходила до 30 тысяч. Своего максимума число отдыхающих достигло, однако, накануне Первой мировой войны. Только в Терийоки в 1911 году, согласно полицейским данным, количество отдыхающих (предъявивших российские паспорта) составило 45 960 человек, в июле 1912 года – 46 500 человек, а летом 1914 года оно доходило до 75 000 человек (при том что постоянное население Кивеннапа и соседней волости Уусикиркко составляло лишь около 35 000 человек), в целом же по Перешейку, по некоторым данным, число отдыхающих превышало 100 000 человек⁹. Представляет интерес динамика количества железнодорож-

ных билетов, приобретенных на Финляндском вокзале для поездки в дачные местности Карельского перешейка: в 1890 году было продано 152 612 таких билетов, в 1895-м – 164 719, в 1900-м – 295 735, а в 1905-м – 509 712¹⁰. Конечно, рост количества проданных билетов говорит не столько об увеличении численности более или менее постоянных жителей дачных поселков (хотя, косвенно, и об этом), сколько об интенсификации пассажирского движения по линии Петербург–Выборг, однако и сама эта тенденция весьма примечательна. Пассажирское движение между Россией и Финляндией продолжало расти и в последующие годы: по приблизительным подсчетам правления железной дороги, число пассажиров, выехавших в Финляндию и въехавших из Финляндии, в 1910 году составило от 1 400 000 до 1 500 000 человек и в 1911 году – от 1 600 000 до 1 700 000 человек¹¹.

Вполне естественно, что среди владельцев и съемщиков дач на Карельском перешейке преобладали жители Петербурга, однако исследования финских авторов показали, что мнение о том, что на Перешейке отдыхали исключительно или почти исключительно петербуржцы, не верно. Так, по данным диссертационной работы Л. Пююкёнен, на которые ссылает-

Дача К. И. Чуковского в Куоккале

ся исследователь истории русских дач на Перешейке В. Хямяляйнен, из 1683 русских владельцев недвижимости в Терийоки 860 человек происходили из Петербурга, 102 – из других местностей Петербургской губернии, о происхождении 355 человек сведения отсутствуют, 366 же человек был родом из других российских губерний, в том числе даже из причерноморских и северокавказских¹². Л. Пююкёнен исследовала также социальное происхождение владельцев домов и дач. Среди них самую большую группу – 534 человека – составляли торговцы и промышленники; второе место занимали общественные деятели и лица свободных профессий, которых насчитывалось 340 человек, за ними следовали лица, занимавшиеся физическим трудом, – их было 280 человек; только 211 владельцев дач имели дворянское происхождение¹³. Среди лиц, приобретавших или снимавших дома и дачи на Перешейке, встречались и известные деятели науки и культуры. Хорошо известен дом И. Е. Репина «Пенаты» в Куоккала, который художник приобрел в 1906 году¹⁴. Также в Куоккала имели свои дачи А. М. Горький (с 1904 года) и К. И. Чуковский. Писателю Леониду Андрееву с 1908 года принадлежал дом в Ваммелсуу. Среди владельцев дач на Перешейке заслуживают упоминания известный архитектор Барановский, профессора В. М. Бехтерев, С. П. Боткин и А. И. Воейков, энциклопедист Эфрон, ювелир К. Фаберже¹⁵.

Развитие Карельского перешейка как курортной зоны имело существенное значение для экономики Великого княжества. Наплыв русских дачников приносил средства в финляндскую казну, давал возможность для заработка многим жителям Перешейка. Местные крестьяне сдавали помещения внаем приезжим, снабжали дачников хлебом, молочными продуктами, мясом, рыбой, грибами, ягодами и другими продуктами¹⁶. Для части местных жителей деятельность по обслуживанию отдыхающих из России и дачных поселков (или, говоря современным языком, занятость в индустрии туризма) стала основным промыслом, который приносил большие доходы, чем их

Железнодорожная станция Куоккала

традиционные занятия. Отношения русских дачников с местными жителями и властями не всегда, однако, складывались безоблачно. Трения иногда возникали в силу незнакомства приезжих с местными традициями и обычаями, несоответствия традиционных привычек русских местному укладу жизни¹⁷. Определенные проблемы и известное недовольство части финляндских общественных деятелей вызывала практика продажи в дачных местностях спиртных напитков, тогда как на остальной территории Великого княжества в силе был сухой закон¹⁸. Отчасти на отношении финнов к русским дачникам (как, собственно, к русскому населению в Финляндии в целом) сказывалось раздражение против имперского центра, вызванное в начале XX века (в так называемые годы угнетения) мероприятиями правительственной политики, направленными на ограничение финляндской автономии. Несмотря на все трудности, процесс приобретения недвижимости российскими подданными в Выборгской губернии в начале XX века продолжался, сделки совершались на сумму в среднем около миллиона марок в год¹⁹. Это вызывало тревогу и беспокойство националистически настроенных финских кругов. В печати и в высказываниях некоторых общественных деятелей звучали протесты против продажи русским земли, которая якобы таила в себе угрозу постепенного обрусения края²⁰. Комитет по делам Карельского перешей-

ка, образованный в Выборге в 1906 году, считал необходимым издать закон, который положил бы конец продолжавшейся продаже земель иностранцам (то есть русским). Считалось возможным, впрочем, дозволить сдавать русским землю в аренду и строить дачные помещения для отдачи им внаем. Выдвигалось также предложение, чтобы общины скупали продающиеся земли на свой счет и затем передавали их в аренду финнам²¹.

Следует упомянуть и еще об одной функции дачной зоны Карельского перешейка: она служила убежищем и базой для русских революционеров. В 1906–1907 годах дача «Ваза» в поселке Куоккала была штабом большевиков и местом основного пребывания В. И. Ленина. В поселке и его окрестностях, а также в Терийоки скрывались и другие революционеры, в частности, Л. Б. Красин. В нескольких километрах от Куоккалы, на хуторе Хаапала, весной 1907 года была основана большевистская лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ, которая, однако, была вскоре раскрыта, 11 человек оказались под арестом. Петербургская полиция установила «существование в м. Келломяки целого бюро террористов, подготовлявших убийства... и имевших карточки лиц, принявших на себя совершение политических убийств»²². В Терийоки с конца лета 1907 года располагалась конспиративная дача ЦК РСДРП. В 1906–1907 годах там же проводились конференции Петербургской организации партии²³.

Кроме того, п.Терийоки в 1905–1907 годах был известен как место проведения оппозиционных митингов, на которые приезжали многие петербуржцы. Один из таких митингов, состоявшийся в июне 1907 года, описан в донесении МВД: «4 сего июня в общественном саду у станции Териоки по Финляндской железной дороге состоялся митинг, устроенный по инициативе членов “трудоустройственной группы”, представителей партий социалистов-революционеров, социал-демократов русских и финляндских и финляндской красной гвардии. После обоюдных приветствий толпа, выстроившись у вокзала и подняв красные флаги с разными революционными надписями на русском и финском языках, двинулась к общественному саду с пением “Марсельезы”, “Варшавянки” и других революционных песен, а проходя мимо финского рабочего дома, остановилась на несколько минут и спела “Интернационал”. <...> Все речи отличались крайне революционным содержанием и почти каждый из ораторов заканчивал свою речь призывом к активной борьбе с правительством, после чего присутствующие аплодировали и кричали: “да здравствует вооруженное восстание”».²⁴

Наличие русских дачных поселков на Карельском перешейке и потребность борьбы с революционными элементами, «могущими ныне находить себе... безопасное убежище в нескольких десятках верст от С. Петербурга»²⁵, были в числе обстоятельств, которые принимались во внимание при рассмотрении вопроса о присоединении части территории Выборгской губернии к коронным российским землям. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, созванное в ноябре 1910 года под председательством главы правительства П. А. Столыпина, приняло решение приступить к разработке законопроекта о присоединении приходов Кивинеб (Кивеннапа) и Новая Кирха (Уусикиркко) к Петербургской губернии. Основную роль в принятии такого решения играли военно-политические соображения, однако в качестве одного из мотивов выдвигалось также намерение устранить неудобства для местных рус-

ских дачников, «вынужденных в настоящее время иметь дело с таможенными учреждениями при переездах из империи и обратно»²⁶. Межведомственная комиссия, составленная из представителей нескольких министерств, работала к концу 1913 года законопроект, однако начало мировой войны не позволило приступить к его практическому осуществлению²⁷. Реакция некоторых русских подданных, владевших недвижимостью на территориях, подлежавших передаче в состав России, на известия о грядущем переносе границы была несколько неожиданной: по сообщениям финских газет, они заявляли, что в таком случае они продадут свою собственность и будут искать возможность для новых приобретений в глубине финской территории, в случае необходимости вплоть до берегов озера Сайма²⁸.

С началом Первой мировой войны прибрежные финляндские области, в том числе дачный район Карельского перешейка, были переведены на военное положение. Это обстоятельство, а также обострение политической ситуации в самой Финляндии, вызвали отток отдыхающих с Перешейка и рост интереса к окрестностям Петрограда как к местам для летнего отдыха²⁹. Некоторые дачники, однако, не спешили покидать насиженные места и в продолжение войны оставались на территории Великого княжества, так как в Петрограде и в России в целом уже начинались перебои со снабжением продовольствием, в Финляндии же это пока не так ощущалось³⁰. В те годы в дачных районах Перешейка наблюдалось заметное развитие контрабанды, которая была застарелой проблемой российско-финляндского приграничья, причем в тот раз поток контрабандных товаров направлялся в основном в сторону России. Со временем экономические трудности, вызванные войной, стали ощущаться и в Финляндии. Русские дачники, пока еще располагавшие средствами, активно скупали продовольственные товары, что вело к их значительному удорожанию и явилось еще одним поводом для недовольства со стороны местных жителей³¹.

Революционные события весны и осени 1917 года в России отнюдь не заставили всех владельцев вилл и дач, находившихся в Финляндии, поспешить с отъездом на родину. Напротив, часть из них предпочитала наблюдать за развитием событий из Финляндии, надеясь переждать политические потрясения в России в оставшемся пока еще сравнительно спокойным финляндском приграничье. Некоторые русские дачники оставались на территории Финляндии и в декабре 1917 года, когда свершившимся фактом стало провозглашение финляндской независимости.

Вскоре после провозглашения независимости Финляндии власти страны приняли меры к тому, чтобы прибрать к рукам недвижимую собственность российских подданных на Карельском перешейке. 21 марта 1918 года, когда Гражданская война в Финляндии еще не закончилась, сенат уже обратил внимание на русские дачи на Перешейке и сформировал комитет для рассмотрения вопроса о принудительном отчуждении недвижимости, принадлежавшей российским подданным, в пользу Финляндского государства. Указом от 22 октября того же года были отменены постановления 1891 и 1903 годов, предоставлявшие российским подданным право свободного приобретения недвижимости в Финляндии и владения ею. Наконец, 24 октября 1919 года в парламенте, после некоторых дебатов, был одобрен закон, согласно которому иностранным гражданам и организациям запрещалось приобретать недвижимость на территории Выборгского лена без особого согласования с Финляндским государством³². Все эти меры вели к постепенному исчезновению русских дачных поселений на Перешейке. К тому же многие владельцы дач, испытывая материальные лишения, вынуждены были сами продавать свою собственность и в поисках средств к существованию перебираться в другие районы страны или вообще уезжать из Финляндии. В 1920–1930-е годы в курортной зоне Карельского перешейка отдыхали уже преимущественно финляндские граждане.

Многим населенным пунктам Карельского перешейка был причинен значительный ущерб во время войн 1939–1940 и 1941–1944

годов. В частности, поселки Оллила и Куоккала были почти полностью разрушены (Терийоки, находившийся в некотором отдалении

от границы, пострадал несколько меньше). Возрождение Северной Ривьеры как курортной и дачной зоны началось уже после войны.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 41. Ранее таким правом пользовались только российские подданные, принадлежавшие к дворянскому сословию.

² Bodin P.-A. Karelska Näset som mötesplats för nordiskt och ryskt // Sverige och Petersburg. Vitterhetsakademiens symposium 27-28 april 1987. Stockholm, 1989. S. 25–26.

³ Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974. S. 98; Idem. Vanhan Suomen venäläiset huvilaasukkaat // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 118.

⁴ В 1890-е гг. строительством дач и особняков в Терийоки занимался, в частности, Ф. Р. фон Хаартман, более известный как основатель и руководитель «Финского пароходного общества» в Петербурге. Здесь он основал «Общество по устройству дачной жизни в Терийоки» («Sällskapet för villalifvets ordnande i Terijoki»).

⁵ Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 97–98.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 42.

⁷ Балашов Е. А. Русское население на Карельском перешейке (XVIII – первая половина XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 177.

⁸ Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории быта русских в Финляндии // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1990. Т. VII. С. 53, 60.

⁹ Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 205, 216; Katajala K. Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa // Itä-Suomi ja Pietari. Kirjoituksia toimeentulosta suurkaupungin vaikutuspiirissä. Joensuu, 1997. S. 187–188.

¹⁰ Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 105.

¹¹ РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133. Л. 271 об.

¹² Hämäläinen V. Vanhan Suomen venäläiset huvilaasukkaat. S. 120–121. Можно предположить, впрочем, что некоторые уроженцы других губерний могли на тот момент постоянно проживать в Петербурге.

¹³ Ibid. S. 121.

¹⁴ Из обширнейшей биографической литературы о И. Е. Репине можно порекомендовать, в частности, книгу: Кириллина Е. Репин в Пенатах. Л., 1977.

¹⁵ Балашов Е. А. Указ. соч. С. 177.

¹⁶ Katajala K. Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa. S. 187.

¹⁷ В очерке «Православная Карелия», составленном канцелярией финляндского генерал-губернатора, отмечалось: «Самый процесс укоренения в Финляндии был для русских владельцев довольно трудным и болезненным, как по незнанию ими местных порядков, так и по недоброжелательству к ним некоторой части местных обывателей и властей» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 42).

¹⁸ Сам по себе запрет ввоза спиртного из России в Финляндию, впрочем, оказывался бессмысленным. Как отмечалось в докладе начальника С.-Петербургского таможенного округа, «строго преследуемый на границе вывоз спирта совершается совершенно свободно пассажирами, так как останавливающиеся на 1–2 минуты пассажирские поезда никогда не досматриваются чиновниками за их недостатком и опять предоставляются единоличному усмотрению досмотрщиков. При таковой постановке воспрещение вывоза спирта в Финляндию является фикцией» (Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133. Л. 274 об.).

¹⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 43.

²⁰ В одном из октябрьских номеров газеты «Карьяла», в частности, была помещена редакционная статья под претенциозным названием «Финскость в опасности – идите на помощь!» («Suomalaisuus vaarassa – tulkaa apuun!») (Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 148).

²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 44.

²² Там же. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 2 об.

²³ Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка. Л., 1987. С. 188–200, 204–206; Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 137.

²⁴ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16. Л. 29–29 об.

²⁵ Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 52.

²⁶ Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 52. Звучали предложения о присоединении к России и более обширной территории: всей Выборгской и части Микельской губернии (Там же. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 512. Л. 406).

²⁷ См.: Мусаев В. И. Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 71–73.

²⁸ Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 205.

²⁹ Строительство в ближайших пригородах Петербурга активизировалось, впрочем, еще в предвоенные годы: уже в 1912–1913 гг. в районе между Петербургом и Белоостровом отмечалось усиление спроса на бревна, доски, оконные рамы, двери и т. п. (РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133. Л. 271 об.).

³⁰ Еще в мае 1916 г. полицейские органы сообщали, что число отдыхающих в Терийоки «чрезвычайно велико» (Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 210).

³¹ Ibid. S. 211.

³² Ibid. S. 228–229.

Гатчина на рубеже XIX—XX веков: резиденция Александра III

С. Ю. Явушкин

Гатчинские дворцы и парки издавна стали любимыми местами отдыха гатчинцев, петербуржцев и гостей Санкт-Петербурга. С каждым годом все более популярным местом паломничества туристов становится необычный Гатчинский дворец.

Гатчину с давних времен вспоминают именно как любимую резиденцию императора Павла I, к сожалению, часто забывая, что в XIX веке она второй раз в своей истории стала постоянным местом пребывания императорской семьи, семьи Александра III. В Гатчине прошли детские годы всех детей Александра и Марии Федоровны.

Вплоть до 1941 года в Гатчинском дворце сохранялись комнаты венценосных супругов и их детей, в то время как в других бывших резиденциях Александра III (Аничков дворец, Александровский дворец в Царском Селе) личные помещения были уничтожены как не представляющие художественной и исторической ценности. К тому же они были напоминанием о «годах жесточайшей реакции», проводимой отцом Николая II. Комплекс парадных и жилых помещений в Гатчинском дворце был разрушен пожаром в январе 1944 года. Сейчас во дворце проводятся реставрационные работы, которые призваны воссоздать уникальные интерьеры конца XIX века. К счастью, многие мемориальные вещи из комнат императора и его семьи были эвакуированы в начале войны. Это предметы мебели, картины, изделия из фарфора и стекла. Возвращенные на свое историческое место, они дадут почувствовать атмосферу двух последних царствований.

Как всякий уважающий себя хозяин, Александр III заботился о своих владениях и со свойственной ему энергией занимался развитием и благоустройством горо-

Вид Гатчины с Каланчи здания Полицейского управления. Конец XIX в.*

да, где находилась его резиденция. После смерти императора инициативу по благоустройству города переняла его вдова, приезжавшая в Гатчину каждый год до самой Февральской революции.

Несмотря на то, какую важную роль для Гатчины сыграли император Александр III и Мария Федоровна, вопрос развития Гатчины в конце XIX – начале XX века еще недостаточно изучен. К сожалению, глубоких исследований того периода пока нет. Издано несколько научно-исследовательских работ, посвященных Гатчине как резиденции Павла I либо общему обзору формирования города и дворцово-паркового ансамбля¹. Вероятно, эпоху Александра III могли воспринимать не столь интересной и достойной исследования, нежели эпоху Павла I.

С петровских времен Гатчиной владели попеременно императорская семья и приближенные двора, пока после смерти Григория Орлова в 1783 году она не была подарена Екатериной II Павлу Петровичу, наследнику российского престола².

Гатчина стала «лабораторией» Павла, где он проводил «опыты» по созданию новой армии и реформировал градостроительство. При восшествии Павла Петровича на престол в 1796 году Гатчина получила статус города. Павел формировал свою любимую резиденцию как модель идеального города.

В 1881 году Гатчина вновь стала официальной резиденцией главы государства Российского – императора Александра III. После восшествия на престол Николая II в Гатчине продолжали жить члены императорской семьи – великий князь Михаил Александрович и великая княжна Ольга Александровна, а также мать императора – вдовствующая императрица Мария Федоровна. 1894–1917 годы не были периодом запустения Гатчины, наоборот, начался триумфальный этап в истории города. Расцвели учебные и благотворительные заведения, частные благотворительные и научные общества, появились фотоателье и кинотеат-

* Фото из архива Государственного музея-заповедника «Гатчина»

ры, первая в России частная воздухоплавательная школа.

После свершившейся революции Александр III и члены его семьи рассматривались исключительно как реакционеры. И исследователи ограничивались лишь перечислением культурных процессов, происходивших в социально-культурной сфере Гатчины, не уточняя роли, которую играла в них императорская семья.

Террористический акт 1 марта 1881 года на Екатерининском канале, оборвавший жизнь императора Александра II, перевернул историю России, но не так, как хотелось террористам. Выступления масс не произошло. Политический курс Александра III был рассчитан на уничтожение крамолы и всяческих проявлений экстремизма. Заседание Комитета министров, в результате которого был выработан новый политический курс, прошло уже в Гатчине – новой резиденции Александра III, куда император со всей семьей переехал 27 марта 1881 года³. Гатчина стала постоянной императорской резиденцией на все 13 лет царствования Александра III.

До сих пор не утихают споры историков, чем же можно объяснить столь поспешный отъезд императора со всей семьей из столицы. Самой главной причиной переезда было стремление императора обезопасить свою семью от терроризма. Великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат императора, заметил, что тот был сильно уязвлен, его гордость была задета, что он, не боявшийся турецких пуль на войне, вынужден прятаться от революционеров в своей же стране. Кроме того, великий князь Александр Михайлович подчеркивал, что переездом в дальнюю резиденцию император сократил «обязанности по представительству», а также уменьшил «количество визитов родственников»⁴. Друг детства императора граф С. Д. Шереметев утверждал, что Гатчина всегда нравилась Александру III в бытность его наследником и что он переехал бы в Гатчину, если бы это зависело от него⁵.

В Гатчине семья проводила всю весну с марта по май включительно и осенне-зимний период с октября до новогодних праздников. 31 де-

кабря императорская семья перебралась в Аничков дворец на время знаменитых императорских балов. В Гатчине отмечали дни рождения всех членов семьи⁶.

Император и его семья разместились в комнатах антресольного этажа Арсенального каре дворца, где всегда, по воспоминаниям С. Д. Шереметева, Александр Александрович останавливался, когда приезжал в Гатчину на охоту⁷.

Гатчинский дворец был капитально отреставрирован и отремонтирован. Хотя император иногда противился новинкам отопления, во дворце печи заменили калориферами, а залы Арсенального каре стали отапливаться с помощью парового отопления. В 1881 году в рабочем кабинете Александра III появилась электрическая настольная лампа (Гатчинский дворец был первым электрифицирован среди пригородов Санкт-Петербурга). В 1884 году были закончены работы по постройке сети канализации и водопровода. В то же время была проведена первая в России междугородная телефонная линия – между Петербургом и Гатчиной.

Параллельно с переустройством дворца шло благоустройство города. Императорская резиденция должна была оправдывать свой статус. Ежегодно на благоустройство города выделялись значительные средства, а уже к концу царствования Александра III и вплоть до революции Гатчина была образцовым дворцовым городом.

Известный хирург, пользовавшийся доверием Александра III, Н. А. Вельяминов в своих воспоминаниях писал: «...государь Александр III жил в Гатчине жизнью богатого помещика и очень любил заниматься местными хозяйственными вопросами и много делал для благоустройства Гатчинской вотчины»⁸.

Во времена Николая I и Александра II заботы о Гатчине сводились к работам по дворцу и к застройке города, однако многие улицы не были застроены, отсутствовали мостовые и тротуары. Зимой и осенью город погружался во мрак. Лишь с переездом Александра III в Гатчину ситуация кардинально изменилась.

Первой крупной работой по благоустройству города стало со-

оружение канализации и водопровода. В течение трех лет велись подготовительные работы, а в 1884–1888 годы проходило строительство нового коллектора. Для составления проекта привлекались многие талантливые инженеры, имевшие представление о последних новинках в сфере необходимых технологий. Современная система канализации избавила город от многих проблем, в особенности – от грязи на улицах. Еще одним положительным результатом явилось предотвращение попадания сточных вод в озера гатчинских парков. К канализации тотчас же подключились владельцы многих домов⁹.

В 1888 году главный архитектор города Н. В. Дмитриев соорудил водонапорную башню в Приоратском парке, а при ней – машинное отделение. С 1890 года жители города впервые смогли пользоваться водопроводом¹⁰.

Все улицы Ингербургской (центральной) части города были переустроены – с 1885 года проводили настилку мостовых и тротуаров. Тротуары были либо «плитными», либо асфальтовыми. В то же время проводилось постоянное наблюдение за исправностью и чистотой во всех частях города.

В 1886 году улучшилось освещение города. К 1888 году в Гатчине насчитывалось 325 керосиновых фонарей. В 1893 году на некоторых улицах города были установлены электрические фонари¹¹.

В 1886 году был отведен участок для строительства пассажирской станции Балтийской железной дороги. Само строительство станции в непосредственной близости от императорской резиденции (около 200 метров!) явилось показателем наступавших в стране порядка и спокойствия.

В январе 1886 года полицейское управление было подсоединено к дворцовой телефонной линии. Через некоторое время здание полицейского управления было соединено телефонным кабелем с квартирой коменданта города, с пожарной командой, с канцелярией дворцового управления, с Императорской охотой и артиллерийской бригадой¹². На новшество мгновенно отреагировали гатчинцы – через небольшой промежуток времени в дворцовое управление

стали поступать заявления от частных и юридических лиц, желавших стать абонентами. Дворцовое управление пошло навстречу. Абонентская плата для частных лиц составила 150 рублей в год, для учреждений и должностных лиц – 125 рублей в год. Через несколько лет количество желающих подключиться к телефонной линии стало так велико, что дворцовая линия перестала справляться с нагрузкой, и уже после смерти Александра III – в 1895 году – городскую телефонную линию передали почтовому ведомству¹³.

Императорская чета не жалела средств и на богоугодные заведения: в городском дворцовом госпитале был проведен капитальный ремонт, и его оснастили самым современным оборудованием. Были восстановлены инвалидные слободы, «куда селили некоторых инвалидов, отслуживших в николаевской армии долгий двадцатипятилетний солдатский срок»¹⁴. Помещения для инфекционных больных (которые в дореволюционных документах называли «инфекционными бараками») были вынесены за черту города.

В 1883 году в Гатчине была учреждена лечебница для хронически больных детей, а в 1886 году был открыт дом попечения о хронически больных детях. Оба заведения были взяты под покровительство императрицы. К концу царствования Александра III в Гатчине работали такие учебные заведения, как Сиротский институт, женская гимназия и городское училище, земская учительская семинария, частные школы для начального обучения, профессиональное женское училище¹⁵, а также церковно-приходская школа.

Таким образом, к середине 1890-х годов Гатчина изменилась до неузнаваемости: были благоустроены улицы, сады и парки, подведены к некоторым домам водопровод и канализация, появилось электричество, были оснащены современным оборудованием учреждения медицины, открыты новые учебные заведения, появилась телефонная связь.

Делопроизводитель Гатчинского дворцового управления С. И. Рождественский в своем фундаментальном труде «Столетие го-

Гатчина - Gatchina Соборная улица - Rue Sobornaja.

Гатчина. Ул. Соборная. Открытка начала XX в.

рода Гатчины», в котором были помещены не только исторические очерки о Гатчине с 1499 года, но и емкий статистический отчет, отмечал безусловное влияние на благоустройство города императора: «При обзоре внешнего благоустройства Гатчины за тринадцатилетнее пребывание в ней Государя Императора Александра III очевидным представляется стремление покойного Монарха обеспечить цветущее благосостояние ее на далекое будущее. Это стремление выразилось в той систематичности производившихся улучшений, с которою предпринималось каждое новое сооружение и которой до 1881 года Гатчина не знала. Только строго систематическое отношение к делу могло привести город к такому внеш-

нему виду и санитарному состоянию, в каком Гатчина находится ныне»¹⁶.

Также С. И. Рождественский писал: «Навстречу заботам о городе Александра III быстро пошли и частные владельцы домов, благоустроявая как внешний, так и внутренний вид построек, получив теперь возможность снабдить их водою и другими удобствами»¹⁷.

По результатам переписи ноября – декабря 1895 года было выяснено, что всего в Гатчине проживали почти 13 тысяч человек. В николаевское время – 6328 человек. Таким образом, можно убедиться, что за 50 лет, которые минули с тех пор, население увеличилось более чем в два раза. Прирост населения города был обусловлен не только

Гатчина. Лечебница для хронически больных детей. GATCHINA. Hôpital des enfants.

Гатчина. Лечебница для хронически больных детей. Открытка начала XX в.

повышением уровня рождаемости, но главным образом – за счет приезжих, так называемого «пришлого элемента». Население продолжало увеличиваться и в последующие годы, доказательства чему можно обнаружить в одном из прошений жителей города к начальнику Гатчинского дворцового управления К. К. Гернету, поданном в 1903 году, с просьбой возобновить дело о постройке новой железнодорожной станции. В прошении было сказано, что «население увеличилось <...> появились новые постройки»¹⁸.

Гатчинские дома были в основном деревянными и одноэтажными, но таких построек было чуть больше половины. Часто встречались и двухэтажные дома, а также одно- и двухэтажные дома с мезонином¹⁹. То есть Гатчина представляла собой типичный пример застройки небольших городов.

Любопытно, что город в то время был «молодым» и «мужским». Это было обусловлено располагавшимися в Гатчине войсками лейб-гвардии Кирасирского ея величества полка и 23-й артиллерийской бригады. Военная среда влияла на культурное пространство Гатчины. Культурному облику города еще с павловских времен был свойственен военный оттенок. Ситуация не изменилась и в XIX веке.

После смерти императора Гатчина не только не пришла в запустение, но стала одним из крупнейших пригородов столицы с хорошо развитой социально-культурной инфраструктурой. Основывались и развивались учебные заведения и учреждения здравоохранения, благотворительные общества, строились новые здания.

Однако необходимо отметить некую несхожесть Гатчины с другими малыми городами. Отличие заключалось в том, что это был город дворцового ведомства. К такому относились те пригороды, где находились императорские резиденции – Гатчина, Петергоф, Ропша, Царское Село и другие. А это значило, что никакие сооружения (даже забор) не могли быть построены без предварительного согласования с Гатчинским дворцовым управлением, которое, в свою очередь, получало согласие либо несогласие императора на проведе-

ние того или иного строительства²⁰. В этом было рациональное зерно – город, входивший в состав императорского майората, должен был выглядеть достойно. Все дела города проходили через собственную его величества канцелярию либо, что бывало чаще, через канцелярию вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Особым вниманием императрицы пользовались богоугодные и учебные заведения. Одними из самых известных стали Лечебница для хронически больных детей и Дом попечения о хронически больных детях. Они были приняты под «августейшее ея императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны покровительство»²¹ в 1901 году. Дом попечения входил в Общество лечебниц для хронически больных детей, председателем совета которого был К. А. Раухфус²². Дом ставил своей целью «призрывать, воспитывать и обучать полезным занятиям бедных детей, выходящих из лечебницы...»²³. Принимались туда девочки и мальчики от 2 до 10 лет. Мальчики выходили из дома попечения в 10–12 лет, девочки – в 16 лет. Их либо возвращали родителям, либо направляли в специальные заведения. Дети воспитывались на средства дома, в жизни которого активное участие принимала императрица, поскольку он был учрежден с высочайшего соизволения его императорского величества государя императора в 1886 году на пожертвованные для той цели средства²⁴. Без согласия императрицы в состав комитета дома никто не мог войти. Мария Федоровна регулярно помогала лечебнице и дому. Так, ежегодно императрица присылала лечебнице 350 рублей на содержание бесплатной кровати имени генерал-адъютанта П. А. Черевина²⁵.

Императрица также присылала городу деньги для раздачи беднейшим жителям на Пасху и Рождество. В 1906 году пожертвованная сумма составила 200 рублей²⁶.

Во время Японской и Первой мировой войн в Гатчине по велению императрицы был открыт эвакуационный лазарет, в жизни которого основательница также принимала активнейшее участие. Ежемесячно в лазарет поставлялись меди-

каменты, одежда, еда, папиросы, подарки со склада, открытого императрицей в Аничковом дворце²⁷.

Будет, однако, заблуждением считать, что жизнью города распоряжался только император. Городские обыватели были довольно активны и постоянно обращались с прошениями к императрице. Особенно активность граждан возросла после революции 1905 года. Так, по многочисленным просьбам жителей в одном из дачных районов Гатчины – Мариенбурге – был учрежден медицинский пункт, оборудование и медикаменты которому пожертвованы расформированным на тот период эвакуационным лазаретом²⁸.

Около 15 лет (с 1898 года) жители города через начальника дворцового управления К. Гернета вели переписку по созданию новой железнодорожной станции на Варшавской линии железной дороги²⁹. Станция была названа именем дочери Николая II – великой княжны Татьяны Николаевны (платформа Татьяна).

В городе открывались новые учебные заведения. Если к моменту смерти Александра III в городе было 6 казенных учебных заведений, то через 12 лет (в 1906 году) в Гатчине было уже 17 школ и училищ, не считая частных. Появилось много школ и гимназий для девочек, как, например, Трудовое убежище для беспризорных детей попечительства о домах трудолюбия и работных домах³⁰.

Что касается ранее основанных учебных заведений, то они стали активно развиваться. Например, расширила свой штат Гатчинская женская гимназия.

Не менее значимым учебным заведением был и Гатчинский сиротский институт имени императора Николая I. Сиротских институтов такого уровня в России было всего три – Санкт-Петербургский, Московский и Гатчинский. В разное время в Гатчинском институте работали Н. Шильдер, К. Ушинский. Из стен его вышли известные люди, среди которых особо можно выделить великого шахматиста, основателя русской шахматной школы М. И. Чигорина.

Преподавали в этих заведениях только люди, получившие образование в таких заведениях, как Петербургский императорский

университет, Медико-хирургическая академия, Петербургская духовная академия и других.

В 1898 году в Гатчине было основано реальное училище. Для него было построено здание, до сих пор являющееся украшением города. Вот что по этому поводу писал журнал «Строитель»: «Вентилирование классов, коридоров, гимнастического и рекреационного залов будет производиться с помощью электрической энергии. Весьма удобно будет устроен физический кабинет с амфитеатром парт для учащихся, так что чтение лекций и производство опытов будет происходить всегда в физическом кабинете»³¹.

Строилось здание главным образом на средства, отпущенные Министерством императорского двора, хотя город тоже принимал непосредственное участие в сборе денег на строительство и обустройство училища³².

В городе широко развивалась благотворительность. Были основаны Гатчинское благотворительное общество, Общество попечения о народной трезвости, Кружок попечения об интеллигентных труженицах, Общество любителей природы и многие другие.

Средоточием культурной жизни Гатчины конца XIX – начала XX века стал Приоратский парк. Открытый при Александре II для свободного доступа горожан, он стал любимым местом отдыха гатчинцев и гостей города. При Александре III парк был облагоро-

Гатчина. Реальное училище. Кабинет физики. Фото начала XX в.

жен и благоустроен. Были очищены озера и вся водная система от самого Колпинского озера. В 1885 году были выстроены две купальни на Глухом озере. Вскоре появились новые чугунные ворота при трех входах в парк, каменный мост и деревянные мостики, позже уничтоженные в годы войны. В уникальном землебитном Приоратском дворце был проведен ремонт, а к 1888 году парк был приведен в образцовое состояние.

В 1908 году гатчинское частное пожарное общество и Кружок попечения об интеллигентных труженицах построили на Черном озере павильон для катания на лодках, который служил зимой для катка, организованного этими же обществами³³.

Дважды в неделю в парке играл оркестр, а по воскресеньям устраивались благотворительные концерты. Кроме того, была устроена специальная спортивная площадка – одно из любимейших мест отдыха гатчинской молодежи. Регулярно в начале XX века в Приоратском дворце стали проводиться художественные выставки, в которых принимали участие такие известные художники, как И. Е. Репин, А. Н. Бенуа, А. К. Беггров, К. Хис и другие. Кроме известных и признанных ныне мастеров в них принимали участие и малоизвестные сегодня основной массе людей художники: С. Д. Исаков, А. А. Калачев, П. Н. Вереха, П. В. Мудролюбов, Н. Н. Астафьев, Д. П. Теремецкий, А. П. Газенцер, Л. Н. Иванов. В некоторых из выставок принимала участие дочь императора Александра III – Ольга Александровна, сама прекрасно рисовавшая³⁴. Выставки состояли под покровительством президента Академии художеств ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны³⁵.

29 сентября 1898 года в Гатчине, по настоянию заведующего императорской охотой Н. Кутепова, который проживал в то время в Приоратском дворце, была открыта бесплатная народная библиотека Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III³⁶.

В начале XX века были открыты библиотеки Гатчинского приходского церковного братства (в 1912 году книгами из той библио-

Гатчина. Реальное училище. Кабинет химии. Фото начала XX в.

теки активно пользовались 270 взрослых и 100 детей), Городского комитета попечительства о народной трезвости, гатчинского общества «Просвещение», которые устраивали лекции с показом слайдов³⁷. Особый интерес представляла платная библиотека библиофила А. Лазаревского.

Важным культурным событием города был ежегодный праздник «синих» гатчинских кирасир, проводившийся 9 мая на плацу перед Гатчинским дворцом. Шеф полка – императрица Мария Федоровна принимала парад кирасир. Почти всегда на тех мероприятиях присутствовал император Николай II. Плац перед дворцом украшался померанцевыми деревьями из дворцовых оранжерей. На парад приходили полюбоваться и многие жители Гатчины.

В XX веке не менее значимым событием стало появление в городе кинематографа. Один из таких кинотеатров, «Олимпия», был открыт в здании гатчинского общественного собрания³⁸, которое было построено при Александре II, а усовершенствовано при его сыне. При Александре III в здании был построен театральный зал, где показывались постановки местных и заезжих трупп.

В XIX веке Гатчина стала привлекать внимание мастеров только что появившейся фотографии. Еще в 1865 году в городе была открыта первая мастерская светописси – «Фотография Кудрявцева и К°». В 1888 году в Гатчину приехал С. Л. Левицкий – один из основателей русской фотографии. Там он открыл свою мастерскую, которую часто посещали члены императорской семьи. За свои труды он был удостоен звания «фотографа императорских величеств». На город обратил свое внимание К. К. Булла, который фотографировал там городские виды и парки³⁹. Среди прочих известных фотографов в Гатчине снимали А. Борисов, М. Будунов и Д. Сахновский⁴⁰.

Кроме прочих новинок в Гатчине летом 1900 года была сооружена подвесная электрическая железная дорога. Вот что об этом писал сам создатель дороги – инженер И. Романов: «Я, с соизволения ее императорского величества государыни императрицы Марии

Федоровны <...> построил в Гатчине на территории дворца между дворцом и Балтийским вокзалом подвесную железную дорогу моей системы для демонстрации ее членам императорской фамилии»⁴¹. Демонстрация прошла 29 июня в присутствии императрицы. Дорога, ее иногда называли трамваем, хотя это было не так, была предназначена для Всемирной выставки в Париже.

В июле 1909 года в Петербурге был открыт самолетостроительный завод. Были построены первые русские самолеты системы Я. М. Гаккеля, испытание которых проходило на военном поле Гатчины недалеко от дворца. Осенью 1909 года на том же поле в Гатчине с показательными полетами выступал французский авиатор Леганье⁴².

Вскоре в Гатчине сформировался авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы. Военное поле за полотном Балтийской железной дороги было отведено под аэродром. Первыми авиаторами, овладевшими искусством пилотирования в России, были поручики Г. Горшков и Е. Руднев. В 1911 году на гатчинском летном поле открылась новая авиационная школа «Гамаюн», принадлежавшая I Российскому товариществу воздухоплавания. Ту школу закончила первая женщина-авиатор – Л. В. Зверева. Но главной гордостью авиашколы стали П. Нестеров и В. Чкалов, проходившие курс обучения в Гатчине. Огромные толпы любопытных собирали полеты знаменитого бипла-

на Сикорского – «Илья Муромец»⁴³. В 1912 году в пригороде Гатчины – в деревне Сализи – прошли испытания первого в мире парашюта конструкции Котельникова. Военный аэродром, единственный в Ленинградской области аэродром с бетонным покрытием, просуществовал до 1950-х годов.

Пик социального и культурного благоустройства Гатчины наступил в самом начале XX века. На Всемирной выставке в Париже Гатчине за удачное сочетание архитектуры с природой, а также за успехи в благоустройстве малого города Европы была вручена Большая серебряная медаль⁴⁴.

После того как Гатчина была благоустроена, туда стала тянуться петербургская интеллигенция, деятели искусств, науки. Знаменитый врач С. П. Боткин жил в Гатчине каждое лето с 1870 по 1880 годы и советовал всем ее климат как самый здоровый из всех пригородов. С. И. Рождественский писал, однако, что «Гатчину нельзя считать местом только для дачной жизни, так как процент помещений, пустующих зимой, не достигает 13% всего числа квартир»⁴⁵. С этим нельзя не согласиться, но нельзя и не учесть то значение, которое имели дачники для жизни Гатчины. «Гатчинскими гостями были А. К. Толстой, А. М. Горький, А. А. Блок, А. Н. Толстой, А. С. Грин, И. Е. Репин, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, Ф. И. Шаляпин»⁴⁶.

Одним из самых известных гатчинских дачников являлся Милий

Я. М. Гаккель у самолета своей конструкции на Гатчинском летном поле. Фото начала XX в.

Балакирев – знаменитый основатель кружка музыкантов «Могучая кучка». Он более 30 лет проводил лето в Гатчине. Не исключено, что на решение Балакирева приезжать на лето в этот городок повлиял С. П. Боткин, у которого музыкант проходил курс лечения. Сохранился дом на Соборной площади, где жил Милий Алексеевич. Туда к нему приезжали М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков, П. Бородин, Ц. Кюи. Там Балакирев написал в 1895 году 5 романсов. В 1902 и 1905 годах в Гатчине он работал над музыкой к трагедии В. Шекспира «Король Лир», а в 1908 году сочинил II симфонию⁴⁷.

В 1896–1901 годах в Гатчине проводил лето композитор С. М. Ляпунов, написавший более 100 романсов и создавший много музыкальных произведений на русские и украинские темы. В Гатчине любил отдыхать знаменитый композитор А. К. Глазунов, который провел не одно лето в городе и до, и после революции.

Два года подряд в начале XX века в Мариенбургской части Гатчины снимали дачу знаменитая чета Д. Мережковский – З. Гиппиус.

Дочь первого главного хранителя дворца-музея В. К. Макарова, В. В. Добровольская, вспоминала, что в Гатчине бывали «Глазунов, семья Лозинских, академик Иоффе, педагог Пинкевич, архитектор Лансаре (Лансере. – С. Я.) и многие другие»⁴⁸. О семье Лозинских стоит упомянуть особо, так как именно в Гатчине родился самый известный представитель этого семейства – М. Л. Лозинский – поэт и переводчик пьес В. Шекспира, Мольера, Данте.

В 1859 году в Гатчине родился известный русский композитор, ректор Московской консерватории М. М. Ипполитов-Иванов, впоследствии часто приезжавший на свою малую родину.

Необходимо отметить, что некоторые из дачников становились постоянными жителями Гатчины. Так, в 1892 году в Гатчине купил дом академик живописи, художник-маринист, отставной морской офицер – А. К. Беггров, произведения которого часто приобретал Александр III для дворца. В Гатчине Беггров создал значительную часть своих произведений⁴⁹.

С Гатчиной оказалась связанной жизнь талантливого русского поэта К. М. Фофанова, который в марте 1890 года был поражен тяжелым психическим заболеванием и по настоянию врачей вместе со своей семьей туда переселился. В Гатчине поэт прожил 13 лет и написал многие произведения. Поклонником таланта Фофанова был И. Северянин, который не раз приезжал в Гатчину к своим друзьям – основателю русской карикатуры П. Е. Щербову, который стал гатчинцем в 1901 году (и дом которого был настоящим светским салоном города, где бывали и Ф. И. Шаляпин, и М. Горький, и виртуоз-балалаечник В. В. Андреев), и «всероссийскому гатчинскому жителю» – А. И. Куприну, проживавшему в Гатчине с 1911 года.

Еще при Александре II один из домов в Гатчине купил известный музыкант и композитор С. А. Зайцев, который стал душой музыкального кружка, где часто бывали приезжавшие в город музыканты. Там он сочинил ряд произведений для хора. Кроме того, он является автором музыки романса «Белеет парус одинокий» и вальса «Воспоминание о Гатчине».

С 1890-х годов и до смерти в Гатчине проживал один из крупнейших литераторов своего времени – А. Н. Будищев, известный нам теперь лишь как автор слов всемирно известного романса «Калитка».

Но самым знаменитым жителем Гатчины был, безусловно, А. И. Куприн, создавший в Гатчине свои произведения «Гамбринус», «Яма» и многие другие. А. И. Куприн, будучи в эмиграции, создал бесценные для нас произведения, описывающие жизнь в Гатчине во время Первой мировой и Гражданской войн, среди которых особенно выделяется повесть «Купол святого Исаакя Далматского».

Роль Гатчины в формировании культурных процессов России конца XIX – начала XX века нельзя переоценить. Только прекрасно благоустроенный город с хорошо развитой социально-культурной инфраструктурой мог привлечь к себе столько талантливых людей.

Большую роль в развитии города играло благотворное взаимодействие горожан, принимавших активное участие в жизни Гатчи-

ны, и властей, несмотря на то, что город входил в сферу дворцового ведомства, а следовательно, как уже отмечалось, ни одно решение начальника дворцового управления либо просьбы особо активных жителей города не могли быть выполнены без разрешения государя императора.

Это обстоятельство, на наш взгляд, играло двойственную роль. С одной стороны, некоторые просьбы жителей города рассматривались в канцелярии императрицы и императора очень долго. Так, дело о постройке железнодорожной станции рассматривалось 15 лет⁵⁰. Иногда дела даже не попадали к адресату, правда, подобные случаи происходили крайне редко. С другой стороны, дворцовые города обеспечивались гораздо лучше, нежели остальные, что играло немаловажную роль, а подчас – главную, в социально-культурном развитии городов. В случае если августейшие хозяева города считали нужным материально поддержать какое-нибудь предприятие, либо учреждение, либо заведение, за своевременное поступление средств можно было не беспокоиться.

Это отличие Гатчины от многих городов России сыграло положительную роль в ее социально-культурном развитии. И личность хозяев имела немаловажное значение. Благодаря трезвому, рациональному мышлению Александра III город был облагоустроен. Благоустроенность города привлекла туда большое количество дачников и постоянных жителей, чем был обеспечен рост населения. Среди привлеченных новым обликом города оказалось много людей интеллектуальных профессий, что не замедлило сказаться и на общем культурном уровне горожан. Уникальность города состояла в том, что, несмотря на прекрасную благоустроенность и находившуюся там императорскую резиденцию, в Гатчину не стало переселяться чиновничество, предпочитавшее хорошо обжитые и блестящие Царское Село и Петергоф, и поэтому Гатчина была лишена того специфического налета казенщины, который был характерен для других традиционных императорских резиденций. Тон культурной жизни города задавала интеллигенция, избрав-

шая Гатчину местом своего отдыха и проживания после проведенных Александром III мероприятий по благоустройству города. По словам Д. С. Лихачева, «интеллигент – это человек “особой складки”: терпимый, легкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам – в том числе шовинистического характера»⁵¹. Поэтому культурная жизнь в Гатчине,

развивавшаяся под влиянием таких людей, была, безусловно, уникальным явлением среди малых городов России, в том числе и среди пригородов Санкт-Петербурга. Гатчина оказала очень большое влияние на развитие русской культуры. Образованные люди, которых в город приезжало немало, способствовали подъему культурной жизни Гатчины, созданию своеобразного фено-

мена культурной жизни небольшого дворцового города. Проводимые выставки, концерты, организовывавшиеся благотворительные и научные общества, библиотеки – эти явления культурной жизни, столь необычные для такого небольшого города, стали последствием как забот императора Александра III по облагораживанию города, так и гражданских инициатив горожан.

¹ См.: Гатчина: страницы истории / Сост. Т. Ф. Родионова. М.; СПб., 2001. 208 с.: ил.; Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина: Худож. памятники. СПб., 2001. 318 с.: ил.; Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре / Лансере Н. и др. СПб., 1995. 352 с.: ил.; Макаров В. К., Петров А. Н. Гатчина. Л., 1974. 104 с.: ил.; Пирютко Ю. М. Гатчина. Л., 1979. 143 с.: ил.; Рузов Л. С., Яблочкин Ю. Н. Гатчина: Ист. очерк. Л., 1959. 270 с.: ил.; Яблочкин Ю. Н. Гатчина. Л., 1965. 47 с.: ил.

² Лансере Н. Указ. соч. С. 16–22.

³ Государственный музей-заповедник «Гатчина». НВА. Д. 25. Л. 32.

⁴ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 55.

⁵ Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 327.

⁶ Александр III в Гатчине. СПб.; Петергоф, 2001. С. 21–23, 28.

⁷ Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 327.

⁸ Вельяминов Н. А. Мои воспоминания об императоре Александре III, его болезни и кончине // Рос. архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. Вып. 5. С. 281.

⁹ Столетие города Гатчины: 1796 – II/XI – 1896 // Гатчина: Изд. Гатчин. дворцового упр. 1896. Т. 1. С. 262–263.

¹⁰ Там же. С. 273, 287–288.

¹¹ Там же. С. 269.

¹² Там же. С. 288.

¹³ Там же. С. 288–289.

¹⁴ Яблочкин Ю. Н. Указ. соч. С. 26.

¹⁵ Александр III в Гатчине. С. 46.

¹⁶ Столетие города Гатчины... Т. 1. С. 307.

¹⁷ Там же. С. 258.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 491. Оп. 3. Д. 550. Л. 9.

¹⁹ Столетие города Гатчины... Т. 2. С. 7.

²⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 975.

²¹ Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 531. Л. 12.

²² Там же. Л. 14, 18 об., 30, 31, 35.

²³ Там же. Л. 24.

²⁴ Там же. Л. 8, 24.

²⁵ Там же. Л. 28; Д. 760. Л. 128. Как пишет С. И. Рождественский, кроме кровати имени П. А. Черевина в лечебнице существовали также кровати имени ее императорского величества августейшей покровительницы, в память 17 октября 1888 г., имени его императорского высочества великого князя Сергея Александровича, имени графов Орловых-Давыдовых, гг. Елисеевых и других лиц (Столетие города Гатчины... Т. 1. С. 321).

²⁶ РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 760. Л. 51, 52, 181. Скорее всего, такие пожертвования были ежегодными, так как входили в программу императрицы «По ежегодным пожертвованиям в пользу богоугодных заведений, благотворительных и т. п. заведений».

²⁷ РГИА. Ф. 544. Оп. 2. Д. 640.

²⁸ Там же. Д. 193.

²⁹ Там же. Ф. 491. Оп. 3. Д. 550.

³⁰ Там же. Ф. 544. Оп. 3. Д. 761.

³¹ Строитель. 1898. № 11–12. Стб. 454.

³² Там же. № 23. Стб. 911.

³³ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 818.

³⁴ Жизнь Царскосельского уезда. 1914. № 7. 15 февр.

³⁵ Там же. № 6. 8 февр.

³⁶ Юронен Н. В. Дела давно минувших дней // Старая Гатчина. СПб., 1996. С. 88.

³⁷ Там же. С. 91–93.

³⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1428. Л. 28.

³⁹ Бурлаков А. В. Портреты и судьбы // Старая Гатчина. СПб., 1996. С. 48.

⁴⁰ Там же. С. 52–59.

⁴¹ РГИА. Ф. 544. Оп. 2. Д. 230. Л. 4.

⁴² Рузов Л. В., Яблочкин Ю. Н. Указ. соч. С. 60.

⁴³ Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. СПб., 1999. Изд. 2-е, доп. С. 393.

⁴⁴ Бурлаков А. В. Потерянный рай // Старая Гатчина. СПб., 1996. С. 249.

⁴⁵ Столетие города Гатчины... Т. 2. С. 21.

⁴⁶ Яблочкин Ю. Н. Указ. соч. С. 31.

⁴⁷ Рузов Л. Н., Яблочкин Ю. Н. Указ. соч. С. 102.

⁴⁸ Литературный портрет Гатчины: Избр. страницы прозы, поэзии, воспоминаний и писем. Гатчина, 1995. С. 200.

⁴⁹ Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л., 1965. С. 110–113.

⁵⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 550.

⁵¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 118.

Жизнь и смерть поэта Александра Пушкина в городском фольклоре

Н. А. Синдаловский

Александр Сергеевич Пушкин
(1799–1837)

Еще при жизни сам Пушкин с поразительной точностью очертил границы своей эпохи. В апреле 1834 года он написал Н. Н. Пушкиной: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю, от добра добра не ищут». Оставим на совести няни Пушкина Арины Родионовны семейную легенду о встрече ее малолетнего воспитанника с первым в его жизни живым царем – Павлом I. Так это или нет, достоверно не известно. Просто Пушкин однажды проговорился, что слышал эту трогательную, сентиментальную историю от своей няни. Вторым царем был Александр I. Он действительно поэта не жаловал, чему есть многочисленные свидетельства фольклора. Об этом мы расскажем в ходе дальнейшего повествования. Но важнейшей фигурой в той монархической триаде, конечно же, является Николай I. Чуть более одиннадцати лет его царствования совпали с последними годами жиз-

ни Пушкина. Он пережил поэта более чем на полтора десятилетия, скончался в 1854 году, и своей смертью определил конец периода русской истории, после которого начались значительные перемены как в государственном строительстве России, так и в жизни всего его общества. Если учесть, что многие персонажи русской истории того времени остались в совокупной памяти поколений в значительной степени благодаря тем или иным связям с Пушкиным, то надо признать, что окончание эпохи Пушкина хронологически совпало с концом царствования Николая I, то есть не со смертью поэта, а с календарной серединой XIX столетия. Из этого следует, что целых полстолетия Россия жила под знаком Пушкина. Что же говорить о Петербурге первой половины XIX века, который мы давно уже привычно называем «Пушкинским»?

Как известно, прадедом А. С. Пушкина по материнской линии был русский военный инженер, генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, который начинал свою карьеру с должности камердинера и личного секретаря Петра I. История появления Ганнибала в России так же хорошо известна. Русский посланник в Константинополе Савва Рагузинский в 1705 или 1706 году прислал приобретенного им на рынке рабов ребенка в подарок Петру I. Царь крестил десятилетнего мальчика, дав ему в качестве приемника свое отчество и имя Абрам. С фамилией сложнее. Согласно одной легенде, Абрам Петрович получил ее лично от Петра в честь легендарного полководца Древнего мира – покорителя Карфагена Ганнибала; согласно другой – присвоил себе сам, в память о своем африканском происхождении.

И произошло это гораздо позже, уже после смерти Петра I. Во всяком случае, известно, что первоначально чернокожего генерала звали Абрам Петров и только потом, через несколько десятилетий «Петров» превратилось в «Петрович». Тогда же появилось и добавление – Ганнибал. Есть и еще одна легенда, автором которой считается А. С. Пушкин. Согласно ей, сам Петр I просватал за арапа русскую барышню. Однако известно, что впервые Ганнибал женился в 1731 году, после возвращения из Сибири, где он находился в ссылке после смерти Петра I, на гречанке Евдокии Андреевне Диопер, а когда та умерла, женился вновь, и от того брака родился дед Пушкина Осип Абрамович Ганнибал.

Как попал чернокожий мальчик из Эфиопии, где он родился, в Турцию, непонятно, но в семье Пушкиных сохранилась легенда о том, что единокровный брат Ганнибала однажды отправился на поиски Ибрагима, как звали мальчика на его родине. Не найдя Ибрагима у турецкого султана и узнав каким-то невероятным образом, где надо его искать, брат будто бы явился в Петербург с дарами в виде «ценного оружия и арабских рукописей», удостоверявших княжеское происхождение Ибрагима. Братья встретились, но православный к тому времени Абрам Петрович Ганнибал, как рассказывает предание, не захотел вернуться к язычеству, и «брат пустился в обратный путь с большой скорбью с той и другой стороны».

Совсем недавно, уже в наше время, эта легенда вроде бы получила неожиданное подтверждение. Некий Фарах-Ажал, проживающий в поселке Неве-Кармаль на территории современного Израи-

ля, рассказал журналистам, что один из его предков в Эфиопии по имени Магбал мальчиком был подарен «белому царю». Это происходило во время какой-то войны, когда «белый царь» помогал эфиопам оружием. В деревне до сих пор живет легенда, что Магбал был обменян на то оружие. Через много лет до эфиопской деревни дошли сведения о том, что Магбал стал «большим человеком у «белого царя». Портрет мальчика, сделанный художником, находившимся в составе миссии «белого царя», по утверждению Фараха, до сих пор хранится у одного из многочисленных родственников Магбала. Кстати, определение «белый» на родном языке Фараха обозначает не только цвет кожи, но такие понятия как «холод», «лед», «снег», что придает легенде еще большую достоверность.

Согласно официальной биографии, Пушкин родился 26 мая по старому стилю (6 июня н. ст.) в Москве. Однако, если верить московским легендам, однажды озвученным писателем Андреем Битовым в эфире петербургского радио, во-первых, рождение Пушкина было зарегистрировано 27 мая, потому что в тот день отмечался великий праздник Вознесенья и родителям почему-то очень хотелось, чтобы даты рождения ребенка и религиозного праздника совпали, и во-вторых, Пушкин родился вовсе не в старой Москве, где, между прочим, «уже сегодня “известны” шесть адресов», претендующих на эту почетную роль, а в столице России – Петербурге.

Если же говорить о Петербурге, то известны широко распространенные в старинном имении Ганнибалов Суйде легенды о том, что «планы на Александра Сергеевича» сложились у родителей Пушкина во время одного из посещений родовой усадьбы. Впоследствии Пушкин свято чтит свою, хоть и опосредованную через Ганнибала, связь с Петром Великим. Говорят, однажды он каким-то образом раздобыл пуговицу с мундира Петра и вделал ее в свою трость, которая будто бы до сих пор хранится в музее поэта на Мойке, 12. Кстати, в Суйде бытует легенда о том, что няня Пушкина, Арина Родионова, однажды привозила туда ма-

ленького Сашу, хотя никаких официальных подтверждений тому нет. Считается, что вообще в Суйде Пушкин так никогда и не побывал. Возможно, поездка Арины Родионовны в Суйду произошла в 1801 году, когда годовалый Пушкин вместе с матерью побывал в северной столице.

Если это кратковременное пребывание в Петербурге не брать во внимание, то его приезд для поступления в Лицей в 1811 году можно считать первым посещением столицы. С того времени вся жизнь поэта неразрывно связана с городом на Неве. Даже в долгие периоды вынужденного отсутствия он считал себя петербуржцем.

Первоначальная программа обучения в Лицее предполагала два курса по три года каждый, с окончанием учебы к осени 1817 года. Однако мы знаем, что первый выпускной акт состоялся 9 июня 1817 года, а через два дня после того лицеисты начали покидать Царское Село. Этой необъяснимой спешке, согласно распространенной легенде, способствовало следующее пикантное происшествие. Однажды юный Пушкин, который никогда не отказывал себе в удовольствии поволочиться за хорошенькими служанками, в темноте лицейского перехода награбил торопливым поцелуем вместо молоденькой горничной престарелую фрейлину императрицы. Поднялся переполох. Дело дошло до императора. На следующий день Александр I лично явился к директору Лицея Энгельгардту с требованием объяснений. Энгельгардту удалось смягчить гнев государя, сказав, что он уже объявил Пушкину строгий выговор. Дело замяли. Однако говорили, что будто бы именно тот случай ускорил выпуск первых лицейстов: царь решил, что хватит им учиться.

Говоря языком популярной литературы, по выходе из Лицея Пушкин буквально окунулся в круговорот светской жизни блестящей столицы. Посещение модных салонов и званых обедов, литературные встречи и театральные премьеры, важные знакомства и случайные влюбленности... Все это оставило значительный след в городском фольклоре Петербурга. Согласно одной легенде, после

Пушкин и декабристы.
Художник Г. Н. Веселов

В садах лицея.
Художник Г. Н. Веселов

На берегах Невы.
Художник Г. Н. Веселов

скандала в Александринском театре, устроенного Пушкиным во время спектакля, поэт был вызван к обер-полицмейстеру Горголи. «Ты ссоришься, Пушкин, кричишь!» – начал было выговаривать Пушкину полицейский. «Я дал бы и пощечину, – возразил поэт, – но поостерегся, чтобы актеры не приняли это за аплодисменты».

Темпераментный, с горячей африканской кровью, юный поэт в своих любовных похождениях не всегда был разборчив. Предания сохранили имена некоторых дам столичного полусвета, вокруг которых увивался Пушкин. Среди них были некие Штейнгель и Ольга Масон. Об одной из этих камелий, которую приятель Пушкина Тургенев в переписке откровенно называл б...ю, тем не менее рассказывали с некоторой долей своеобразной признательности. Она-де однажды отказалась впустить Пушкина к себе, «чтобы не заразить его своею болезнью», отчего молодой поэт, дожидаясь в дождь у входных дверей, пока его впустят к этой жрице любви, всего лишь простудился.

Другой страстью, овладевшей юным поэтом, были карты. Сохранилась легенда о том, что даже знаменитое путешествие в Арзрум было спровоцировано и подготовлено карточными шулерами. В той чудовищной инсценировке Пушкину отводилась неблагоприятная роль знаменитого «свадебного генерала», своего рода приманки, на которую можно было приглашать богатое местное дворянство с тем, чтобы затем вовлечь в игру и обчистить.

Истинных друзей любвеобильного поэта такие истории искренне беспокоили, тем более что, по мнению многих, они мешали его систематической литературной деятельности. Да и сам он порою тяготился своей «свободой», предпринимая попытки остепениться и создать семью. Как-то раз, будучи в Москве, он настолько заинтересовался одной тамошней красавицей, умной и насмешливой Екатериной Ушаковой, что московская молва заговорила о том, что «наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу своей жизни». Но молва обманулась в своих ожиданиях. Пушкин, не сделав предложения, уехал в Петербург и там...

Автопортрет, 1824 г.

влюбился в дочь Алексея Николаевича Оленина – Анну. Не на шутку влюбленный поэт готовился сделать ей официальное предложение. И, согласно легенде, сделал его, и получил согласие родителей девушки. Оленин созвал к себе на официальный обед всех своих родных и приятелей, чтобы «за шампанским объявить им о помолвке». Но, как рассказывает легенда, разочарованные гости уселись за стол, так и не дождавшись Пушкина, который явился, когда обед давно уже завершился. Родители Анны почувствовали себя оскорбленными, и помолвка расстроилась. Кто был тому виной – уязвленные родители, обиженная Анна или сам Пушкин, сказать трудно.

Через очень короткое время Пушкин якобы поехал в первопрестольную с намерением предложить свои руку и сердце Екатерине Ушаковой. Но к тому времени Екатерина Николаевна оказалась уже помолвленной. «С чем же ято остался?» – вскрикнул, по легенде, Пушкин. «С оленьими рогами», – будто бы беспощадно ответила ему московская избранница. Есть, правда, и другая, довольно странная легенда. Будто бы Пушкин, вернувшись в Москву, рассказал Ушаковой о гадалке, которая напроначала ему, что жена его «будет причиной его смерти». После чего будто бы и последовал отказ великодушшой москвички.

В 1820 году Пушкин отправил в свою первую ссылку за вольнолюбивые стихи и резкие эпиг-

раммы. Тому предшествовала ловко раскрученная интрига против поэта. Был пущен слух, будто его высекли на конюшне. Затем заговорили о том, что слух о конюшне был распушен неизвестным Федором Толстым, шеголем и дуэлянтом по кличке «Американец». А уж затем и родилась легенда о том, что поэта спасла, кто бы мог подумать, ссылка на юг! Если бы не та спасительная ссылка, неминуемо состоялась бы дуэль между Пушкиным и Федором Толстым, и Пушкин был бы, оказывается, «убит на семнадцать лет раньше, так как Федор Толстой стрелял без промаха», – утверждает легенда, рождение которой в недрах Третьего отделения, кажется, ни у кого не вызывало сомнений.

Так или иначе, ссылка, по мнению салонной молвы, вырвала поэта из порочного круга растленных холостяков и спасала его от карт, куртизанок и даже от смерти.

После ссылки Пушкин снова приехал в Петербург только в 1827 году. До трагической развязки, приведшей поэта к гибели в январе 1837 года, судьба милостиво отпустила ему десять лет. Это были годы наивысшей творческой активности поэта. Среди читающей публики было отмечено заметное влияние на пушкинские сюжеты городского фольклора. Даже появление ранней его поэмы «Руслан и Людмила», казалось бы, к петербургской жизни отношения не имевшей, тем не менее задано аурой Петербурга. Поэма появилась в печати в 1820 году, а за два года до того Пушкин будто бы побывал в Петергофе и долго стоял у каменной головы. В то время на голове якобы был еще металлический шлем, следы от крепления которого, кажется, сохранились до сих пор. А ставший хрестоматийным образ Лукоморья с его волшебным дубом, по преданию, навеян посещением Островов с подлинным мемориальным дубом, посаженным самим Петром I.

В 1828 году Петербург зачитывался списками «Гаврилады». Рука Пушкина ни у кого не вызвала сомнений. Да и сам поэт вроде бы это не отрицал. Однако в письме к П. А. Вяземскому предлагал «при случае распространить версию о том, что автором “Гаврилады” был

Д. П. Горчаков». Серьезность опасений Пушкина за свою судьбу подтверждается тем, что князь Дмитрий Горчаков, стихотворец «средней руки» и, главное, известный всему Петербургу «атеист»... умер еще четыре года назад и ему авторство злосчастной «Гаврилиады» ничем не грозило. Надо сказать, что Пушкин к этому относился достаточно серьезно. До сих пор в обществе за ним числилась фривольная поэма «Тень Баркова», которую, как говорили, Пушкин написал еще в Лицее. Кстати, споры об авторстве этой поэмы не прекращаются и сегодня. Многие современные пушкинисты не уверены в том, что автором ее был Пушкин. Не говоря уже о том, что, хотя Пушкин гвардейским офицером никогда не был и в кадетских корпусах не учился, великосветская молва приписывала своему любимцу и некоторые вполне невинные куплеты знаменитого кадетского «Журавля» – любопытного собрания стихотворного фольклора военных учебных заведений дореволюционной России. Что же говорить о стихах игривых, фривольных или уж откровенно нескромных. Однажды, рассказывает в одном анекдоте, Пушкин проходил мимо особняка графини Н. На балконе второго этажа стояли графиня и две ее подружки. Завидев идущего Пушкина, они попросили: «Ах, Александр Сергеевич, душенька, а сочини-ка нам поэтический экспромт». Пушкин поднял к балкону задумчивое лицо и продекларировал:

*На небе светят три звезды:
Юпитер, Марс, Венера.
А на балконе три п...
Маруся, Катя, Вера.*

Летом 1831 года Пушкин жил в Царском Селе, в домике вдовы придворного камердинера Китаевой. Неизменный распорядок дня предполагал утреннюю лежачую ванну, чай и затем работу. Сочинял Пушкин, лежа на диване среди беспорядочно разбросанных рукописей, книг и обгрызенных перьев. Из одежды на нем практически ничего не было, и одному удивленному этим посетителю он, согласно легенде, будто бы заметил: «Жара стоит, как в Африке, а у нас там ходят в таких костюмах».

Говорят, однажды некий немец-ремесленник, наслышанный об искрометном таланте поэта, обратился к Пушкину с просьбой подарить ему четыре слова для рекламы своей продукции. И Пушкин немедленно продекларировал: «Яснее дня, темнее ночи». Что появилось на свет раньше – пресловутая реклама ваксы из анекдота или характеристика прекрасной грузинки из поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «Твои пленительные очи / Яснее дня, темнее ночи», остается загадкой.

Верхний этаж дома 20 по набережной Фонтанки занимали известные в петербургском обществе братья Александр и Николай Тургеневы. Александр Иванович был почетным членом Академии наук, авторитетным историком и писателем. Николай состоял членом литературного кружка «Арзамас», и на его квартире постоянно проходили заседания того общества. Однажды, по литературному пре-

данию, арзамасцы, поддразнивая Пушкина, предложили ему тут же, не выходя из кабинета, написать стихотворение. Пушкин мгновенно вскочил на стол, посмотрел в окно на противоположный берег Фонтанки, где высилось пустовавшее в то время здание Михайловского замка, затем оглядел окруживших его арзамасцев, лег посреди стола и через несколько секунд прочитал восторженной публике:

*Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец.*

И неоконченная повесть о жизни светского человека «Гости съезжались на дачу», если верить петербургскому фольклору, была навеяна посещением дачного салона Лавалей на Аптекарском острове.

Даже поэма «Евгений Онегин», казалось бы, насквозь пронизанная реальным сходством ее героев с под-

Пушкин и Онегин на берегу Невы.
Эскиз иллюстрации к I главе романа «Евгений Онегин»

в воротах появился священник, который пришел специально проститься с барином. Пушкин вспомнил, что неожиданная встреча со священником, по русским преданиям, также грозит несчастьем. Вконец расстроенный поэт вернулся домой и велел распрягать коней. Бегство не состоялось. Не состоялась и встреча с друзьями, будущими декабристами. Пушкин об этом хорошо помнил, направляясь на встречу с царем. Кто знает, чем обезоружил его император. Искренностью? Волей? Величием? Как бы то ни было, легендарное стихотворение Николаю I он не вручил, и нам остается только гадать, как сложилась бы судьба поэта, случись все по-другому.

С городской мифологией связана и петербургская повесть, как ее в подзаголовке назвал сам поэт, — одно из самых гениальных пушкинских произведений, поэма «Медный всадник». По преданию, историю об ожившей статуе Петра I рассказал Пушкину его старый приятель, весельчак и остро слов, склонный к мистике и загадочности, Михаил Виельгорский. Кроме того, в столице был распространен рассказ, который Пушкин, отсутствовавший во время трагического наводнения 1824 года, услышал от друзей. Говорили о каком-то Яковлеве, перед самым наводнением гулявшем по городу. Когда вода начала прибывать, Яковлев поспешил домой, но дойдя до дома Лобанова-Ростовского, с ужасом увидел, что идти дальше нет никакой возможности. Яковлев будто бы забрался на одного из львов, которые «с поднятой лапой, как живые» взирали на разыгравшуюся стихию. Там он и «просидел все время наводнения». Известен был Пушкину и другой рассказ о недавнем наводнении. Героем его был моряк Лукочкин, дом которого на Гутуевском острове вместе со всеми родными смыло водой.

Одной из самых загадочных строк «Медного всадника» считается мятежный шепот несчастного Евгения в адрес «державца полумира»: «Добро строитель чудотворный // Ужо тебе!» Известно, что «Медный всадник» был впервые напечатан не в том виде, как он написан Пушкиным. Это дало по-

вод к легенде. Будто бы в уста Евгения Пушкин вложил какой-то монолог, при публикации изъятый цензурой. Говорили, что при чтении поэмы самим Пушкиным «потрясающее впечатление производил монолог обезумевшего чиновника перед памятником Петру». Называли даже количество стихов этого монолога, запрещенных к публикации. Их было якобы около тридцати. Однако, как писал В. Брюсов, «в рукописях Пушкина нигде не сохранилось ничего, кроме тех слов, которые читаются теперь в тексте повести».

«Медный всадник» был написан в 1833 году. Пушкин был на вершине своей литературной славы. И примерно в то же время, вскоре после рождения старшей дочери, он, по одному из преданий, будто бы сказал жене: «Вот тебе мой зарок: если когда-нибудь нашей Маше придет фантазия хоть один стих написать, первым делом выпори ее хорошенько, чтоб от этой дури и следа не осталось».

И все-таки судьба благоволила к Пушкину, хотя мы знаем, что последние десять лет его жизни прошли на раскаленном фоне непрекращающихся слухов и сплетен, домыслов и мифов. В феврале 1831 года Пушкин женился на Наталье Николаевне Гончаровой. В одном из писем он сообщал Плетневу: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось». Светский Петербург с восторгом принял в свой круг юную провинциальную красавицу. Ее тут же окрестили «Венерой Невской» и «Афродитой Невы». Приглашения на званые обеды, балы и маскарады следовали одно за другим. Чтобы чаще видеть Наталью Николаевну, Николай I присвоил Пушкину унизительный чин камерюнкера — что обязывало поэта присутствовать на балах в Зимнем и Аничковом дворцах. Пушкин тяготился этой обязанностью, но сделать ничего не мог. Как утверждает современный школьный фольклор, «Пушкин любил возвращаться в высшем обществе и вращал в нем свою жену». Появились грязные сплетни о том, что Николай I как главный помещик страны использовал право первой ночи по отношению к Наталье Николаевне. И это будто бы стало первым звеном в катастрофи-

ческой цепи событий, окончившихся дуэлью и смертью Пушкина.

Следует сразу оговориться, что современное отечественное пушкиноведение решительно отрицает эту фантастическую легенду. К такому выводу литературоведческая наука пришла в результате многих десятилетий трудных поисков и счастливых находок, отчаянных схваток между оппонентами и логических умозаключений. С трудом удалось преодолеть многолетнюю инерцию общественного мнения, заклеившего Наталью Николаевну на всех этапах «всеобуча» — от школьных учебников до научных монографий. Было. И это «было» пересмотру не подлежало. Науке с юридической скрупулезностью пришлось анализировать свидетельские показания давно умерших современников Пушкина, оставивших тысячи дневниковых страниц и писем, устраивать свидетелям «очные ставки» и перекрестные допросы, чтобы выявить противоречия в их показаниях, извлекать из небытия улики и факты, чтобы на Суде Истории был наконец вынесен справедливый и окончательный приговор: *не было*.

В злосчастном пасквили, полученном Пушкиным, значился «великий магистр ордена рогоносцев». Весь Петербург знал, что им слыл Д. Л. Нарышкин, чья жена в свое время считалась чуть ли не официальной любовницей Александра I. Таким простым и откровенным способом намекалось на связь Николая I и Натальи Николаевны. В это верили. Ужас трагедии в том и состоял, что верили даже лучшие друзья. П. В. Нащокин рассказывал о том, что царь «как офицеришка ухаживал за его [Пушкина] женой. По утрам проезжал несколько раз мимо ее окон». М. А. Корф записал в дневнике, что Пушкина «принадлежит к числу тех привилегированных молодых женщин, которых государь удостоивает иногда посещением». Сама Наталья Николаевна в письме к своему дяде Афанасию Николаевичу писала, что не может спокойно гулять в Царском-сельском парке. «Я узнала от одной из фрейлин, что их величество желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить».

Ей вторила распространенная в свое время легенда, что именно в Царскосельском парке царь обещал Пушкину жалованье и предложил ему написать «Историю Петра» и что к тому его будто бы побудила заинтересованность юной красавицей. Царские милости, рожденные благодаря особому отношению императора к Наталье Николаевне, коснутся впоследствии и второго мужа несчастной женщины, через много лет после гибели Пушкина. В 1844 году генерал Ланской стал командиром Кавалергардского полка, и молва приписала это не его личным заслугам, а некой царской благодарности его жене Наталье Николаевне.

Попытки гальванизировать историю взаимоотношений Натальи Николаевны с императором предпринимались и после смерти героев этой русской драмы. Все они имели целью опорочить образ Натальи Николаевны, звали на нее всю вину за происшедшее, тем самым упростив до уровня мелодрамы глубочайшую суть трагедии. Кому-то постоянно хотелось, чтобы все герои из государственных и общественных деятелей вдруг превратились в частных лиц, в той же степени достойных жалости и сочувствия, что и Пушкин.

В этой связи любопытным отголоском преддуэльных событий выглядит легенда о часах с портретом Натальи Николаевны. Эта история произошла много позже. Однажды в московский Исторический музей пришел какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые часы с вензелем Николая I. Запросил он за эти часы две тысячи рублей. На вопрос, почему он так дорого их ценит, когда такие часы не редкость, незнакомец сказал, что эти часы особенные. Он открыл заднюю крышку, на внутренней стороне которой был миниатюрный портрет Натальи Николаевны Пушкиной. По словам того человека, его дед служил камердинером у Николая I. Эти часы постоянно находились на письменном столе императора. Дед знал их секрет и, когда Николай Павлович умер, взял эти часы, «чтобы не было неловкости в семье». Часы почему-то не были приобретены Историческим музеем. И так и ушел этот

человек с часами, и имя его осталось неизвестным, гласила эта удивительная легенда.

Любопытство разгоряченного интригами Петербурга подогревалось слухами о неладах в семье поэта. В салонах поговаривали, будто Пушкин специально оставлял жену наедине с Дантесом в комнате, закрывал двери и прислушивался, не раздастся ли звук поцелуя или неосторожное слово. А потом «в припадке ревности брал жену к себе на руки и с кинжалом допрашивал, верна ли она ему». Общественное мнение, не отличающееся благосклонностью вообще, оказалось особенно жестоким к Наталье Николаевне. Ядовитая формула: «Безобразный муж прекрасной жены» уязвляла не столько Пушкина, с лицейских времен без комплексов воспринимавшего свою «обезьянью» внешность, сколько Наталью Николаевну, которая понимала, что этой формулой светские сплетницы старались намекнуть на ее якобы безразличие к творчеству гениального мужа, равнодушие к самому поэту, на ее умственную ограниченность и нравственную распущенность. В столице из уст в уста передавали анекдот о некоем молодом человеке, который решил узнать, о чем же говорит в обществе жена первого поэта России. Однажды он целый час простоял у нее за спиной на великосветском балу, и за весь час не услышал ничего, кроме однозначных «да» и «нет».

Судачили в Петербурге и о странной совместной жизни сестер Натальи Николаевны в доме Пушкина. С тех пор, как Александра и Екатерина поселились в его доме, злые языки называли поэта «Троеженцем». Сохранилась интригующая легенда о шейном крестике Александрины, найденном будто бы камердинером в постели Пушкина. Впоследствии это удивительным образом совпало с преданием о некоей цепочке, которую умирающий Пушкин отдал княгине Вяземской с просьбой передать ее от его имени Александре Николаевне. Княгиня будто бы исполнила просьбу умирающего и была «очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот заgrabный подарок, вся вспыхнула». Впоследствии была вовлече-

на в интригу и вторая сестра Наталья Николаевна – Екатерина. Как известно, она стала женой Дантеса. Но в Петербурге поговаривали, что ни она, ни сам Дантес к союзу не стремились. Будто бы, узнав о том, что Пушкин вызвал Дантеса на дуэль, Николай I приказал Дантесу сделать предложение свояченице поэта. Якобы таким способом он хотел предотвратить поединок.

В конце концов все эти невероятные слухи и сплетни привели к легенде о том, что в последние годы жизни Пушкин не просто готовился к смерти, но и всюду, где только можно, ее искал и «бросался на всякого встречного и поперечного».

На чем основана эта легенда? С одной стороны, еще в 1834 году Пушкин восклицает: «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит», что при желании легко расценить как жизненную программу, тем более что есть будто бы и доказательство: за пять месяцев до страшного конца был написан «Памятник». И не просто написан, а написан и убран в стол, спрятан. Как завещание оставшимся в живых. Да и за пять ли месяцев? Анонимное письмо Пушкин получил 4 ноября 1836 года и в тот же день послал вызов Дантесу. Значит, «Памятник» написан буквально перед смертью, в возможность которой Пушкин не мог не верить. Просто судьбе было угодно продлить заключительную драму поэта еще на три месяца.

В этом запутаннейшем клубке пушкинской биографии есть одна тонкая, но не рвущаяся ниточка, которая тянется еще с середины 1810-х годов. Тогда, будучи еще лицеистом, Пушкин тайно посетил модную в то время гадалку немку Шарлотту Кирхгоф – модистку, промышлявшую между делом ворожбой и гаданием. Так вот, та сивилла будто бы обозначила все основные вехи жизни Пушкина: «Во-первых, он скоро получит деньги; во-вторых, ему будет сделано неожиданное предложение; в-третьих, он прославится и будет кумиром соотечественников; в-четвертых, он дважды подвергнется ссылке; в-пятых, он проживет долго... если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, белой головы или белого человека, которых и должен он опасаться».

Не удивительно, что зимой 1836–1837 года его так беспокоил единственный, пятый, не исполненный пункт предсказания. Как-то раз, незадолго до преддвельных событий, встретившись случайно с Дантесом, Пушкин, шутя, будто бы сказал ему: «Я видел недавно на разводе ваши кавалерийские эволюции, Дантес. Вы прекрасный всадник. Но знаете ли? Ваш эскадрон весь белококонный, и, глядя на ваш белоснежный мундир, белокурые волосы и белую лошадь, я вспомнил об одном страшном предсказании. Одна гадалка наказывала мне в старину остерегаться белого человека на белом коне. Уж не собираетесь ли вы убить меня?» А однажды он из-за тех же суеверных предчувствий решил не испытывать судьбу и отказался от поездки в Польшу, где в то время правительственные войска вели борьбу с повстанцами. Он узнал, что один из восставших имел фамилию Вейскопф, что в переводе означало: «белая голова».

Вспомнились дурные предзнаменования, одно за другим случившиеся во время венчания в Москве. Началось с того, что Пушкин, нечаянно задев за аналой, уронил крест. Затем, когда они с Натальей Николаевной менялись кольцами, одно из них упало на пол. Потом у Пушкина погасла свечка. А когда ему показалось, что первым устал держать венец шафер жениха, то не выдержал и, как рассказывает легенда, шепнул кому-то по-французски: «Все дурные предзнаменования». Может быть, легенда права, и Пушкин в самом деле искал смерти?

Но в том же 1834 году, когда, как может показаться, был подведен итог и сделан вывод: «Пора, мой друг, пора!..», Пушкин написал своей жене: «Хорошо, когда проживу я лет еще 25, а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что скажешь Машке, а в особенности Сашке». Он не собирался умирать. Любящий муж, многодетный отец, человек с обостренным чувством долга, полный творческих планов и замыслов не мог так легко и просто расстаться с жизнью. Еще «Современник» не стал властителем дум, еще не написана «История Петра Великого», не закончена подготовка критического изда-

ния «Слова о полку Игореве», еще не выросли дети, не улажены денежные дела. Работы на земле было много. Да и сама дуэль не обязательно предполагала смертельный исход, хотя, как уже говорилось, Пушкин не исключал этого. На дуэль он шел покарать того, кто дерзнул посягнуть на честь его жены, на его честь как Поэта и Человека.

Стрелялись на Черной речке, за Петербургской стороной. Первый выстрел был за Дантесом. Смертельно раненный Пушкин, пользуясь своим правом ответного выстрела, приподнялся, прицелился и спустил курок. Рассказывают, что он тщательно целился, потому что поклялся «отстрелить Дантесу половой член». Но, как об этом рассказывает другая легенда, пуля отскочила, не причинив никакого вреда Дантесу, потому что на нем под мундиром была якобы надета кольчуга, либо еще какое-то защитное приспособление, которое и спасло ему жизнь. Легенда сошла со страниц журнальной публикации, в которой некто В. Сафонов, специалист по судебной медицине, пытался доказать, что, так как пуговицы на кавалергардском мундире располагались в один ряд и не могли находиться там, куда попала пуля, то от ricochet она могла только от специального защитного приспособления, находившегося под мундиром. Добавим и об утверждении фольклора, что этим якобы была обусловлена известная просьба Геккерна об отсрочке дуэли на две недели. Ему, видимо, нужно было «выиграть

время, чтобы успеть заказать и получить для Дантеса панцирь». Более того, в Архангельске будто бы раскопали старинную книгу для приезжающих с записью о некоем человеке, прибывшем из Петербурга от Геккерна незадолго до дуэли. Человек этот, рассказывает легенда, «поселился на улице, где жили оружейники».

Уже после того, как легенда, попав на благодатную почву всеобщей заинтересованности, широко распространилась, ее решительно отвергли пушкинисты. Они утверждали, что «нет никаких оснований полагать, что на Дантесе было надето какое-то пулезаститное устройство». Ко времени описываемых событий прошло уже два века, как кольчуги вышли из употребления, никаких пуленепробиваемых жилетов в России не существовало, да и надеть их под плотно пригнанный гвардейский мундир было бы просто невозможно. Что же касается пуговиц, то они на зимнем кавалергардском мундире располагались, оказывается, не в один, как полагал Сафонов, а в два ряда, и та, что спасла жизнь убийце Пушкина, была на соответствующем месте.

И, наконец, скажем о самом главном. Обычай и нравы первой половины XIX века, кодекс офицерской чести, дворянский этикет, позор разоблачения, страх быть подвергнутым остракизму и изгнанным из приличного общества исключали всякое мошенничество и плутовство в дуэльных делах. Правила дуэли соблюдались исключительно добросовестно и честно. На роковой исход более влияли преддвельные, нежели дуэльные обстоятельства. В деле Пушкина именно так и случилось.

Все вело к неизбежной развязке, все, казалось, ей способствовало. Даже полиция, если верить фольклору, заранее знала о месте дуэли. Во всяком случае весь Петербург был в этом уверен. Как и в том, что жандармов, обязанных помешать поединку, будто бы специально послали «не туда». Сохранилась легенда о разговоре, состоявшемся у шефа жандармов Бенкендорфа с княгиней Белосельской-Белозерской после того, как полиции стало известно о предстоящей дуэли. «Что же теперь де-

Автопортрет. 1832 г.

А. С. Пушкин. Авторский рисунок на черновой рукописи повести «Гробовщик»

лать?» – будто бы спросил он у княгини. «А вы пошлите жандармов в другую сторону», – ответила ненавидевшая Пушкина княгиня. Послать «не туда» оказалось довольно просто. В то время в Петербурге было четыре речки с одним и тем же официальным названием «Черная», в том числе одна – в Екатерингофе, излюбленном месте петербургских дуэлянтов. Туда-то, на противоположный от Петербургской стороны конец города, и были будто бы направлены жандармы.

Уже на следующий день в Петербурге родился миф о том, что Пушкина убили в результате хорошо организованного заговора иностранцев: один иноземец смертельно ранил поэта, другим поручили лечить его. Придворный лейб-медик Николай Федорович Арендт, согласно еще одному мифу, выполняющая якобы тайное поручение Николая I, «заведомо неправильно лечил раненого поэта, чтобы излечение никогда не наступило». Такая знакомая российская ситуация – во всем виноваты иностранцы. Дантес, у которого было целых три отечества: Франция – по рождению, Голландия – по приемному отцу и Россия – по месту службы; голландский посланник Геккерн, и, наконец, личный медик императора немец Арендт. Даже фамилия секунданта Пушкина, благородного Данзаса, могла вызывать подозрение патриотов. Доктор Станислав Моравский вспоминал, что «все население Петербурга, а в особенности чернь и мужичье, волнуясь, как в конвульсиях, страстно жаждали отомстить Дантесу, расправиться даже с хирургами, которые лечили Пушкина».

Пушкина не стало 29 января 1837 года в 2 часа 45 минут. По ма-

лоизвестному преданию, год, день, число и время смерти друга поэта П. А. Вяземский и П. В. Нащокин написали на найденных в бумажнике Пушкина двадцатирублевых купюрах, которые они разделили между собой. Любители нумерологии могли теперь спокойно вычислить мистическую цифру Пушкина. Ею стала семерка. Последняя дуэль поэта была 7-й по счету, состоялась 27 января 1837 года в 17 часов. Пушкину было 37 лет.

О ритмах истории, науке нумерологии и мистических связях Пушкина с Петербургом заговорили не впервые. Когда слава поэта находилась в зените, многие указывали на то, что родился он ровно через 96 лет от основания города, а в Авестийском зороастрий-

ском календаре 96 лет считаются «годом Святого духа».

Процесс мифологизации имени Пушкина не прервался с его гибелью. Более того, многие легенды родились после смерти поэта. Однако со временем пушкинский фольклор приобрел заметно иные свойства. Пушкин все реже становится героем легенд, преданий и анекдотов, и все чаще неким знаком, пробным камнем, лакмусовой бумажкой, попасть в сферу воздействия которой бывает кому-то легко, а кому-то и досадно. Эксплуатация такого нехитрого, но универсального и беспроегрешного приема началась не сегодня. Еще при жизни поэта один его московский друг рассказывал, что он встретил одного провинциала, который утверждал, что у них стихи Пушкина перестают быть модными, а «все запоем читают нового поэта – Евгения Онегина». Сегодня можно услышать анекдоты, где имя Пушкина используется в качестве инструмента для проверки умственных способностей: «Ты Пушкина читал?» – «Ну, читал». – «И чем там все закончилось?»; «Говорят, Пушкин в жизни был донжуаном». – «Ничего подобного! Я сама читала, что он был камер-юнкером».

Современные школьники, перемешав времена и доведя ситуацию до логического абсурда, расширили возможности жанра. С одной стороны: «Юный Пушкин прочитал на экзамене стихотворение, которое понравилось старику Держжинскому», или: «Двое спорят о том, кто произнес фразу, ставшую крылатой: Пушкин или Лермонтов. Устав препираться, спорщики решили: тебе это сказал Пушкин, а мне Лермонтов», с другой, –

г. Пушкин. Памятник А. С. Пушкину в Лицейском саду. 1899–1900 гг. Скульптор Р. Бах

на вопрос: «Какой самый современный ленинградский поэт?» следовал безапелляционный ответ: «Пушкин». С помощью единственного универсального имени мог решиться любой, даже самый сложный вопрос: «Кто будет уроки делать? Пушкин?»; «Кто платить будет? Пушкин?»; «Кто детей делать будет? Пушкин?» и, наконец: «Я, что Пушкин, чтобы все знать?»

Известно, что в XIX веке Пушкина называли «Русским Байроном». Заметьте, чтобы определить значение и роль поэта в русской литературе, потребовалось привлечение такого авторитета мирового

масштаба, как Байрон. В XX веке этого уже не требовалось. Понятие «Пушкин» приобрело такое расширительное значение, что само по себе стало самодостаточной идиомой. В одних словарях «Пушкин» может означать и негра, и африканца, и кудрявого человека, и просто некоего умника. В других – интонационно окрашенное восклицание: «Пушкин!» становится иронически-насмешливой оценкой чьих-нибудь поэтических способностей. Появился даже каламбур, подлинный смысл которого, кажется, еще недостаточно оценен: «Пушкин вместо масла». Судя по городскому фольклору, и в самом

деле «Пушкин – это наше все», или «Пушкин – он и в Африке Пушкин». Похоже, что только одно обстоятельство не устраивает петербургский городской фольклор:

*Александр Сергеевич Пушкин,
Жаль, что с нами не живешь,
Написал бы ты частушки,
Чтобы пела молодежь.*

И в заключение хочется напомнить одно парадоксальное высказывание современного писателя Андрея Битова о посмертной судьбе Пушкина: «Не искажают образ поэта лишь мифы и анекдоты о нем».

Источники фольклора:

- Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1989.
Бегемот. 1927. № 8.
Битов А. Раздвоение личности // Звезда. 1999. № 1.
Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская. СПб., 1996.
Брюсов В. Я. Медный всадник // Брюсов В. Я. Избранное: В 2 т. М., 1955. Т. 2.
Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Минск, 1986.
Горбовский А. А. Пророки и прозорливыцы в своем Отечестве. М.; Л., 1990.
Гордин А., Гордин М. Пушкинский век: Панорама столичной жизни. СПб., 1995.
Гроссман Л. П. Записки Д'Аршиака. М., 1990.
Губер П. К. Дон-жуанский список Пушкина. Пг., 1923.
Евреи шутят. Таллин, 1996.
Зобнин Ю. Н. Гумилев – поэт православия. СПб., 2000.
Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в Петербурге. Л., 1991.
Израильский родственник Пушкина? // Лехаим. 1996. № 56.
Канн П. Я. Прогулки по Петербургу. СПб., 1994.
Книжное обозрение. 2001. № 5.
Кочубей А. В. Записки. Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978.
Кунин В. В. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: В 2 т. М., 1987.
Лацис А. В. В поисках утраченного смысла // Три века поэзии русского Эроса. М., 1992.
Левкович Я. Л. Жена поэта // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.
Левкович Я. Л. Кольчуга Дантеса // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.
Лесной Д. Великие игроки // Аргументы и факты. 2000. № 13.
Лит. газ. 2000. № 28–29.
Ломан О. В. Предания о Пушкине // Лит. критик. 1938. № 3.
Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
Медерский Л. А. Набережные Фонтанки. Л.; М., 1964.
Муравьева О. С. Образ Пушкина: ист. метаморфозы. СПб., 1994.
Набоков В. В. Пушкин и Ганнибал: версия комментатора // Легенды и мифы о Пушкине.
Наживин И. Ф. Во дни Пушкина. М., 1999.
Петербургский Час пик. 2004 № 24.
Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898.
Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976.
Раневская Ф. Г. Случаи. Шутки. Афоризмы. М., 2002.
Рахманов Л. «Уважаемые читатели» // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995.
Романов Б. С. Русские волхвы, вестники и провидцы. Мистика истории и история мистики России. СПб., 1999.
Русаков В. М. Потомки Пушкина. Л., 1978.
Русский мат: Антология. М., 1994.
Сайтанов В. Дополнения и примечания // Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Минск, 1986.
Спивак Д. Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998.
Чистова И. С. К статье С. А. Соболевского «Таинственные приметы в жизни Пушкина» // Легенды и мифы о Пушкине.
Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987.
Эйдельман Н. Я. Прекрасен наш союз... М., 1991.

Кроме источников, перечисленных выше, при работе над очерком автор широко пользовался передачами радио и телевидения, самозаписью, а также фольклором, предоставленным ему близкими друзьями и просто хорошо знакомыми петербуржцами.

Эвакуация. Всероссийская академия художеств в Самарканде. 1942—1944

М. А. Бойко

*Ты так вознесся, Самарканд,
что говорят – то райский сад!*

.....
*Ты – как луна в кольце валов
в тенистой зелени садов.*

Ахмед ибн Вади

Когда началась Великая Отечественная война, отцу, работавшему в Ленинграде в Главной палате мер и весов, в августе 1941 года было поручено возглавить эвакуацию ценного оборудования ряда лабораторий в Киров-областной (Вятку). Родители категорически настаивали на моем отъезде с ними, я долго сопротивлялась, но наконец согласилась, поставив неременным условием мой возврат к началу учебного года, то есть к октябрю, в Ленинград, в Академию художеств, где я училась на факультете теории и истории искусства (ФТИИ).

В Кирове я неожиданно встретила студентку архитектурного факультета Валю Душечкину, и, конечно, мечты о скором отъезде в Ленинград нас объединили, хотя раньше мы были еле знакомы. Но когда мы пришли в конце сентября 1941 года за железнодорожными билетами, на нас в кассе посмотрели с удивлением и отказали, а начальник станции, куда мы добрались, доказывая необходимость отъезда, объяснил, что из Ленинграда при первой возможности только увозят гражданское население, а никак не ввозят, и что речи быть не может о билетах. Как-то особенно реально почувствовалась беда, нависшая над Ленинградом, было очень тоскливо и тревожно. Но стало ясно, что здесь мы надолго – и обе устроились на работу. Я – в эвакогоспиталь, санитаркой в операционную. Хотелось делать что-то наиболее близко связанное с войной – даже здесь, в глубоком тылу, чем-то помогать как можно реальнее.

Была зима 1942 года, и вдруг ко мне на работу прибежала Валя с известием, что где-то на запасных путях стоит эшелон, везущий академию в Самарканд. Мы бросились на поиски, но они были безрезультатны, и, как выяснилось уже в Самарканде, эшелон к тому времени протащили дальше от Кирова. Но тогда нам еще сказали, что людей, наиболее слабых, сняли с поезда и отправили по госпиталям Кирова. Мы их облазили все! А их к тому времени было здесь уже много. Однако никого не нашли, сведения оказались неверными, но блокадных ленинградцев увидели многих, и их облик остался перед глазами навсегда...

Как только Академия художеств 23 марта 1942 года приехала из Ленинграда в Самарканд, ко мне, в Киров, стали приходить письма от моей ближайшей подруги Иры Соколовой. Узнав из них, что можно получить вызов в Самарканд на учебу, я списалась с дирекцией института. Без вызова железнодорожные билеты не продавали.

Для поездки и жизни в Самарканде хотя бы на первых порах нужны были деньги, и я на толкучке продала папины часы, взамен купив буханки хлеба на дорогу – основное и лакомое питание в то время. В Кирове было голодно, у отца даже началась дистрофия 2-й степени. Я тоже была худа и постоянно хотела есть, но все же это не была, конечно, ленинградская жизнь, и я очень стеснялась ехать в Самарканд, думая, что буду там толще всех да еще не пережившая всего. К удивлению, я оказалась

чуть ли не самой худощавой, так как за несколько месяцев жизни в Самарканде академисты и немножко отъелись, и многие неестественно располнели. Потом эта полнота с них постепенно сошла до нормы, хотя интерес к еде и постоянная потребность в ней еще долго продолжали существовать. Помню, например, как в день моего приезда в Самарканд меня поразило объявление, висевшее в здании школы, где разместилась академия, о товарищеском суде над студентом М. Дунцом, будущим театральным художником. Оказалось, он был обнаружен на чердаке школы готовящим себе еду из пойманной бродячей кошки. Дабы такие рецидивы блокадного голода не повторялись, решили в назидание просить дирекцию исключить Дунца из академии. И лишь искреннее раскаяние этого горе-повара, в прошлом действительно работавшего где-то на уровне общественного питания, смягчило возмущенных «судей», и все окончилось вынесением порицания.

В поездке со мной был большой груз: матрац, одеяло, подушка, зимнее пальто, все носильные вещи, а предстояло две пересадки, и я очень нервничала. В Новосибирске билет до Самарканда не компостировали без справки о санобработке. А когда я сунулась за этой справкой, то оказалось, что очереди там месяцами. Мне же в Новосибирске остановиться было негде. Оставалось уже мало взятой из Кирова еды, да и денег не ах. На мое счастье около бани, где проходили санобработки, стали набирать группу желающих

вымывать баню и тогда вне очереди получить справку. С боем я попала в эту группу и таким образом добыла желанную справку. Очереди в железнодорожную кассу в светлом просторном зале вокзала не было видно конца. Помог сослуживец отца, работавший в отделении Палаты в Новосибирске, к которому я принесла письмо от папы с просьбой помочь мне. Дядька он оказался прямо-таки ушлый. Пришел на вокзал, вынул меня из хвоста очереди и поставил второй от окошечка кассы, перед всеми солидными, хорошо одетыми людьми. Я была поражена, думала выгонят, но нет, билет получила второй по очереди и до сих пор вспоминаю это с некоторым удивлением. Ну, а пересадка в Ташкенте была уже проще. Только страшно было одной провести ночь в ожидании поезда на Самарканд на вокзале, забитом эвакуированными, или на запруженной людьми, палатками, тюками, плачущими детьми привокзальной площади. И я присоединилась в пыльном садике при вокзале к компании веселых мужчин, едущих в Самарканд, которые взяли меня под свое покровительство. Они оказались различными специалистами винного завода и с упоением рассказывали мне каждый о своей работе, что было очень интересно.

В Самарканде меня встретила Ира Соколова. Город мне сразу же показался земным раем: тепло, солнце, фрукты, веселые молодые лица, масса знакомых, вдоль улиц, обсаженных высоченными белыми акациями и тополями, в арыках журчит вода. Все необычно и непохоже на Киров.

Передо мной лежит телеграмма, которую я по приезде 21 июня 1942 года в Самарканд послала родителям в Киров:

«Доехала великолепно
Ташкента выехала сразу
зачислена стипендию
все замечательно
крепко целую Марина».

Студентка IV курса ФТИИ А. С. Гривнина вспоминала: «Мы выехали из Ленинграда 19 февраля 1942 года в жуткий мороз. Нас погрузили на Финляндском вокзале в дачные вагоны. Эшелон был достаточно велик. Все в пальто, с чемоданами, в каждом вагоне много народа. И в это время произош-

Аня Гривнина

ло рождение ребенка! Да, сегодня это кажется почти невероятным... Из вагонов нас пересадили в открытые машины, чтобы переехать Ладожское озеро. Так как машин было немного, а нас – огромное число, то нас впахивали так, что в машине, стоя, нельзя было повернуться. Руководил всем этим Михаил Таранов, долгие годы и после войны бывший деканом графического факультета. Тьма – ночь – машины неслись со страшной скоростью. Ветер проникал во все поры. Наконец, мы приехали в Жихаревку. Тут же, ночью, нас, разместив в специальных бараках, повели в столовую – огромное, сарайного типа помещение со столами. Внезапно началась бомбежка. В столовую, в которой среди еще оставшихся там людей была и я с мамой, попала бомба. Рядом полыхал огонь пожара. Меня слегка контузило. Вещи были брошены. В эту страшную ночь мы с мамой оторвались ото всех.

...В 20-х числах марта, – продолжает А. С. Гривнина, – я в шубе, в валенках, в зимнем блокадном обмундировании оказалась в розово-миндальном Самарканде. На ослике, наняв арбу, мы поехали на рынок, чтобы сменить одежду. И вдруг, проезжая Регистан, я увидела молодых людей с этюдниками, что меня поразило. Выяснилось, что здесь уже функционировал Суриковский институт».

Академия размещалась в основном в школе стандартного типа не-

далеко от вокзала, в новой части города, на Октябрьской улице, дом 43. Здесь же были волейбольная площадка и небольшой, уже несколько одичавший фруктовый садик, в нем довольно грязный хауз (водоем), в котором купались в самую жару только смельчаки, как, например, студентка IV курса ФТИИ Чеснокова. Ее голову с поблескивающими очками, торчащую из мутной воды, можно было часто наблюдать любителям смешного.

Большинство академистов, а всего их было вначале что-то около 200 человек вместе с папами, мамами (они же уборщицы) и детьми, пока весьма немногочисленными (они же иждивенцы), жили именно в школе. На третьем этаже располагалась СХШ (средняя художественная школа). По утрам ребяташки с грохотом скатывались по лестнице на 1-й этаж в ларек за хлебом на своих деревянных подошвах-самоделках – тогда это была не мода, как одно время впоследствии, а вынужденная необходимость: новая одежда и обувь были страшным дефицитом.

«День в то время начинался с забот о еде, – вспоминает А. С. Гривнина. – Не следует забывать, что многие приехали из блокированного Ленинграда. Под лестницей, здесь же в школе, был хлебный ларек. Тата Репникова раздавала хлеб по карточкам. На дворе разводили многочисленные так называемые мангалки: костерки, на которых разогревали кашу. Потом некоторые отправлялись на базар менять барахло на еду – лепешки. Так было в первый период пребывания в Самарканде, в период нашего устройства».

Небольшая часть академистов жила в старом городе в глинобитном общежитии при Регистане, как, например, проф. А. Д. Зайцев и его жена, студент-скульптор Леня Тимченко, прекрасно «заведовавший» полуживой кобылой, привозившей нам хлеб из пекарни в старом городе, дипломники творческих факультетов и другие.

В школе в одних классах жили, в других – учились. У нас была комната, в которой обитало чуть ли не 40 человек. По периметру у стен были сделаны двухэтажные деревянные нары, в центре комнаты тоже стояли кровати. Так как ко-

ридоры были широкими, то их со стороны окон отгородили и разбили на клетушки – получились дополнительные аудитории. Стульев и столов не было. Их заменяли школьные парты, которые выносили из здания даже в садик, где в теплое время читался ряд лекций. В этом же здании помещалась и библиотека, а вот столовая была в другом месте, хотя и по той же улице, где и школа.

Чтобы в столовую не проникали чужие, у входа стоял Петя Говдя. Приветливый, общительный паренек, он недавно вернулся с фронта после ранения и охотно помогал в работе столовой. Быстро перезнакомившись со всеми академиками, он постепенно втянулся даже в учебу на нашем факультете. Окончив его, Говдя вернулся на родину, на Украину, где стал в дальнейшем одним из ведущих деятелей культуры.

Кормили нас два раза в день баландой, или, как мы называли, затирухой: вода с небольшим количеством какой-то крупы. Конечно, есть хотелось всегда. Большим подспорьем стали вскоре созревшие фрукты. Их тогда не вывозили из Средней Азии: транспорт был занят более важным для военных лет грузом. Фрукты были относительно дешевы. Мы, молодые, особенно остро испытывали потребность в сладком. В Кирове, например, продуктовые карточки отоваривались лишь хлебом, мылом, солью и чуть-чуть сахаром. А тут, в Самарканде, кроме базара с фруктами и овощами, под деревьями валялись опавшие тутовник, алыча... Мы их собирали – и в катык (обезжиренный творог)! Пополняли наш стол и горячие лепешки из пшеницы. Довольно большие, с блестящей поверхностью по одной стороне, ароматные, они казались верхом кулинарного искусства, их неизменно покупали на базарчиках. На большом рынке в старом городе мы с Ирой очень любили лакомиться «мишалдой» – как мы называли эту сладость – видимо, сваренная узбеками из фруктов патока. Помешивая ее все время (отсюда и название) в каструле деревянной лопаткой, продавец намазывал на кусок бумаги, чаще газетной, а мы с наслаждением ее слизывали!

Скромные «доходы» студентов складывались по-разному: одним в добавок к стипендии приходили денежные переводы по почте, другие, например, живописцы, находили небольшие заказы от узбеков на исполнение разных «картинок», росписей, портретов. Третьи продавали или меняли на базаре носильные вещи и т. п. Но главный источник приносила работа в художественно-производственных мастерских, организованных дирекцией академии. Возглавлял их очень энергичный человек – некий Балантер. По добытым им заказам студенты писали лозунги, сухой кистью портреты членов политбюро, по трафаретам («трафаретили») расписывали различными узорами платки, пользовавшиеся большим спросом у покупателей, и т. д. Не гнушались работой в мастерских и наши уважаемые педагоги.

«Балантерия», как мы называли эту организацию, процветала и неизменно на всех вечерах и сборищах становилась объектом шаржей и шуток. Перед отъездом из Самарканда в Загорск на прощальном вечере славившийся своим остроумием аспирант И. А. Бродский шуточно пообещал: «Если на севере не потребуются косынки, не волнуйтесь – будем расписывать валенки!».

Помню также такую сценку. Купленного пополам на две семьи барана поочередно пасли совладельцы – то педагог-график Михаил Таранов, то величественно и невозмутимо вышагивавший за животным профессор Н. Н. Пунин с красиво повязанным от солнца на голове вафельным полотенцем, один конец которого свисал аж до плеча.

Продажа носильных вещей не всегда проходила удачно. Так, за последнее единственное приличное платье студентке Лили Варшавской вместо денег дали «куклу» – пачку газетных бумажек, покрытых сверху всего одной купюрой. А при покупке мной и Ирой ткани на простыню узбек, ловко сложив материю, продал нам лишь куски – от начала и от конца и пустотой между ними.

Постепенно начались занятия. Как вспоминает А. Гривнина, «последовательно возглавляли институт в Самарканде профессора А. И. Се-

гал, А. Д. Зайцев, М. К. Каргер, преподавали С. К. Исаков, А. С. Гуштин, Н. Н. Пунин, Н. Б. Бакланов, И. А. Бартнев... Живописцы много работали на пленэре. В Самарканде защищали диссертации: в частности, В. М. Орешников; А. В. Приселков – о рисунках Ф. А. Васильева; аспиранты-архитекторы В. Д. Кирхоглани, С. Б. Сперанский (в дальнейшем – автор многих гражданских и мемориальных сооружений Ленинграда, более сорока лет бессменно возглавлял Союз архитекторов нашего города). Ни курсовых, ни дипломных работ мы не писали. Но читался-таки Пуниним курс анализа художественных особенностей произведения искусства. Занятия начинались примерно в одиннадцать часов и заканчивались около четырех часов дня. В Самарканде начинали читать Бартнев, Чегодаев, Ремпель (первый – русскую и зарубежную архитектуру, второй – о Дюрере, третий – искусство Востока). Был там и А. А. Починков – почтенного возраста человек, еще до революции объехавший Европу. Он читал спецкурс о помпейских росписях.

Надо сказать, – продолжает А. С. Гривнина, – что мы – Каганович, Элентух, Женья и Маша Захаровы, Габрилович, я и, если не оши-

М. К. Каргер – профессор, лауреат Сталинской премии; в 1943–1944 гг. – директор эвакуационной части Академии художеств, преподаватель истории древнерусского искусства

Сергей Сперанский

баюсь, Новодворская – как старший IV курс ФТИИ закончили обучение в 1943 году уже в Самарканде. Регулярной стройной системы занятий не было. Наш курс был самым контрастным по возрастному составу. Были люди, поступившие в институт сразу после школы, но были и значительно более старшие – лет на пятнадцать-двадцать. В учебном процессе эта разница нивелировалась, в быту же оставалась ощутимой. Возле “Академии” – то есть школы – было небольшое здание, кажется банька, в которой наш IV курс часто собирался по вечерам. Впрочем, хотя понятие “курс” в действительности было, но жизнь коллектива всей Академии, включая жен, детей, служащих, была столь слитной, что говорить о каком-то административном членении очень и очень трудно. Мы жили все вместе, открыто друг для друга.

Перед выпуском у нас были госэкзамены по марксизму-ленинизму и истории искусства. Из учебных пособий по искусству были только кнебелевский “Грабарь”, книги Коваленской, Александра Бенуа, учебник под редакцией Пунина.

На моем, третьем, курсе ФТИИ читали: русское искусство – Исаков, диамат и истмат – Гиль, но наиболее ярко почему-то запомнились лекции И. А. Бартенева, тогда еще только начинавшего педагога. Он

часто посматривал в тетрадь со своими записями и читал необычайно обстоятельно и скрупулезно. В каждом здании перечислял число колонн, ступеней и проч. А так как это все не сопровождалось никакими зрительными впечатлениями – диапозитивов и репродукций не было, – то такие сведения подавляли и изумляли своим обилием. Как-то мне передали, что Игорь Александрович обижается: «Почему это Бойко все время ест на его лекциях?» А мне казалось, что жую лепешку очень незаметно.

Заниматься летом в здании школы было ужасно – донимали клопы. Даже в саду педагог читает лекцию, а ты на парте клопов давишь – злощих, огромных. К зиме, после обработки помещений спасительным порошком, дустом, они как-то затихали. Поэтому летом мы спали вне комнат в садике вокруг здания, а остававшихся в школе называли донорами.

Еще запомнились занятия с Н. Л. Вишневской английским языком. Мы с энтузиазмом стали овладевать им, лежа на нарах на втором этаже, обе – Ира и я – без конца гоняли друг друга, проверяя значение и произношение слов.

Число студентов на курсах сначала колебалось от двух до пяти-шести человек. А на 5-м курсе архитектурного факультета все предметы одно время читались только для одного студента – Фильки Гепнера. Характерная сценка «Чтение лекций под абрикосовым деревом»: в саду за партами студент Гепнер и преподаватель Хазацкий. Идет лекция. Вдруг с ветки шмякается зрелый абрикос. Минутное замешательство, и неспешно идет его поднимать лектор. Через некоторое время падает новый плод – обоим ясно: очередь, по справедливости, студента. Лекция продолжается...

Вообще жизнь была колоритна. Например, на первый курс ФТИИ набрали молодежь из местных и из эвакуированных, которая в музеях то побывать из-за войны не успела. А наглядных пособий в академии – кот наплакал. И вот преподаватель А. А. Починков, один из немногих вместо шмоток захвативший с собой из Ленинграда в Самарканд книги, сколько смог сам унести, когда репродукций для показа экспонатов на лекциях не хватало, вста-

вал в позу той или иной античной статуи. Конечно, этот момент не преминули отразить в стенной газете в очередной карикатуре, вернее дружеском шарже. Великолепно читал лекции Пунин. Однажды вечером он рассказал для всей академии о творчестве Микеланджело. В наш так называемый актовый зал, то есть сдвоенный класс, академистов набилось до отказа. Лекция шла, конечно, без диапозитивов, но все слушали затаив дыхание, и вдруг погас свет. При полной тишине он продолжал говорить и так во тьме и закончил лекцию – и какую блистательную!

Постепенно студентов становилось больше. Немного человек возвратилось с фронта – например, демобилизованные после ранений живописец Никита Медовиков, архитектор Миша Штример. Кто-то приехал из других городов – Люся Рыбакова, Ира Лапина, а трое студентов ЛИИКС (Ленинградского института инженеров коммунального строительства) – Валя Шувалова, Лиля Варшавская, Лена Лавровская – сошли с поезда в Самарканде, выбираясь с Северного Кавказа, откуда спасались от прорвавшихся туда фашистов.

...Студенты делились, конечно, на группы по интересам и симпа-

Н. Н. Пунин – профессор, преподаватель истории западноевропейского искусства и курса «Анализ произведения изобразительного искусства»

тиям. Я была в компании с Ирой Соколовой, Люсей Рыбаковой, Мишей Штримером, Валею Душечкиной, молодоженами Ниной и Славой Корневыми – студентами архитектурного факультета. Мы все очень бережно и заботливо (особенно, конечно, Слава) относились к Нине, ожидавшей ребенка. За полгода до отъезда в Загорск* институт поселил нас всех вместе в домике на Ташлакской улице, недалеко от школы.

В дальнейшем судьбы ребят из нашей компании сложились по-разному. В. Я. Душечкина, Л. К. Вар-

Лена Лавровская

шавская, Е. М. Лавровская работали архитекторами в ЛенНИИпроекте, В. П. Шувалова – в Ленметропроекте. Многие годы отдал студентам архитектурного факультета Института им. И. Е. Репина профессор М. А. Штример. Научными сотрудниками Русского музея стали крупнейшие специалисты – в области русского рисунка зав. отделом Л. П. Рыбакова, в области печатной графики – И. А. Соколова. Меня увлекла работа в издательстве, и я была одним из участников организации невиданного до этого в СССР экспортного издательства «Аврора». Впервые на раз-

личных иностранных языках великолепно изданные альбомы и календари знакомили за границей с сокровищами отечественного и зарубежного искусства, хранящимися во многих музеях нашей страны. А вот у окончивших архитектурный факультет Корневых жизнь пошла по иному руслу. Нину высоко ценили как экономиста в управлениях капитального ремонта Петрозаводска и Ленинграда, а Слава сначала стал чиновником – в Сортавала – председателем горсовета, затем в Петрозаводске – зам. министра Карелии. Откуда он по собственному желанию ушел и занялся литературным трудом, став известным драматургом. Эту работу он совмещал с должностью зам. главного редактора в Карелии – в журнале «Север», в Ленинграде – в журнале «Нева».

Но это все в будущем. А пока мы все – студенты, и в академии завидуют нашей веселой дружбе: ведь так приятно знать, что эти шумные друзья помогут и советом, и деньгами, и участием. Словом, как братья-сестры. Держа в руках пожелтевшие старые письма, читаю о впечатлениях и оценках тех уже давних лет. Все-таки самой замечательной из них надо признать в первую голову Люську: моя Люська выдержала все страшные испытания блокады и незаметно для себя со свойственной ей

* Ныне – Сергиев Посад. – *Ред.*

Миша Штример, приехавший в Самарканд с Ленинградского фронта. Студент IV курса архитектурного факультета

Лиля Варшавская

Эвакуационное удостоверение Н. И. Корневой

Эвакуационное удостоверение Н. И. Корневой. Обратная сторона. Отметки о выдаче продуктов (пайков)

Слава (Ростислав) Корнев

скромностью доказала, что она человек с самой большой буквы. Потом идут Ира, Валя, я, конечно, далеко от них. Нина – дело особое. Из ребят оба: кто лучше – Миша или Слава – трудно сказать. Мишка привлекает огромной общительностью, действительно многосторонней осведомленностью, весельем и остроумием. Слава, как человек женатый, солиднее, но в его чудесных голубых с пушистыми ресницами глазах такой юмор и доброта, что они сразу захватывают. Третий наш «мальчик» – Дима Яблонский – мое бывшее увлечение, конечно, менее культурен,

ниже уровнем и по душевным качествам, но, в общем, вот про него сказать можно, что при безрыбье («безмужчине») приемлем. Есть еще Лиля Варшавская, сначала кажущаяся холодной, но покопавшись, видишь, что это показное. В общем, неплохой человек. Очень здоровый, выдержанный и, безусловно, умный.

С интернациональной точки зрения мы – «смесь, ассорти» и искренно считаем себя, да и другие, пожалуй, признают – лучшей компанией в академии. Миша и Лиля – евреи, Люся – белоруска, Нинка, Дима – украинцы, Слава – 1/2 русский, 1/2 еврей, Валька, Ира, я – русские. Итого, нас было 9, и на подходе был 10-й, т. к. у Корневых (Нина и Слава) ожидалось чадо. Вся наша комната № 216 в Самарканде поискала, что у кого было, и приготовила приданое.

Мы любили гулять в старом городе, где среднеазиатский колорит – природа, люди, архитектура – слиты воедино. Бродили у древних памятников XIV–XV веков: огромной соборной мечети Биби-Ханым, могилы Тимура – Гур Эмир, обсерватории Улугбека. Поразила группа мавзолеев, знаменитая Шахи-Зинда. На фотографиях постройки казались огромными, а в действительности весь комплекс невелик, но удивительно гармоничен и наряден. Нам «повезло»: среднеазиатс-

кую архитектуру мы изучали в Ленинграде, а архитектуру XVIII–XIX веков, которой так славен Ленинград, – в Самарканде. Для нас так и осталось тайной, почему перед войной профессор Бакланов наотрез отказался брать с собой на практику в Среднюю Азию, в частности, в Самарканд, девушек-студенток, мотивируя это отсутствием там воды, когда даже в трудные годы войны город поражал обилием воды: не было затора и с питьевой, а уж по всем улицам журчали непрерывные арыки, и сам город так и остался в памяти очень зеленым, с улицами-аллеями, с солнцем, которое светило без единой тучки с мая по октябрь, а то и дольше.

Дважды на несколько дней уехали в Ургут – я, Ира, Миша – живописнейший пригород Самарканда в горах. Шли полями винограда, остановившись в заброшенном кишлаке на отдых, наблюдали камлание шамана, его танец под бубен перед узбеками. В пути видели лис, слышали вой шакалов и хохот гиен.

В Ургуте, в покинутом узбеками селении, окруженном уже немало одичавшими фруктовыми садами, устраивались на ночлег.

Проголодавшись за длинную дорогу, начинали с еды. С собой мы приносили, конечно, лепешки, кое-какую снедь и не менее килограмма мяса, которое предназначалось в первую очередь мужчине – Штримеру. Разводили костер, над ним подвешивали ведро с водой, и пока варились мясо и крупа, отправлялись собирать хворост и в изобилии висевшие и валявшиеся на земле алычу, абрикосы, мелкие яблочки. Их тоже бросали в ведро. Получалось очень вкусное, а главное – сытное нечто. Однажды Штример набрел на большую деревянную дверь с замечательным резным узором. Предстояла очень прохладная ночь в горах, и мы не пожалели красоты: эти дрова горели и дольше и жарче, чем хворост.

Вдохновленный роскошной природой Ургута, Штример избрал в дальнейшем для своего диплома проект санатория в Ургуте. Защита в институте прошла с блеском, проект был рекомендован к осуществлению, а авторские планшеты, как образец профессионального исполнения, оставлены в музее академии.

Ургут. Рисунок Р. Корнева. 1942 г.

Потрясающе красива и ароматна среднеазиатская весна: на деревьях еще нет листьев, но уже пеной цветов, от белых до розово-фиолетовых, окутаны фруктовые сады, под ногами ярко зеленеет трава, а в ней всюду, даже на плоских крышах кишлаков, дикие красные маки. Чуть позже расцветают огромные, высокие деревья – белые акации.

Перед 1 мая 1943 года я и Люся Рыбакова задумали поездку в Бухару. Денег у нас не было, но знающие люди посоветовали взять в долг и купить несколько килограммов изюма, продать его в Бухаре, где он стоил гораздо дороже, а вырученными деньгами затем и погасить долг. Сказано – сделано. Только коммерсантами мы оказались плохими: увидев в Бухаре на базаре наших архитекторов-аспирантов – Сперанского и Короля – мы страшно застеснялись. Скрываясь от них и выждав, пока они уйдут с рынка, взяла напрокат весы и быстро расторгнула весь изюм, но по цене гораздо более низкой, чем даже в Самарканде. Недаром к нам мгновенно выстроилась очередь! Однако мы были счастливы, что отделались от груза.

В Бухаре мы излазили все архитектурные памятники, потом решили посмотреть, как выглядит среднеазиатская баня. Она находилась под землей, а на поверхности были видны только купола. Вместе с тем очень хотелось и самим помыться. Но сделать этого не уда-

лось: среди длинных женских волос (обычно узбечки вплетали длинные съёмные косички) на полу в мутной беловатой воде ползали ребятишки; страшно пахло кислотной – оказывается волосы узбечки мыли катыком (обезжиренный творог), так как вода была жесткой. Мы предпочли ретироваться.

Обратно в Самарканд 1 мая ехали бесплатно и весело: вагон был переполнен, но празднично настроенные люди помогли нам с Люсей забраться в тамбур, и там с шутками и прибаутками доехали, как показалось, очень быстро. Дома с удивлением обнаружили, что все студентки ходят в новых платьях, хотя мы отлично знали, что достать материю было негде, а на базаре она стоила очень дорого. Вместе с тем во всех этих обновлениях было что-то очень знакомое. Оказалось, что обтягивавшую матрасы полосатую материю содрали, выкрасили в розоватой воде, оставшейся от обновления цвета флагов, которые по праздникам вывешивали на здании школы и уличных столбах. Платья скроили и растрафарили узорами, каждый – по собственному вкусу. Опыт работы в «балантерии» пригодился!

...Пожалуй, не было в Самарканде такого человека, который бы не думал о фронте, не ощущал войну. Возвращавшихся на учебу демобилизованных засыпали вопросами, изредка получаемые письма

с фронта «счастливчик» часто читал вслух сгрудившимся вокруг него. Радио слушали по несколько раз в день, собравшись у круглого, плоского, из черной бумаги репродуктора – такой теперь можно увидеть лишь в музее или кинохронике тех лет. Из него, из сводки Совинформбюро, впервые узнали и о «котле» под Сталинградом. Слушали с жадностью, в узком коридоре не хватало места, всем хотелось не пересказа с чьих-то слов, а самим услышать от диктора, от Левитана. Передавали часто, дополняя все новыми и новыми победными подробностями. Как мы ликовали! Чувствовалось, что победа – огромнейшая! Конечно, ее истинные размеры узнали некоторое время спустя. Сводками Совинформбюро жили каждый день.

В академии выпускались замечательные стенгазеты: основные темы – местные, о нашем житье-бытье, но здесь же, рядом вывешивали отличные политические плакаты, особенно запомнились выполненные Пен Варленом, тогда еще студентом-живописцем.

...В блокированном Ленинграде Миша Штример слышал исполнявшуюся впервые Седьмую симфонию Шостаковича. Она произвела на него сильнейшее впечатление, и как-то он нам очень образно рассказал об этом, напел и нарисовал лейтмотив визгливого наступления фашистов и нашей победной мелодии. Так и запомнилось: сидим в школьном саду под кирпичной стеной, темнеет, тепло, крупные звезды – и эта симфония. Когда потом услышала по радио – сразу узнала: она!

В старом городе в кино бывали нечасто, но бывали, особенно если показывали хоть что-то связанное по теме с Ленинградом. Совершенно потряс фильм «Ленинград в блокаде»: те, кто побывал там, снова начали ворошить недавнее, а те, кто не был... – ревели все, всю длинную дорогу обратно.

И если Ленинград был на передовой линии фронта, то здесь, в Самарканде, как и во всех городах страны, действовал неписанный закон военного времени: «Фронт и тыл – едины!» Об этом же зывали многочисленные плакаты на улицах.

Окончание в следующем номере

Несостоявшийся губернатор Ленинграда

(по материалам архива УФСБ СПб и ЛО)

С. К. Бернев

В годовщину 60-летия со дня Победы в Великой Отечественной войне хотелось бы рассказать об уникальном уголовном деле «настоящего» немецкого агента. Эти документы удалось обнаружить в архиве УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в ходе изучения деятельности отечественных органов безопасности в период Великой Отечественной войны. Их уникальность состоит в том, что в отличие от других сотен арестованных Управлением НКВД ЛО немецких агентов именно этому «фигуранту» поручалось стать губернатором Ленинграда. Выбор был не случайным, поскольку шпион работал на немецкую разведку с 1916 года. В основном немецкие и финские агенты, которых обезвреживали ленинградские контрразведчики, были из числа бывших военнослужащих Красной армии, попавших в плен и согласившихся пройти обучение в немецких и финских разведшколах, реже – из гражданских лиц и эмигрантов. Но ни красноармейская форма, ни хорошо подделанные документы не могли их спасти от разоблачения, и в том была большая заслуга ленинградских контрразведчиков...

В начале 1943 года контрразведывательный отдел Управления НКВД по Ленинградской области вышел на след некоего Круглова, который, по предварительной информации, был связан с зарубежными белоэмигрантскими кругами и немецкой разведкой. В результате оперативно-розыскных мероприятий Круглов был разыскан и 26 января 1943 года арестован.

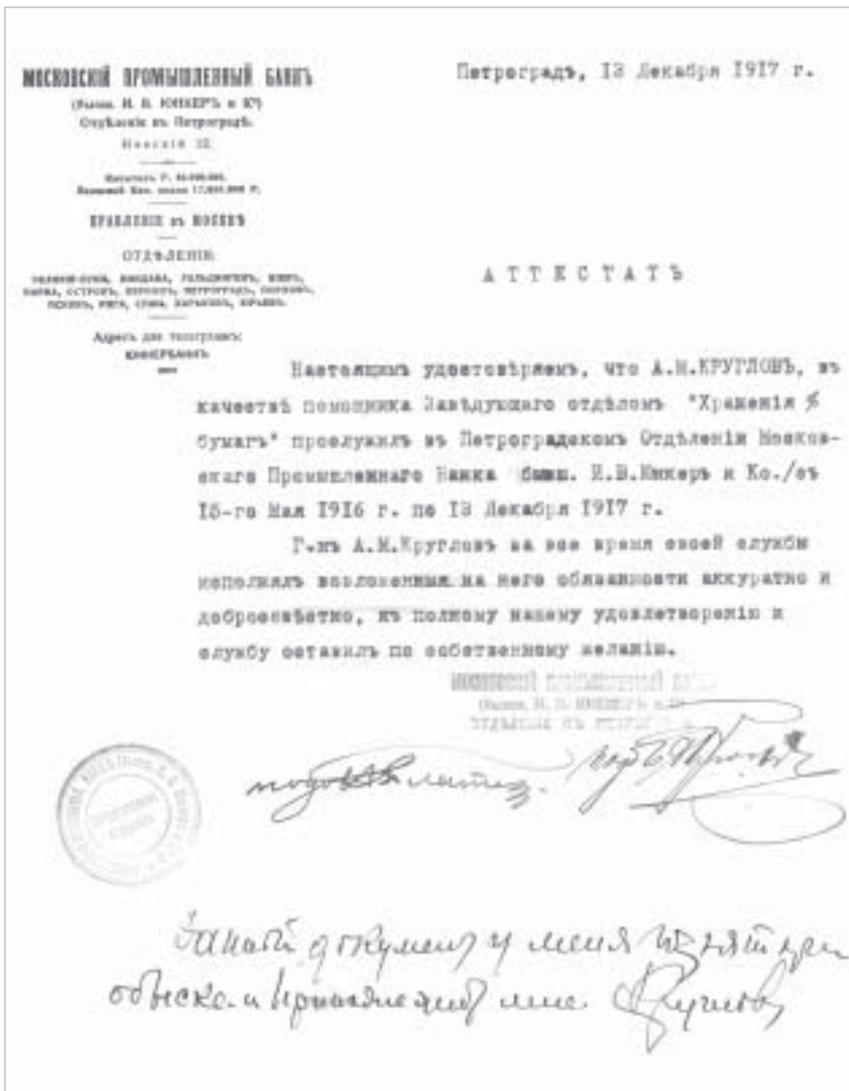
Алексей Михайлович Круглов, 1886 года рождения, окончивший Петербургский филологический и Петроградский богословский институты, старший ревизор-инспек-

Тюремная фотография А. М. Круглова

тор Ленинградского городского отдела народного образования, проживал в Ленинграде, на Смольном проспекте, в доме № 6¹. На следствии Круглов рассказал, что он выходец из семьи торговца-промышленника и был воспитан в духе ненависти к советской власти. По своим политическим взглядам он был монархистом и до Октябрьской революции жил весьма безбедно. После окончания Петербургского филологического института в 1911 году Круглов по протекции генерала Александра Федоровича Товарова, заместителя наместника графа Воронцова-Дашкова, поступил в банк «И. В. Юнкер и К^о», который находился на Невском пр., д. 12, в качестве помощника заведующего отделом депо акций и фондов. Круглов добился больших успехов по службе и уже с 15 мая 1916 года был назначен на должность помощника заведующего отделом хранения процентных бумаг. Затем тот банк купил московский купец Николай Александрович Второв, и он стал называться Мос-

ковским промышленным банком. Круглов много зарабатывал и был связан с крупными финансистами – Дмитрием Львовичем Рубинштейном, Николаем Александровичем Второвым и некоторыми другими. Работая в банке, Круглов сколотил капитал в 250–300 тысяч рублей. Поэтому естественно, что Октябрьскую революцию и образование Советской Республики он воспринял враждебно. Все мероприятия, которые проводило советское правительство и партийные органы, воспринимались им враждебно и критиковались с антисоветских позиций. Нападение Германии на СССР было им воспринято с большим сочувствием к гитлеровцам и надеждой на то, что фашистам удастся разрушить СССР и восстановить в России монархию. Его уверенность в победе Германии подкреплялась тем, что в первые месяцы войны Красная армия была вынуждена отступать и дала возможность немецкой армии захватить значительную часть территории СССР. Круглов ожидал, что

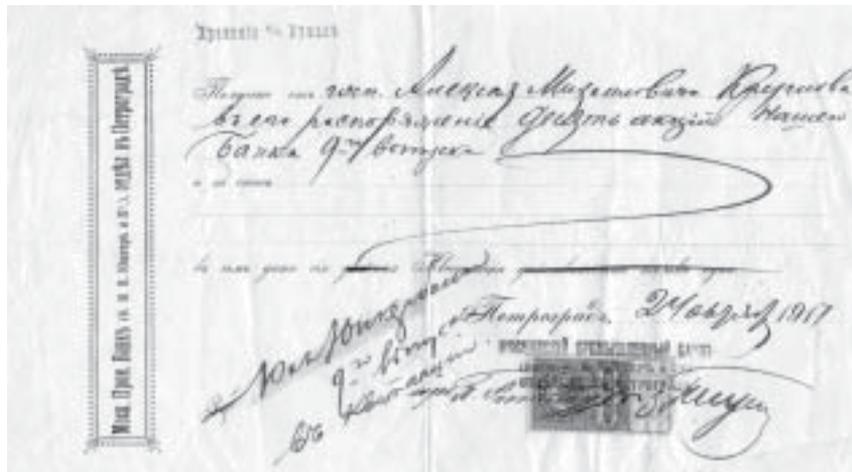
зависел от Круглова, то Цурмилен установил с ним дружеские отношения, которые поддерживались до его отъезда за границу накануне Октябрьской революции. Сам же Круглов был весьма заинтересован в близких отношениях с Цурмиленом, потому что он имел большое влияние на хозяина банка – Генриха Федоровича Гатлиха, от которого зависела его служебная карьера. Цурмилен же ценил и уважал Круглова за его положение и знание конъюнктуры на бирже, которое способствовало успешному завершению его финансовых операций и приносило большие доходы. В дальнейшем для Круглова Цурмилен стал близким человеком, и они были друг с другом откровенны.

Как-то раз накануне очередной поездки в Норвегию летом 1916 года в уединенной беседе, происходившей в помещении банка на Невском проспекте, в доме № 12, Цурмилен сказал Круглову, что он продолжительное время связан с германскими разведывательными органами и хотел иметь в его лице своего помощника. Долголетняя работа в немецком банке связала Круглова с немецкими деловыми кругами и их интересами, поэтому предложение Цурмилена о сотрудничестве в пользу Германии Кругловым было сразу принято, так как им руководило желание занять лучшее положение, чем то, которое у него было. Банк «И. В. Юнкер и К^о», со слов Круглова, являлся «немецким шпионским банком», и вклады в нем размещали в основном германские акционеры, русских ак-

падение Ленинграда должно произойти в ближайшем будущем, а с установлением фашистской власти в городе хотел предложить свои услуги немцам для дальнейшей борьбы с советским строем. Будучи глубоко религиозным человеком, Круглов ежедневно молил Бога о победе Германии и гибели большевиков. Он негодовал, что немцам не удалось захватить Ленинград, несмотря на длительную его блокаду. Однако не терял надежды на то, что город будет захвачен в ближайшее время...²

Круглов рассказал, что еще в 1916 году он стал агентом немецкой разведки и занимался шпионской работой в пользу Германии как до Октябрьской революции, так и позже. Он познакомился с консулом Г. Г. Цурмиленом. В справочнике «Весь Петроград» за 1916 и 1917 годы в разделе «Министерство иностранных дел» указано, что

статский советник фон Цур-Мюлен Герман Гаспарович являлся консулом в г. Гаммерфесте (Норвегия) и был клиентом банка «И. В. Юнкер и К^о». Так как успех финансовых операций на бирже

Вексель А. М. Круглова

ционеров было очень мало. Среди акционеров была и сама императрица Александра Федоровна. Цурмилен был доволен согласием Круглова служить и помогать ему, потому что он не мог часто приезжать из Норвегии в Петроград³.

Необходимо отметить, что созданное в Российской империи в начале XX века разведочное отделение районом своей деятельности избрало Петербург и его окрестности. Это было связано прежде всего с тем, что главными исполнителями разведывательной деятельности являлись военные агенты (атташе) иностранных государств, аккредитованные в столице Российской империи. Особый подъем шпионажа в России был связан с Первой мировой войной, когда значительно активизировалась деятельность иностранных разведок, которые расширяли поле своей подрывной деятельности в России, не ограничиваясь только территорией столицы. Для прикрытия иностранные разведки активно использовали различные торговые фирмы, банки и акционерные общества. Например немецкая торговая фирма «Кунст и Альберс», которая имела свои конторы в Петрограде, Москве, Одессе, Ревеле, Варшаве и других местах, русскими служащими называлась «университетом шпионажа». Сотрудники фирмы «Зингер», распространявшие свои швейные машины, получили от немецкой разведки летом 1914 года задание сообщать за вознаграждение сведения о российских вооруженных силах. Военный шпионаж проводился также и под прикрытием различных добровольных обществ и благотворительных организаций. В самом Петрограде контрразведка столкнулась с подрывной деятельностью около двадцати немецких добровольных обществ⁴.

Первое поручение Цурмилен дал своему агенту в 1917 году. Желание Круглова помогать консулу и действовать в пользу Германии было вызвано тем, что в России назревала революция и, вращаясь среди видных представителей правительственных кругов, членов Государственной думы, он знал, что царское правительство не в состоянии будет подавить революцию.

Полиен Антонович Ярмолович

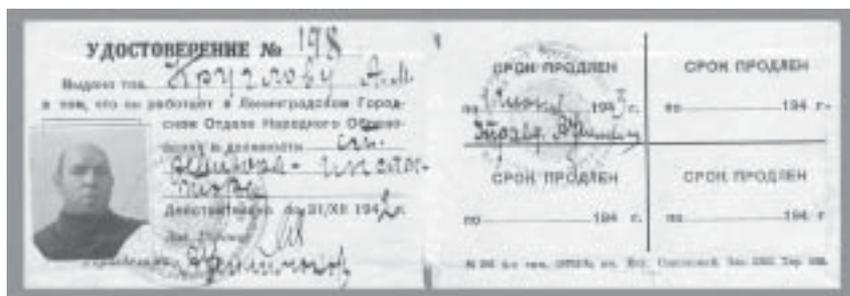
Он считал, что нужно ориентироваться на помощь Германии.

В 1917 году Круглов сообщил германской разведке сведения о мероприятиях Временного правительства: продолжать войну «до победного конца», о боеспособности фортов на Финском заливе и об остатках ценностей, находившихся в распоряжении иностранных фирм. Сведения об укреплении фортов Круглов получил от члена Государственной думы Полиена Антоновича Ярмоловича⁵, с которым весной 1917 года его познакомил товарищ по учебе Борис Петрович Кладо и с которым он не порывал связи до ноября 1941 года. В то время Ярмолович состоял в кадетской партии, но был убежденным монархистом, членом Государственной думы и при Временном правительстве (будучи к нему в оппозиции) принимал участие в различных правительственных комиссиях. Он организовал специальную комиссию по проверке состояния фортов в Финском заливе. О результатах обследования Ярмолович в июле–августе 1917 года проинформировал Круглова, при этом он дал оценку состоянию фортов отрицательную и заявил, что огромные затраты на

повышение их боеспособности не достигли цели⁶.

Цурмилен интересовался богатством Керенского и поручил Круглову узнать о его финансовом состоянии. Это задание Круглов выполнил благодаря своим связям в Азово-Донском банке (Морская ул., д. 3/5) и узнал, что у них на счету Александра Федоровича Керенского находится один миллион четыреста тысяч рублей, которые он приобрел за время своего шестимесячного премьерства. Круглов квалифицировал это как кражу государственных денег, и им был поставлен вопрос о наложении ареста на эту сумму. Сам Круглов в 1917 году успел перевести в швейцарский банк через транспортную контору «Лярс Крогнус» около 11 тысяч рублей. Возможно, что тот вклад, обросший процентами, до сих пор хранится в одном из швейцарских банков и подлежит, согласно приговору суда о конфискации лично принадлежащего имущества, передаче в доход уже Российской Федерации. В дальнейшем Круглов надеялся выехать за границу и купить виллу в Швейцарии, но этому препятствовала его мать, которая не хотела жить за границей.

Круглов на основании получаемых от Ярмоловича сведений составлял письменные донесения, которые передавал приехавшему из Норвегии Цурмилену. Уезжая накануне Октябрьской революции в Норвегию, Цурмилен передал Круглова для оперативной связи резиденту германской разведки Юлии Федоровне Крон. Согласно справке УНКВД ЛО за 1943 год, Крон Ю. Ф. была арестована ПП ОГПУ в ЛВО в Ленинграде в 1929 году. Она была родной сестрой бывшего владельца банка «И. В. Юнкер и К^о». Круглов предоставлял Ю. Ф. Крон сведения шпионского характера, интересо-

вавшие Германию, вплоть до ее ареста. В 1924–1926 годах Крон поручала ему составление литературных докладов о жизни в СССР и его обороноспособности. О своем докладе 1926 года Круглов сказал: «Эту работу я писал долго, почти два месяца, и эта работа явилась ценным вкладом, но только не для Германии 1926 года, а нынешней фашистской Германии». В своих работах Круглов написал обо всем, что знал: о различных мероприятиях советского правительства, положении крестьянства и рабочих, служащих, интеллигенции и духовенства. Описал трудности жизни в СССР, снабжение, промышленное и финансово-экономическое положение, а также боеспособность Красной армии и флота.

В 1928 году на одной из встреч у Исаакиевского собора Крон познакомила Круглова с Карлом Шмидтом, который был немецким подданным, и рекомендовала его как своего человека. В дальнейшем Круглов поддерживал связь с Шмидтом и другими представителями немецкой разведки вплоть до 1941 года.⁷

Согласно показаниям Круглова, 15 декабря 1942 года к нему домой прибыл человек в форме лейтенанта Красной армии и сразу же осведомился, кто он, и только после этого представился Василием Михайловичем Багратион-Мухранским. Это и был представитель германского командования. Круглов его очень приветливо встретил,

после чего у них была продолжительная беседа с 5 часов вечера до 3 часов ночи.

Багратион-Мухранский показал Круглову командировочное удостоверение, где была указана фамилия Боровский или Борковский и приложена печать воинской части. О месте перехода линии фронта Круглов не интересовался, так как считал для себя неудобным интересоваться этим вопросом. Однако Багратион-Мухранский сказал, что при переходе линии фронта его сопровождал провожатый, и отметил, что в местах перехода у них есть «свои» люди, которые и осуществляют всю технику безопасного перехода в Ленинград и обратно. Багратион-Мухранский сообщил ему, что прибыл в Ленинград из Варшавы по поручению германского командования и хотел детально ознакомиться с положением Ленинграда в связи с предстоявшим в 1943 году большим весенним наступлением немецких войск на Ленинград. Он подробно интересовался эффективностью артиллерийских обстрелов и бомбежек, производимых немецкими войсками по городу, физическим и моральным состоянием населения после изнурительной блокады Ленинграда, спрашивал, много ли жителей осталось в городе и кого эвакуируют в глубь страны. Его также интересовала интенсивность обновления армии, большой ли приток нового пополнения и вооружения, какие предприятия продолжают выпускать оборонную

продукцию. На часть из заданных вопросов Круглов дал ответы, поскольку он интересовался этими вопросами раньше. И при этом Круглов высказал свое недовольство германским командованием за то, что оно не сумело использовать критический момент положения в городе в декабре 1941 года – начале 1942 года, когда сопротивляемость Красной армии, по его мнению, была исключительно слабая и Ленинград можно было захватить без особых усилий. Багратион-Мухранский разъяснил Круглову, что в тот момент германские силы были сконцентрированы под Москвой, а после полученного ими там поражения часть немецких войск с Ленинградского фронта была переброшена на Центральный фронт для ликвидации прорыва. А весной и летом 1942 года германские войска были переброшены на юг и активных наступлений на Ленинград осуществить не могли, и, со слов Багратион-Мухранского, германским командованием начата подготовительная работа к весеннему штурму Ленинграда. Действительно, судя по материалам архива УФСБ СПб и ЛО, немецкая полиция безопасности «СД» в Гатчине готовила ряд подразделений для будущей работы в Ленинграде в период лета 1942 – начале 1943 года. Так, в Гатчинском парке с середины 1942 года несколько месяцев действовала школа «Ленинград», которая готовила различных мелких чиновников и начальников полицейских участков для работы в захваченном Ленинграде. Руководил этой школой заместитель начальника отдела Гатчинского «СД» лейтенант немецкой армии Николай Николаевич Рутченко (бывший ленинградец, бежавший с фашистами и изменивший фамилию на Рутыч, а ныне – историк, публикующий свои книги в Москве*, проживает в Париже). Он же вербовал из лагерей военнопленных под Ленинградом ленинградцев, из которых создал роту «СД», готовившуюся для агентурной работы в Ленинграде, но в основном использовав-

* Н. Рутыч – также постоянный автор петербургского журнала «Новый часовой». – *Ред.*

шуюся для борьбы с советскими партизанами и парашютистами. В середине 1943 года рота выехала в Прибалтику в местечко Сужи-Мужи, где находилась школа «СД», и уже оттуда выезжала в различные города Прибалтики для ликвидации еврейских гетто. Сам же «историк» любил расстреливать людей в Гатчинском парке, о чем старается нигде не вспоминать. А чем он занимался при ликвидации еврейских гетто, куда выезжал вместе со штабом «СД», видимо, Рутыч не расскажет по понятным причинам, ведь там погибли десятки тысяч людей⁸.

Багратион-Мухранский рассказал Круглову, что германское командование хорошо осведомлено о его деятельности в пользу Германии и что от имени германских властей ему поручено предложить Круглову занять пост губернатора Ленинграда после его оккупации немецкими войсками. Круглов на это предложение согласился и получил от имени германских властей от Багратион-Мухранского некоторые общие установки по структуре управления губернаторством и о тех мероприятиях, которые они должны будут провести вслед за оккупацией Ленинграда⁹.

Прежде всего Багратион-Мухранский обратил внимание на то, что Ленинград должен будет стать столицей оккупированной России и переименован в Санкт-Петербург, а образованное вновь Санкт-Петербургское губернаторство должно стать образцовым, подавая пример другим губернаторствам в оккупированной России. Со слов Багратион-Мухранского, губернатор будет подчиняться Верховному комиссару германского правительства. По германским планам вся власть в городе и губернии должна была сосредоточиться в руках губернатора, а работа губернаторства должна быть направлена на оказание максимальной помощи немецким войскам в войне с большевиками. Административно-хозяйственный аппарат планировалось подобрать в основном из немцев и бывших белоэмигрантов. Из проживавших в Советской России к управлению предполагалось привлекать только тех, кто активно боролся с советской властью, в частности, из среды старой

интеллигенции, часть которой враждебно была настроена к советской власти. Багратион-Мухранский указал Круглову на необходимость продумать структуру управления губернаторством с расчетом того, чтобы она способствовала быстрейшему восстановлению нормальной хозяйственной жизни в городе и чтобы население города было мобилизовано на выполнение приказов германского командования. При этом отмечалась необходимость обратить особое внимание на организацию фильтрации населения города и его окрестностей, чтобы избавиться от всякой «большевистской заразы»...¹⁰

Вопросу фильтрации населения после оккупации города Круглов придавал большое значение. Он предлагал создать специальный комитет при губернаторстве, который возглавил бы вместе с полицией всю фильтрацию населения города. Весь город предполагалось разбить на отдельные участки, где создать отделения полиции. Эти отделения под руководством городского управления полиции и комитета по борьбе с политическими врагами должны были проводить фильтрацию всего населения. Для осуществления той цели все взрослое население с 15-летнего возраста должно заполнять специальную опросную анкету, заверяя ее одним поручителем из врагов советской власти, приложить документы, удостоверявшие правильность анкет-

ных данных, и все это необходимо было сдавать в участковое отделение полиции для просмотра и проверки. При представлении документов особую ценность из них имели те, которые характеризовали бы человека, как ущемленного советской властью, или удостоверяли то, что человек был сторонником и деятелем царского самодержавия¹¹.

Характер опросной анкеты должен был полностью осветить его социально-политическое лицо. Предполагалось, что анкета будет содержать сведения о биографических данных, партийности, участии в общественных организациях и общественной работе, о выборах должностях, кто из родственников находился в Красной армии и на службе в советских учреждениях, каким репрессиям подвергался при советской власти, о последнем месте работы проверяемого и его месте жительства. Если проверяемый работал в каком-либо учреждении или на предприятии, то по месту работы он должен был бы заполнить аналогичную анкету.

Предполагалось, что проверка заполненных опросных анкет будет проводиться организованными при участковых отделениях полиции комиссиями из представителей комитета по борьбе с политическими врагами и полиции. В комиссии должны были включить представителей жильцов дома на время проверки его населения. Эти представители от жильцов удостоверяли бы правильность заполнения анкет. То же самое делалось бы и на предприятиях. Таким образом, те, кто работал на предприятиях, подвергались бы двойной проверке.

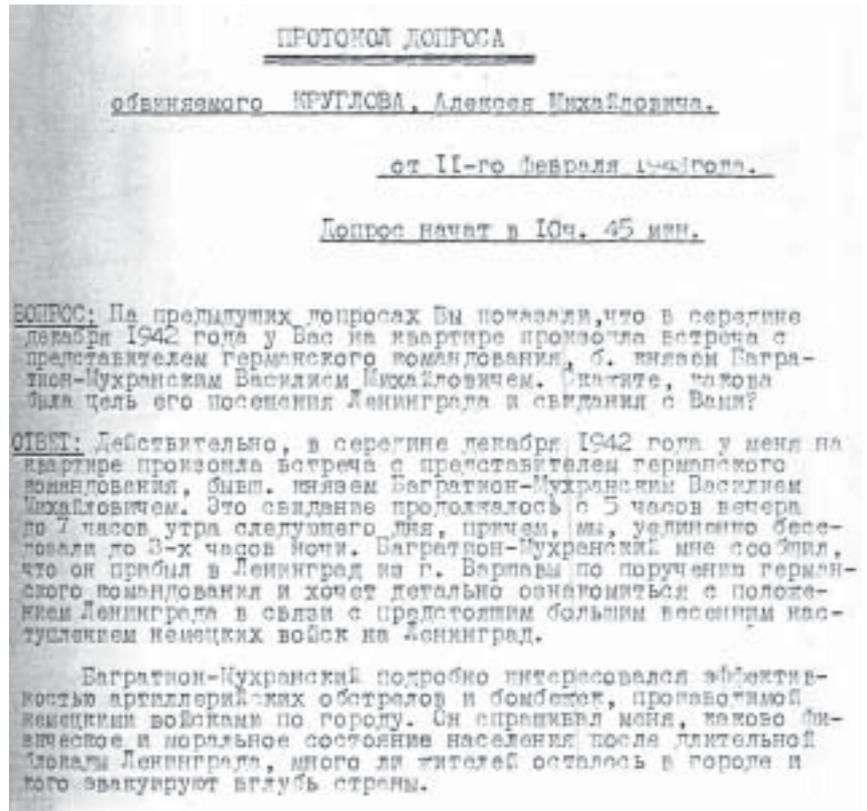
Со всеми выявленными советскими патриотами Круглов как губернатор должен был проводить беспощадную борьбу по фашистским правилам. Особо ожесточенную расправу он хотел учинить над коммунистами, комсомольцами и евреями, для которых должна была быть одна мера: расстрел или виселица. Круглов считал, что никакого судебного разбирательства или следствия над советскими патриотами делать не нужно, а расправляться с ними следовало по законам военного времени, то есть уничтожать. Непосредственное

выполнение расправ над советскими людьми возлагалось бы на полицию по указанию губернатора и комитета по борьбе с политическими врагами¹².

Когда Круглов задал Багратион-Мухранскому вопрос, на какие кадры рассчитывает германское правительство для работы в губернаторстве, тот ответил, что германскими властями составлен персональный список будущего губернаторства, причем в него вошло много бывших русских белоэмигрантов и ряд лиц, проживавших в то время в Ленинграде и имевших связь с германскими разведывательными органами. Из русских белоэмигрантов он назвал князей Оболенского, Белосельского-Белозерского, барона Медема. Вероятно, имелся в виду зондерфюрер Николай Николаевич фон Медем, сын Николая Николаевича фон Медема, бывшего псковского губернатора (1911–1915) и губернатора Петрограда (1915–1916), который работал в отделе немецкой пропаганды. Осенью 1941 года он был редактором фашистской газеты «За Родину» в г. Дно¹³, а в 1942 году стал редактором более крупной газеты «Северное Слово» в г. Ревеле¹⁴, Успенского и себя – Багратион-Мухранского Василия Михайловича. Из лиц, проживавших в Ленинграде и имевших связь с германской разведкой, Багратион-Мухранский назвал Владимира Александровича Гартмана, Иосифа Николаевича Надененко и самого Круглова. Все бывшие русские белоэмигранты были известны Круглову по работе в дореволюционное время, и лица, проживавшие в Ленинграде, также были ему хорошо знакомы с давних пор по совместной работе¹⁵.

От Багратион-Мухранского Круглов получил задание связаться с В. А. Гартманом и И. Н. Надененко и предупредить их о том, что они включены в состав губернаторства. Багратион-Мухранский также предложил Круглову совместно с Гартманом и Надененко подбирать кадры для будущего губернаторства, а также вести с ними работу по оказанию помощи немецким войскам в период оккупации Ленинграда.

Следующим утром, в 7 часов, Круглов проводил Багратион-Мухранского до остановки трам-

вая, что на углу пр. 25 Октября (Невского пр.) и пр. Володарского (Литейного пр.). Он сел в трамвай № 9 и поехал в направлении Нарвских ворот. Некоторым близким знакомым Круглов рассказал, что он при установлении фашистской власти в Ленинграде будет занимать большой административный пост. Он говорил: «...если вы увидите по Невскому едет автомобиль или карета со свастикой, то знайте, что в них еду я. Смело снимайте шляпу и подходите»¹⁶.

В соответствии с указаниями Багратион-Мухранского Круглов наметил объехать своих знакомых единомышленников и встретиться с Гартманом и Надененко, но не успел, ему помешала болезнь.

В ходе следствия следователь поинтересовался у Круглова, как Багратион-Мухранский узнал его адрес и как он смог опознать его, так как видел последний раз в возрасте 15–17 лет в 1917 году. Круглов пояснил, что за три дня до прихода В. М. Багратион-Мухранского к нему приходил родственник его жены – Владимир Сергеевич Дорошевский. Муж сестры его жены Леонид Петрович Дорошевский приходился ему дядей. До присоединения в 1940 году к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии

В. С. Дорошевский работал директором гимназии в г. Белостоке. Осенью 1940 года он приезжал в Ленинград к своему дяде, где и встречался с Кругловым и его женой. Во время той встречи с В. С. Дорошевским Круглов просил его установить адрес Г. Г. Цурмилена или его семью, передать ему привет и сказать, что «я свою деятельность, связанную с Германией, продолжаю до сего времени». Кроме того, он просил еще установить адрес князя Василия Михайловича Багратион-Мухранского. Просьбу Круглова Дорошевский пообещал выполнить, так как непременно хотел попасть в Берлин. Дорошевский был женат на дочери Пилсудского и после оккупации Белостока германскими войсками смог попасть в Берлин и встретиться с князем Багратион-Мухранским (проживал на ул. Фридрих-штрассе, 15), которому и сообщил ленинградский адрес Круглова.

В. С. Дорошевский, бывший у Круглова 12 или 13 декабря 1942 года, предупредил, что к нему обязательно прибудет из Германии князь В. М. Багратион-Мухранский, который имеет поручение от германского командования, причем этот приход должен быть в ближайшие три-пять дней. Кроме того, В. С. Дорошевский интересо-

вался своими дядями, Л. П. Дорошевым и М. И. Макаревским, которые к тому времени уже умерли. В. С. Дорошевский рассказал Круглову, что пришел из Царского Села, через Лигово, а потом проходил линию фронта в направлении Нарвской заставы...¹⁷

8–9 апреля 1943 года Военный трибунал войск НКВД Леноокруга и охраны тыла Ленфронта в закрытом судебном заседании в Ленинграде рассмотрел дело по обвинению А. М. Круглова и признал виновным в том, что «Круглов Алексей Михайлович в 1916 году, являясь начальником отдела немецкого банка «Юнкер и К^о», норвежским послом Цурмиленом Германом Гаспаровичем был завербован для шпионской деятельности в пользу Германии и с последним был связан до Октябрьской революции 1917 года. С момента восстановления Советской власти Круглов, как ярый враг ее, продолжил свою шпионскую деятельность в пользу Германии до момента его ареста по данному делу и был связан с агентами немецкой разведки до 1930 года – Крон Юлией Федоровной, а в дальнейшем с Шмидтом Карлом и Вересиным

Иваном Андреевичем... В декабре 1942 года Круглов установил связь с германским командованием через его представителей, нелегально прибывших в город Ленинград на его квартиру, Дорошевского Владимира Сергеевича и князем Багратион-Мухранским Василием Михайловичем, которым передал шпионские сведения об условиях прошедшей зимы в городе Ленинграде, обороноспособности города Ленинграда, о воинских частях, о предприятиях оборонной промышленности, о моральном состоянии населения и результатах артобстрелов и бомбежек Ленинграда. В то же время через Багратион-Мухранского дал свое согласие немецкому командованию при оккупации немецкими войсками города Ленинграда занять пост губернатора г. Ленинграда и предложил программу действий будущего губернаторства по уничтожению всех коммунистов, комсомольцев и евреев в городе Ленинграде...», то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58-1а УК РСФСР, и приговорил к высшей мере наказания с конфискацией всего имущества и ценностей, лично ему принадлежавших. Приговор был

окончательный и обжалованию не подлежал. 14 апреля 1943 года приговор привели в исполнение¹⁸.

Планы немецкого шпиона стать губернатором города Ленинграда не сбылись, так же как и других таких же, как он, предателей Родины, служивших в гитлеровских частях и РОА.

Если представить хоть на минуту, что Круглов стал губернатором Ленинграда, то сколько ленинградцев было бы расстреляно или повешено. Если судить по процедуре фильтрации немцами лагерей, в которые было согнано население пригородов Ленинграда, то немцы действительно расстреливали всех евреев, цыган, коммунистов, комсомольцев, сотрудников НКВД. Да и оставшихся в живых кормить бы просто так не стали...

Обезвреживая немецкую и финскую агентуру, занимаясь разведработой как в ближнем, так и глубоком тылу противника, решая другие проблемы обеспечения государственной безопасности в период Великой Отечественной войны, сотрудники Управления НКВД по Ленинградской области тем самым внесли весомый вклад в победу над фашистской Германией.

¹ Архив Управления ФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. 38706. Л. 5.

² Там же. Д. 38706. Л. 17.

³ Там же. Д. 38706. Л. 30.

⁴ Яковлев Л. С. Контрразведка России накануне и в годы Первой мировой войны. Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород. 1999. С. 26–34.

⁵ Ярмолевич Полиен Антонович. Родился в 1871 г. Потомственный почетный гражданин. Коллежский ассессор. По окончании Вольнской духовной семинарии поступил вольнослушателем в Варшавский университет. В 1894 г. состоял учителем церковно-приходской школы и в том же году поступил на государственную службу по судебному ведомству в Ровенском округе Вольнской губернии. С 1896 г. состоял членом отделения училищного совета, с 1896 г. – членом отделения училищного совета, а с 1904 г. – председателем ровенского Александро-Николаевского братства. Член Ровенского сиротского суда по избранию. См. 4-й созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. 1912–1917. С.Пб., 1913.

⁶ Архив Управления ФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. 38706. Л. 30.

⁷ Там же. Д. 38706. Л. 35–36.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 43 об.

¹⁰ Там же. Л. 46.

¹¹ Там же. Л. 46 об.

¹² Там же. Л. 50–50 об.

¹³ Немецкая оккупационная газета «За Родину» (Дно). 1941. 9 окт. № 29. Выходила под редакцией Н. Н. ф. Медем.

¹⁴ В показаниях некоего Ю. В. Галья отмечалось: «В редакцию антисоветской газеты “Северное слово”, издававшейся в г. Ревель, я поступил при помощи народного артиста РСФСР Печковского Н.К. Печковский, зная, что я пишу стихи, рекомендовал меня редактору этой газеты – зондерфюреру барону фон Медем. Он работал в отделении пропаганды в Восточных областях. Со слов Медем мне известно, что он сын бывшего генерал-губернатора в г. Пскове, а дядя его якобы был генерал-губернатором в г. Москве. В период революции он был вывезен во Францию родителями» (Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. 46436. Показания Галья Ю. В. Л. 35).

¹⁵ Там же. Д. 38706. Л. 56.

¹⁶ Там же. Л. 59.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Там же. Л. 219–220.

Воспоминания о блокадной зиме

В. И. Довгер

День 22 июня 1941 года застал нашу семью, состоявшую из моих родителей, меня, окончившего 1-й класс школы, и полугодовалого брата, на снимаемой у местного населения даче в отвоеванном у Финляндии поселке Райвола, вблизи нынешнего Зеленогорска. Мы занимали одну комнату. Соседние комнаты занимали другие дачники. Было чудесное летнее утро. Все собирались на прогулку в лес. Неожиданно в полдень по радио объявили о начале войны. Помню испуг новых хозяев дачи (русских, получивших, видимо, даром свой дом), охвативший их при мысли о возможной расправе с ними финнов, которые – а вдруг? – вернутся обратно. В тот же день все дачники возвратились в Ленинград. Хозяева дачи тоже выехали, они жили несколько дней вместе с нами в нашей комнате в коммунальной квартире в городе.

Вскоре моя мать с двумя маленькими сыновьями переехала в Череповец. Местные власти предоставили нам отдельную отремонтированную комнату. Но мой полугодовалый брат Женя тяжело заболел дизентерией. И мы были вынуждены вернуться в Ленинград. По мнению моих родителей, только ленинградские врачи-гомеопаты могли спасти ребенка. И спасли. Правда, впоследствии он неоднократно страдал по этой части.

Когда наш поезд стоял на какой-то большой станции, на ней скопилось несколько эшелонов с артиллерией. Вдруг все увидели на горизонте маленький немецкий самолет, по-видимому, разведчик. На станции поднялась тревога, забегали люди, и эшелоны начали поспешно отъезжать. Отъехали и мы. Наш пассажирский поезд, провавшийся в Ленинград в конце августа, был, вероятно, предпоследним из пришедших в город до наступления блокады.

Первые дни по возвращении мы не испытывали особой тревоги. Продуктов по карточкам выдавали много, воздушные тревоги, хотя и объявлялись, но бомбежек не было. Электричество, радио, водопровод, транспорт и поликлиники функционировали нормально. Мне быстро залечили случайные травмы, полученные в дороге. Я уже не помню, в какой день лета или осени было объявлено по радио о том, что мы становимся союзниками с Англией и Америкой. Помню толпы народа перед большими трубами репродукторов и возникшие надежды на скорое окончание войны. Первого сентября я попробовал пойти во второй класс, но двери школы оказались закрытыми.

Восьмого сентября многое резко изменилось. Первая бомбардировка Ленинграда. Мы все спустились в газоубежище в подвале нашего дома, находившегося на севе-

8 сентября 1941 г. Первый вражеский налет на Ленинград.
Художник Н. А. Павлов

ро-восточном углу Пионерской улицы и Геслеровского (ныне Чакаловского) проспекта, дом 47 по Пионерской. Сейчас ему присвоен номер 37. Поскольку не исключалась возможность применения в войне отравляющих газов, многие бомбоубежища оборудовались мощными газовыми фильтрами с электрическими и ручными насосами и назывались газоубежищами. Почти у каждого имелся фосфоресцирующий (не радиоактивный) значок. После прекращения подсветки он некоторое время светился. Возможно, эти значки позволяли людям не наталкиваться друг на друга при перебоях в освещении. Бомбардировка была весьма интенсивной. Когда ночью после отбоя воздушной тревоги мы вернулись домой, видимый из окна перекресток был ярко освещен пламенем горящих вдалеке «американских гор» и других разбомбленных объектов. Хорошо помню, как наутро бегал с мальчишками собирать осколки от зениток и смотреть разбомбленный дом на углу Геслеровского проспекта и Большой Зелениной улицы. Южная стена, обращенная на Большую Зеленину, рухнула вся, и все комнаты, находившиеся за этой стеной, оказались раскрытыми. Странно было видеть в этих комнатах полностью сохранившуюся мебель и другие предметы обихода. Впоследствии полуразрушенный дом был снесен. Никакого дома на месте разбомбленного сейчас нет. На противоположной стороне Геслеровского проспекта на трамвайной остановке у сквера в проезжей части зияла воронка глубиной около двух метров. Вскоре она была заделана. Говорили, что в результате бомбардировки сгорели Бадаевские склады, где были запасы продуктов.

Началась блокада. Нормы выдачи продуктов по карточкам ста-

ли снижаться. Вскоре в угловой кирпичный дом, расположенный против окон нашей комнаты на другой стороне Геслеровского проспекта, попала большая бомба. Она не разорвалась и, пробив все этажи северо-восточного угла дома, ушла под землю, ослабив этот угол. Еще и сейчас окна угловых комнат этого дома для упрочнения заложены кирпичом. Опасаясь взрыва этой бомбы, мы на месяц переехали в маленькую ванную комнату нашей коммунальной квартиры. Дольше жить с семьей в ванной комнате было трудно. После обратного переселения мы принимали меры по выживанию. Стало известно, что в разбомбленных домах чаще выживали те, кто находился на лестничных клетках. Первое время при объявлении воздушной тревоги мы, пока хватало сил, выбегали на лестницу. Надеюсь, что при разрушении дома кроватный матрац хоть как-то защитит от падающих обломков, я при очень близких разрывах прятался под кровать.

В самом начале блокады мы приобрели на рынке печку-буржуйку, а в одной из ближайших аптек примерно 20 бутылочек витамина С с экстрактом шиповника емкостью по 250 мл. В нашей угловой комнате был большой камин с хорошим дымоходом, который мы использовали для «буржуйки», а бутылочки с витамином хранили за первой рамой одного из окон, экономно расходуя.

В октябре начались перебои с подачей электроэнергии и радиотрансляцией. Но воздушные тревоги по радиосети объявлялись регулярно. Радиоприемники были реквизированы еще в начале войны. В ноябре полностью прекратилась подача электроэнергии и замерз водопровод, и мы стали ходить за водой к прорубям на реке Ждановке. Помогая матери, я носил трехлитровый бидон с водой. Помню, что для сокращения пути мы проходили к реке через ворота Военно-воздушной академии на улице Красного Курсанта и часовые пропускали нас. Изображенное на открытке место мне кажется очень похожим на то, где мы брали воду. Трудности с водоснабжением сильно уменьшились, когда вскоре на перекрестке Пионерской улицы и

Блокадная открытка.
Художник Г. П. Фитингоф. 1942 г.

Геслеровского проспекта появилась ручная водокачка. В нашей 40-метровой комнате с высотой потолка около 4 метров всегда было тепло. Дрова не были проблемой, так как в ближайших разбомбленных домах было много дерева. Мылись мы в комнате около буржуйки регулярно каждую неделю, а годовалого брата Женю мыли и чаще. Соседи заходили к нам отогреться. Отношения между соседями в нашей коммунальной квартире были хорошими и до войны. Такими они остались и во время блокады.

Вместе с похолоданием начался и голод. Нормы выдачи продук-

тов постепенно уменьшались. Роль карточек стала определяющей. В нашей семье были две детские карточки, одна иждивенческая и одна служащая. Получение продуктов по карточкам становилось проблемой. Не всегда удавалось отovarить продовольственные карточки. Моя мать, однако, ухитрялась прикреплять карточки к таким магазинам (прикрепление было обязательным), где продукты еще не пропали. Отец добывался поступить в армию добровольцем, но в военкомате ему отказали. Возможно, из-за недостатка продовольствия в армии.

Сейчас меня удивляет, что симптомы голодной дистрофии слабо описаны в литературе о блокаде. Например, выпирание нижних костей таза не позволяло сидеть на твердых стульях и скамеечках. На стулья подкладывали подушки. Мало внимания уделяется влиянию излишней самонадеянности, холода, недостаточного мытья тела и отсутствия витаминов и свежего воздуха на повышение опасности голодной смерти. Изголодавшимся телам мало помогали теплая одежда и одеяла.

Осень и начало зимы в 1941 году были довольно холодными. Помню единственную оттепель 1 декабря. В декабре начались массовые голодные смерти. Характерно, что голодные смерти приходили неожиданно для умиравших. Я ни разу не слышал, чтобы люди, ко-

торые потом умирали от голода, говорили о близости смерти. Первыми начали умирать молодые мужчины и мальчики. Женщины и девочки оказались более живучими. Сколько из них осталось потом незамужними? Из окон нашей комнаты на втором этаже я часто в течение одного-двух месяцев наблюдал такую, к сожалению, типичную картину. Детские саночки, на них твердый труп мужчины, к мужчине сверху привязан труп ребенка, а везет санки женщина. Почти непрерывно такие группы поворачивали с Геслеровского проспекта направо на Пионерскую улицу, где недалеко на ее западном конце находилась неработающая школа, служившая одним из многочисленных центров сбора трупов. Как рассказывала моя мать, к ногам трупов в этом центре привязывались бирки. Дорога была неровная, обледеневшая, да еще при повороте приходилось огибать каменные ступеньки, ведущие к угловой двери продуктового магазина.

Начали умирать соседи по нашей коммунальной квартире. Под самый Новый год умер на улице еще не старый инженер Михаил Шувалов, отправившийся на свой завод получать продовольственные карточки. Еще раньше к нам забегал с трехлинейной винтовкой образца 1891–1930 годов живший с ним вдвоем в одной комнате его младший брат Володя перед отправкой на фронт. Никогда больше он не появлялся в нашей квартире, и их комната освободилась. Жившая одиноко в одной из комнат средних лет женщина сошла с ума от голода, что, в частности, выражалось в том, что она пыталась на глазах соседей поджечь одной спичкой большое сыроватое полено, запихнутое в «буржуйку». Вскоре и она умерла. Имени ее я не помню. Умерла еще соседка Мария Георгиевна, кормившая ребенка грудью, умер и ее ребенок. Из пяти семей, живших в коммунальной 5-комнатной квартире, в живых остались две – бездетная семья Карташовых и наша.

Требования к точности взвешивания хлеба, продаваемого по карточкам, были весьма высоки. И почти в каждой порции хлеба имелся маленький, около одного кубического сантиметра, довесок. Помню, как в самое тяжелое вре-

Разрыв снаряда у трамвайной остановки на пл. Труда. Блокадная открытка. Художник Н. А. Павлов. 1943 г.

мя мать уступила мне такой довесок от своей порции, сказав, что не хочет есть. Вечная ей память и прощение всех грехов за это. На мегатонны сейчас тянет этот уступленный мне довесок. Помню, как радовался и пел песни мой годовалый брат, накормленный пшенной кашей в день своего рождения 10 января. Взрослые ели все, что можно было съесть: олифу, столярный клей и т. п. На свалках находили кости – отходы от производства пуговиц (с соответствующими круглыми отверстиями). В то время пуговицы делались и из кости, а не только из пластмассы и металла. Потребление отвара таких костей оказывалось губительным. Возможно, от долгого лежания в них образовывались яды.

В январе и феврале 1942 года в связи с повышением норм выдачи продуктов голод стал не так мучителен, но изголодавшиеся люди продолжали умирать. Появились стационары для лечения дистрофиков. В один из таких стационаров мать свезла на детских саночках ослабевшего от голода моего отца. Там его поставили на ноги.

В феврале руководство проектного института, в котором мой отец работал инженером по портовым сооружениям, предложило ему с семьей эвакуироваться в Омск. Мои родители очень старательно стали готовиться к отъезду. Прежде всего надо было подкормиться. На Деряпкином рынке на Малом проспекте Петроградской

стороны в конце февраля удалось установить контакт с человеком, который мог обменять хлеб на вещи. За 5 кг хлеба был отдан патефон с большим набором пластинок, за 5 кг хлеба отдали дамский велосипед матери. Из вещей были отобраны самые необходимые: одежда и одеяла. Перед выходом из дома мать попросила меня заботиться в дороге о младшем брате. И утром 4 марта 1942 года, погрузив предметы первой необходимости на маленькие детские санки, мы двинулись к Финляндскому вокзалу, имея на руках все необходимые документы и небольшой запас продовольствия. Нести на руках моего годовалого брата Женю у родителей не было сил, и его положили поверх комплекта вещей, лежавших на санках. Чтобы вещи на сильно ухабиистой дороге не падали с санок, их тщательно привязали к ним, но привязать годовалого ребенка не было возможности, он бы задохнулся. Поэтому в то время как родители волокли санки, я придерживал брата. Так мы прошли около 800 метров. Я прожил долгую жизнь, учился, работал несколько лет в Арктике, защитил диссертацию, награжден орденом «Знак почета», но никогда я не испытывал такого неимоверного напряжения сил, как при этом придерживании. На Большой Пушкарской улице, когда наши слабые силы были на исходе, нам за остатки нашего продовольствия удалось нанять конные сани, веро-

ятно, закончившие доставку хлеба, на которых мы доехали до Финляндского вокзала.

Мы не опоздали. Все пассажиры нашего эшелона уже разместились в пассажирских вагонах. В центре нашего вагона жарко топились низкая чугунная печка. Она была настолько раскалена, что сидеть вблизи нее было трудно, но другого места для нас не оставалось. Перед посадкой все пассажиры получили по 1–2 буханки хлеба, ели и почти все заснули. Вскоре поезд тронулся. Оказалось, что вагон имел массу щелей, через которые в него на ходу стал поступать холодный воздух. Наше положение около печки оказалось выигранным. Не помню, сколько времени мы ехали, так как, согрившись у печки, я долго спал. После прибытия на конечную остановку выяснилось, что часть людей, сидевших далеко от печки, застыли насмерть, и их вынимали неразгибавшимися.

На конечной остановке нас вывели из вагона и провели в автобус. Когда мы ночью ехали по льду Ладожского озера, дорогу обстреливали или бомбили. Я висел в середине автобуса, плотно зажатый между стоявшими взрослыми пассажирами. Находившиеся у окон говорили, что около нас ушел под воду, вероятно, в воронку от снаряда или бомбы, другой автобус. После переезда через озеро мы провели остаток ночи и часть дня в тесноте, стоя в помещении церкви в Кобоне. Положить удалось только младшего брата.

Днем эвакуируемых разместили на двухэтажных нарах в товарных вагонах поезда. Нам достались места на втором этаже. В середине вагона стояла печка, и в вагоне все время было тепло. На остановках по пути следования всем регулярно выдавался хлеб и, возможно, сейчас уже не помню, другие продукты. При выдаче продуктов делались отметки в эвакуационных

документах. Некоторые изголодавшиеся люди эти отметки стирали и получали продукты два раза. Ехало много детей. Напротив нас на нарах заняла место супружеская чета с семьей детьми дошкольного и, может быть, младшего школьного возраста.

В вагоне вспыхнула дизентерия. Заболели я, мой брат и почти все дети из этой семьи. Мы с братом выжили, а маленькие дети соседней семьи стали умирать один за другим. В жарко натапливаемом вагоне трупы быстро начинали разлагаться, выделяя тяжелый запах. Помню, как глава семьи стоял у открытой двери двигавшегося вагона с мертвым телом своего ребенка на руках. Сейчас уже не помню, выбрасывал ли он трупы своих детей из вагона на ходу поезда или оставлял на остановках. Мать сошла с ума после смерти второго или третьего ребенка. Я перенес дизентерию легко, хотя кровавый понос наблюдался у меня немало дней, а тяжело переносивший болезнь годовалый брат по прибытии в конечный пункт назначения – город Омск 24 марта был сразу же помещен в больницу. Моя мать, подкормившаяся за 20 дней дороги до Омска, для спасения его жизни несколько раз давала свою кровь. Брат выжил, но последствия дизентерии сказывались долго, и уже в возрасте 50 с лишним лет он перенес две операции на кишечнике.

В Омске мы получили продовольственные карточки, места в общежитии на несколько дней, а впоследствии отдельную комнату для всей семьи. Меня отправили в детский санаторий в местечко Черноручье вблизи Омска. Летом 1942 года можно было сказать, что страшную блокадную зиму мы пережили.

Почти все последующие годы войны мой отец был в командировках. Вместе с наступавшими войсками он входил в портовые горо-

да, где немедленно занимался восстановлением портовых сооружений. Мать, закончившая до войны курсы бухгалтеров, стала работать бухгалтером на мясокомбинате. После голодной блокадной зимы у меня на 5–6 месяцев чрезвычайно обострилась память. В первом полугодии 2-го класса школы (1942/1943 учебный год) я не учил устные уроки, достаточно было быть вызванным к доске 2-м или 3-м, как я мог в точности повторить то, что ответили предыдущие.

Обратно в Ленинград мы были возвращены в конце сентября 1944 года. Опять ехали 20 дней в товарном вагоне. Помню, как при подъезде к Ленинграду недалеко от станции Мга мы увидели из двери вагона большую поляну, усеянную десятками скелетов в обрывках обмундирования. Это обмундирование было настолько перегнившим, что, глядя из дверей движущегося вагона, невозможно было определить, вражеские это останки или нет.

Поскольку мы выехали и возвратились в организованном порядке, комната, из которой мы выехали в эвакуацию, была нам возвращена. Эвакуационное удостоверение мать впоследствии отдала в Музей обороны Ленинграда. За время нашего отсутствия половина окон нашей комнаты из-за бомбежек оказалась без стекол, и мы самостоятельно их вставляли. Водосточная труба, проходившая возле балкона, на котором я часто играл, была пробита осколком. Должен заметить, что уровень жизни в то время в Ленинграде был существенно ниже, чем в Омске. Была более тяжелая ситуация с жильем. Плохо отапливались школы (на уроках зимой 1944–1945 годов ученики сидели в валенках и зимних пальто). Гнездились масса крыс во дворах и подвалах. Но уже к лету 1945 года жизнь города существенно улучшилась.

Б. Ю. Кольбе — петербургский физик и педагог

М. Е. Кисарова

На протяжении вот уже более 100 лет в технических вузах на лекциях по электростатике демонстрируется Сетка Кольбе – прибор, наглядно показывающий расположение зарядов на проводнике. Это один из множества физических приборов, созданных в конце XIX века одним из организаторов экспериментального преподавания физики в российской школе петербургским педагогом Б. Ю. Кольбе. Имя же самого автора в настоящее время исчезло из отечественных справочников и энциклопедий и практически предано забвению.

Бруно Юльевич Кольбе (Bruno Eugen Julius Kolbe) родился 19 июня (1 июля) 1850 года в небольшом уездном городке Верро Лифляндской губернии (ныне г. Выру в Эстонии) в семье пастора лютеранского прихода Св. Бартоломея Юлиуса Александра Эммануэля Кольбе и его супруги Шарлотты Эмили, урожденной Мазинг¹. Мальчику не исполнилось еще и года, когда умер его отец². О детских годах будущего физика ничего не известно. В 1871 году он поступил в Дерптский университет на физико-математический факультет и шестью годами позже, в 1877 году, успешно выдержав испытания на звание старшего учителя математических наук, «получил в том аттестат за № 431»³.

С 1878 года началась тридцатипятилетняя преподавательская работа Б. Ю. Кольбе в Санкт-Петербургском училище при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны, которое в те годы на немецкий лад называли Анненшule. То было одно из старейших учебных заведений города. Основанное в 1736 году училище с 1852 года имело статус государственной гимназии, аттестат зрелости которой с 1862 года давал право ее выпускникам без сдачи вступительных экзаменов поступать в

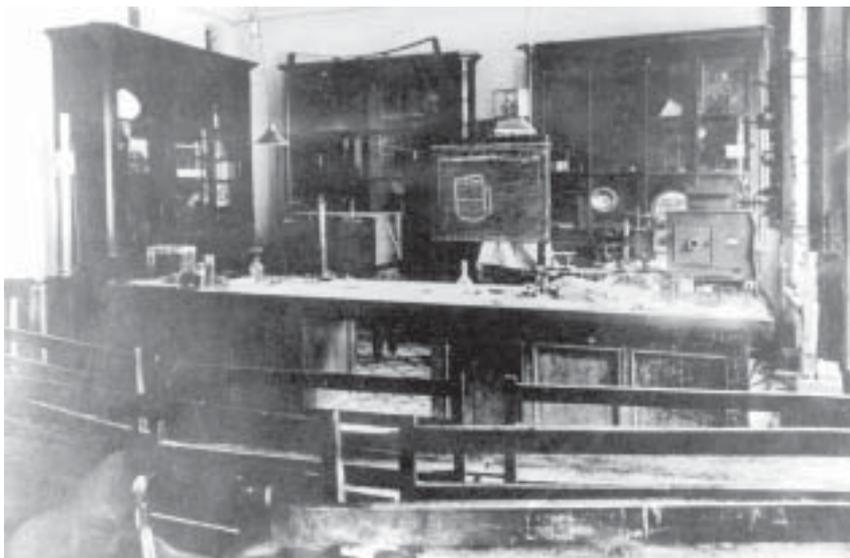
Б. Ю. Кольбе. Ок. 1900 г.
Фото из семейного архива автора

университет. К концу XIX века в состав Анненшule входили мужская и женская гимназии, реальное училище, элементарная и подготовительная школа Сиротского дома⁴. Преподавание велось на немецком языке, хотя зачислялись в гимназию представители разных национальностей и вероисповеданий. Располагалось училище в удобном трехэтажном здании на Кирочной улице (арх. А. И. Дютак), к которому в 1889 году по проекту В. А. Шретера был пристроен гимнастический зал арочного типа, удостоенный на Всероссийской гигиенической выставке 1893 года золотой медали как один из лучших в Европе. Несколько позже, в 1906 году, по проекту архитекторов А. Ф. Бубыря и Л. А. Ильина было возведено еще одно здание для школы, постоянно пополнявшейся учениками, число которых возросло с 1200 человек в 1889 году до 1800 – в начале XX столетия⁵. Суровый девиз Анненшule: «Страх Божий – начало премудрости»

(«Timor dei initium sapientiae») не помешал одному из ее директоров доктору Иосифу Кенигу (1884–1910) руководствоваться в своей деятельности следующими принципами: «В постоянном контакте с родительским домом, предпочитая воспитание образованию, не допуская рутинности и не гонясь за модой, следовать прогрессу педагогической науки!»⁶.

Государственный статус гимназии давал ее преподавателям права государственных служащих. Старшего преподавателя математики, физики и естествознания Б. Ю. Кольбе за выслугу лет производили в соответствующие чины. В 1892 году он был уже в чине статского советника, к 1906 году – всемилостивейше пожалован орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени, а также медалью в память царствования императора Александра III. Именно Б. Ю. Кольбе принадлежат заслуга по организации в Анненшule передового физического кабинета, оснащенного новейшими по тем временам демонстрационными приборами, в том числе изобретенными или усовершенствованными им лично⁷.

Необходимо отметить, что до конца XIX века преподавание физики в российской школе находилось в стадии становления, этот предмет давался в общем курсе с химией, изложение теории не всегда подкреплялось опытами и экспериментами. И только в 1870–1880-х годах по инициативе профессора Санкт-Петербургского университета Ореста Даниловича Хвольсона рядом ученых и преподавателей был поднят вопрос о реформе преподавания и содержания курса физики. «Горячими пропагандистами экспериментального преподавания физики, много сделавшими по разработке методики

Физический кабинет Анненшуле. 1912 г.
Фото из экспозиции музея физико-математического лицея № 239

Б. Ю. Кольбе. До 1889 г.
Фото из экспозиции музея
физико-математического
лицея № 239

школьного физического эксперимента, были методисты К. В. Дубровский, Б. Ю. Кольбе, В. В. Лермантов, Н. С. Дрентельн⁸. Все они участвовали в работе основанного в 1885 году физического отдела Педагогического музея военно-учебных заведений, ставшего крупнейшим центром педагогической науки в России, выставляли новые приборы на международных и всероссийских промышленных выставках, создавали учебную литературу и, что немаловажно, постоян-

но поддерживали связи со своими европейскими коллегами⁹.

В 1882 году Б. Ю. Кольбе был присужден диплом второго разряда, соответствовавший серебряной медали, за продемонстрированный им на Всероссийской промышленной художественной выставке в Москве цветометр для количественного определения цветоощущения, в 1894 году присуждена бронзовая медаль за выставку прибора для опытов по электричеству и магнетизму на Всемирной Колумбовой выставке 1893 года в Чикаго. Бруно Кольбе проводил демонстрации своих приборов на съездах преподавателей физики в Петербурге (январь 1902 года) и Варшаве (декабрь 1902 года), на собраниях физического отдела Педагогического музея в Соляном городке. За «наибольшие труды», способствовавшие успеху петербургского съезда, Б. Ю. Кольбе получил от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа «письменные выражения искренней за труды благодарности»¹⁰. Материалы исследований физика в области теории цветоощущения публиковались в журнале «Вестник офтальмологии», в еженедельнике «Врач», а описания опытов и приборов для изучения электричества и магнетизма – в томах «Физического обозрения», в журнале «Zeitschrift fuer den physikalischen und chemischen Unterricht» и др., а также издавались отдельными брошюрами. В приложениях к годовым отчетам

Училища Св. Анны издавались методические материалы, основанные на аналитических обзорах состояния экспериментального преподавания физики в учебных заведениях Германии, Австрии, Великобритании и России (включая Финляндию)¹¹. Электроскопы Кольбе описывались в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1904 года) как «в настоящее время наиболее употребительные и удобные»¹². (Шестьюдесятью годами позже эти приборы еще отмечались в методическом пособии для учителей физики Е. Н. Горячкина как получившие наибольшее распространение.)¹³

По материалам своих лекций, прочитанных в 1890–1891 годах, благодаря настоянию «товарищей по специальности», Б. Ю. Кольбе издал учебник «Введение в учение об электричестве» сначала на немецком языке в издательстве «Springer» в Берлине, затем на русском – в издательстве Риккера в Петербурге (1893–1896 годы). Первая часть пособия была посвящена электростатике, вторая, выпуск которой несколько задержался по причине «обязательных занятий» и болезни автора, – динамическому электричеству¹⁴. Книга включала 150 авторских рисунков физических приборов, многие из которых были изобретены Б. Ю. Кольбе или «крайне остроумно» им усовершенствованы¹⁵.

Титульный лист 2-го издания
1-й части «Введения...»
Б. Ю. Кольбе

«В неизвестную страну можно попасть многими путями – длинная пограничная линия может быть перейдена во множестве точек. Но не все дороги одинаково хороши, не все переходы одинаково легки». Эти слова немецкого химика Августа-Вильгельма Гофмана¹⁶ поставлены автором в заголовок предисловия к своей книге не случайно. «Так как предполагаемые лекции назначаются для начинающих (студентов младших курсов или любознательных учеников старших классов среднеучебных заведений), то автор обращал больше внимания на ясность изложения, чем на строгую научность формы. В этом он следовал взглядам профессора Маха (E. Mach)¹⁷ в Праге, который высказывает следующее: “Если преподаватель, владеющий учебным предметом, приравнивая какое-либо положение к своим понятиям, формулирует его ради собственного удовлетворения, то здесь – если это делается невольно – уже заключается ошибка в отношении того, кто собственно должен быть удовлетворен; если же это делается сознательно, то такой прием будет дидактической ложью”»¹⁸. Сравнивая читателя со странником, открывающим новые земли, автор выступал как внимательный и мудрый проводник, стремившийся найти доступные и верные пути приближения к истине.

Петербургское издание учебника Б. Ю. Кольбе получило восторженные отклики в прессе. Книга, писал рецензент, «представляет украшение не только нашей, но и вообще европейской литературы по физике. <...> Г. Кольбе представляет блестящий пример того, что и современный исследователь может изучать вопрос очень сложный со всех его сторон, не упуская из виду ни одной мелочи, ни одной подробности и в этом отношении почтенный автор является по духу одним из лучших физиков школы Фарэдея»¹⁹. Сочетание научности и доступности, внимание к вопросу стоимости приборов, стремление к снижению затрат на оборудование физического кабинета – все это позволило другому рецензенту назвать «Введение...» Б. Ю. Кольбе «талантливым учеб-

ником, научным и в то же время вполне начальным, автору которого удастся вложить в ум читателя, научить его»²⁰. Популярности учебника способствовало еще то, что к моменту выхода его в свет аппараты и приборы Б. Ю. Кольбе изготавливались в мастерских Петербурга (мастерская О. Рихтера, позднее И. Я. Урлауба), Москвы (механик Е. С. Трындин и сыновья), Хемница (Max Kohl und G. Lorenz), Берлина (Ferdinand Ernecke) и Кельна (E. Leubold's Nachfolger).

Ученый комитет Министерства народного просвещения рекомендовал учебник Б. Ю. Кольбе для основных и ученических библиотек мужских и женских гимназий, реальных училищ, учительских институтов и семинарий. Известный российский библиограф Константин Николаевич Дерунов включил ту книгу в свой «Примерный библиотечный каталог»²¹.

В 1904–1906 годах одновременно и в Берлине, и в Петербурге вышло второе издание учебника Б. Ю. Кольбе на немецком и рус-

ском языках, а в 1908 году в Лондоне учебник был издан в переводе на английский язык²².

К 1907 году в Училище Св. Анны были организованы уже два физических кабинета с общим количеством приборов около 550. Стоимость их была относительно невелика и составляла 6 800 рублей, что выгодно отличало от подобных кабинетов некоторых других учебных заведений. Так, сравнивая физические кабинеты Анненшуле и Гатчинского городского института, Б. Ю. Кольбе в письме к профессору Борису Петровичу Вейнбергу²³ отмечал, что стоимость примерно такого же количества приборов в последнем выше почти в два с половиной раза и составляет 16 000 рублей, при этом «нужного нет, а ненужного много»²⁴.

Благополучно складывалась вначале и семейная жизнь педагога. В 1883 году он женится на своей бывшей ученице, двумя годами ранее закончившей гимназическое отделение Анненшуле, девятнадцатилетней Женни фон Леш (Eugeni

Б. Ю. Кольбе с женой и детьми.
Ок. 1897 г. Фото из семейного архива автора

Б. Ю. Кольбе с женой (стоит, 2-я справа), неизвестной и детьми.
Ок. 1908 г. Фото из семейного архива автора

(Jenny) Elisabeth von Loesch). Молодая семья поселилась в доме 13 по Саперному переулку, в относительной близости от места службы Бруно. Один за другим рождались дети: в 1886 году – Ядвига Берта Женни, в 1888–1889 годах – погодки Эрвин Юлий Бруно и Герман Теодор Бруно. Несколько позже, в 1904 году, появились на свет близнецы, любимицы всей семьи Лисбет София Женни и Ингеборг Эрика Женни. Люля и Ина – так ласково называли их родные. Летом детей вывозили из пыльного города в поселок Веззо Эстляндской губернии на собственную дачу Б. Ю. Кольбе. Там им не возбранялось бегать босиком у взморья, кататься на велосипедах и увлеченно фотографировать. В деревянном сарае с флюгером над крышей была устроена физическая лаборатория. Где бы ни были в то время родители, на отдыхе ли на немецком курорте Бад Вильдунген или по делу службы Бруно в Берлине, Мюнхене или Гамбурге, – отовсюду они вели переписку с детьми. Открытки шестилетним Люле и Ине с изображениями животных из Берлинского зоопарка шестидесятилетний отец с легкой иронией подписывал: «Ваш старый папуська». А девочки на открытках с видами Веззо или Петербурга старательно выводили ответ матери и отцу. В уютную петербургскую квартиру на Саперном, где все стены детской

комнаты были увешаны рисунками младших, из России и Германии, из Австрии и даже из Мадагаскара прибывали письма и для взрослых от родных, друзей, коллег и учеников.

В 1913 году, после 35-летней преподавательской работы в Анненшule, Б. Ю. Кольбе подал в отставку, и семья переехала на Петербургскую сторону в дом № 1/2 по Ждановской улице. Несколько лет, вплоть до революции 1917 года, Б. Ю. Кольбе преподавал в Мужском коммерческом училище Мазинга, учредителем которого был пастор лютеранской церкви Св. Марии Иоанн Альбертович Мазинг. Располагалось училище там же, на Петербургской, в здании, принадлежавшем церкви, по адресу: Сытнинская улица, дом 11.

С началом Первой мировой войны несчастья стали сыпаться на семью Кольбе одно за другим. Погибли, поиграв с бездомным котенком и заразившись от него неизлечимой в те годы болезнью, обе младшие девочки. 14 мая (27 н. с.) 1915 года умерла, не дожив нескольких дней до 51 года, их мать Женни. Старший сын, вынужденный на долгое время прервать учебу в Академии художеств, ушел на военную службу. Но судьбе было угодно приготовить и другие утраты. В 1918 году постаревший педагог потерял в голодном послереволюционном Петрограде новорож-

денную внучку – дочь старшего сына Эрвина, годом позже в Ревеле умерла его 25-летняя младшая невестка.

Скорее всего, именно в то время Б. Ю. Кольбе покинул Петроград и переехал к младшему сыну – доктору медицины Герману Кольбе в Ревель, где еще несколько лет занимался преподавательской деятельностью. В последние годы своей жизни он еще успел порадоваться появлению на свет внуков – в 1921 году у Германа во втором браке родился сын Керт Феликс Герман, тремя годами позже – Юрген Клаус Герман²⁵.

Умер Бруно Кольбе на маленькой эстонской железнодорожной станции Йевве (ныне г. Йыхви, Эстония) 14 февраля 1925 года²⁶.

Его изобретения пережили всех его детей. Электроскоп Кольбе и в настоящее время произво-

Электроскоп Кольбе фирмы Leppin & Masche, 1900 г.
Фото с сайта <http://www.orau.org/ptp/collection/electroscopes>

Электроскоп Кольбе фирмы Max Kohl, 1900 г.
Фото с сайта <http://www.orau.org/ptp/collection/electroscopes>

дится из современных материалов немецкой фирмой HDS. В объемное методическое пособие «Физический эксперимент в школе», изданное в 1954 году в Государственном учебно-педагогическом издательстве Министерства просвещения РСФСР, были включены описания пяти приборов Кольбе, рекомендованных для демонстраций на уроках физики²⁷. К тому време-

ни никого из детей педагога уже не было в живых. Старший сын Эрвин скоропостижно скончался в 1936 году в Ленинграде, там же умерла Ядвига Бруновна. Младший сын Герман окончил свои дни в немецком курортном городке Бад Хомбург в 1952 году.

Сегодня в центре Петербурга в старой коммунальной квартире живет внучка Бруно Кольбе, родившаяся

в 1932 году – через 7 лет после смерти своего деда-физика. Из всей большой и дружной семьи она одна выжила в блокадном Ленинграде.

В здании бывшего Училища Св. Анны, где ныне располагается знаменитый 239-й физико-математический лицей, создан музей истории школы. На одном из его стендов – фотография молодого Бруно Кольбе.

¹ Osteuropa-Institut München [Электронный ресурс]: Historische Abteilung. Amburger-Archiv: Personendatenbank zu Ausländern im vorrevolutionären Russland. Identifikation 26268=71403. Person: Kolbe B.E.J. Режим доступа: <http://www.lrz-muenchen.de/~oeihist/>

² Kolbe Julius Alexander Emmanuel (12.07.1820–03.12.1850) // Baltisches biographisches Archiv [Микроформа]. Muenchen, [199–?]. Fische: I. 174, 79–81

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 13. Д. 104. Л. 5 об.

⁴ Берлин А. Б. Питомцы знаменитой школы // Ленингр. панорама. 1987. № 9. С. 36–38.

⁵ Zur Jubelfeier des 150-Jährigen bestehens der T. Annen-Schule am 3 Januar 1889. SPb., 1889. См. также: Берлин А. Б. Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 104. Л. 5–8.

⁸ БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 45. С. 16.

⁹ Работа физического отдела Педагогического музея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.edu.debfa.net8101/cabinet/history/open.html>

¹⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 104. Л. 6–7 об.

¹¹ Кольбе Б. Ю. О влиянии яркости и цвета бумаги на остроту зрения // Вестн. офтальмологии. 1885. Т. 2 (июль – окт.); О необходимости определения яркости и интенсивности пигментных цветов, служащих для исследования цветоощущения // Там же. 1884. (июль – окт.); Описание и способ употребления электроскопа и электрометра Бруно Кольбе... СПб., 1889; Описание 30-ти главнейших школьных опытов при помощи двойного и дифференциального термоскопа. СПб., 1904; То же. Лейпциг, 1906; Определение сгустительной силы конденсатора и разности потенциалов полюсов электрофорной машины при помощи градуированного алюминиевого электрометра // Физ. обозрение. Киев, 1907. Т. 8. № 4; Простой дифференциальный термоскоп // Физ. обозрение. Варшава, 1903. № 4; Самодельная складная наклонная плоскость с электрическим контактом // Физ. обозрение. Киев, 1913. Т. 14. № 5; Цветовые явления. СПб., 1888. Ч. 1: Физиологические цвета; Ueber die quantitative (messende) Versuche an Mittelschulen // Годовой отчет училища Св. Анны. 1905–06. СПб., 1906; Ueber die Einrichtung phusikalischer Schueleruebungen // Там же. 1911. СПб., 1911; См. также: Poggendorff J.C. Biographisch-Literarisches Handwoerterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Leipzig, 1904. Bd. 4. S. 788.

¹² Индриксон Ф. Электрометр // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф., Ефрон И. СПб., 1904. С. 547–551.

¹³ Горячкин Е. Н. Методика и техника физического демонстрационного эксперимента в восьмилетней школе: Пособие для учителей / Горячкин Е. Н., Орехов В. П. М., 1964. С. 370.

¹⁴ Кольбе Б. Ю. Введение в учение об электричестве. СПб., 1893–1896. Ч. 1: Статическое электричество; Ч. 2: Динамическое электричество; То же. 2-е изд., испр. СПб., 1904–1906; Kolbe Bruno. Einfuehrung in die Elektricitatslehre. Berlin, 1893–1895; Idem. 2 Vortraege, verb. Aufl. Berlin, 1904–1905. Рец.: Мир Божий. 1897. № 1. Отд. 2; Образование. 1894. № 11; Рус. мысль. 1894. № 2; 1897. № 8; Смолен. вестн. 1893. № 44; Электричество. 1893. № 15–16.

¹⁵ [Рецензия на кн.: Кольбе Б. Ю. Введение в учение об электричестве] // Мир Божий. 1897. № 1. Отд. 2. С. 83–85.

¹⁶ Гофман Август-Вильгельм (1818–1892) – немецкий химик, автор лекций по химии, основатель и первый президент Немецкого химического общества (1862–1892).

¹⁷ Мах Эрнст (1838–1916) – австрийский физик. В 1867–1895 гг. – профессор немецкого университета в Праге.

¹⁸ Кольбе Б. Ю. Введение в учение об электричестве... Предисловие к ч. 1, 1-го издания.

¹⁹ См. ссылку 15.

²⁰ [Рецензия на кн.: Кольбе Б. Ю. Введение в учение об электричестве] // Электричество. 1893. № 15–16. С. 222–223.

²¹ Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог: Избр. лит. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1908. Ч. 1. С. 3.

²² Kolbe Bruno. An introduction to electricity, by Bruno Kolbe... being a translation of the 2d ed. Of «Einfuehrung in die Elektricitatslehre», with corrections and additions by the author / Tr. By Joseph Skellon. London: Kegan Paul, Trench, Truebner & co., ltd., 1908.

²³ Вейнберг Борис Петрович (1871–1942), геофизик, профессор, организатор магнитных экспедиций, автор ряда изобретений по гелиотехнике. В начале XX в. составлял план практических занятий для физических лабораторий и институтов Европы.

²⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 132. Ед. хр. № 111. Кольбе Б. Письмо Борису Петровичу Вейнбергу. Везен., 21 июля 1909 г. На рус. и нем. яз.

²⁵ Baltisches biographisches Archiv [Микроформа]. Muenchen: Saur, [199–?]. Fische: I. 174, 73–74.

²⁶ Osteuropa-Institut München [Электронный ресурс]: Historische Abteilung. Amburger-Archiv ...

²⁷ Физический эксперимент в школе. 2-е изд. М., 1954. Т. 4. Ч. 2: Электричество / Галанин Д. Д., Горячкин Е. Н., Жарков С. Н. и др.

Автор благодарит Татьяну Витальевну Любченко за предоставленные фотографии, а также Ивана и Дарью Прозоровых за помощь в работе.

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Анатолий Иванович
ГРИБКОВ**

*Родился 23 марта 1919 г., с. Духовое, ныне Лискинского района
Воронежской области. Советский военачальник.*

Русский. Из крестьян. Генерал армии (29 октября 1976). Доктор исторических наук. В Вооруженных силах с 1938 г. Член компартии с 1941 г. Окончил Харьковское бронетанковое училище (август 1938 – декабрь 1939), ускоренный курс Военной академии им. М. В. Фрунзе (сентябрь 1941 – май 1942), Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова с золотой медалью досрочно (ноябрь 1949 – декабрь 1951), ВАК при ней (1968, 1975).

В советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. командир танкового взвода 100-го отдельного танкового батальона 9-й танковой бригады, помощник начальника штаба батальона по разведке (июнь–октябрь 1940), адъютант командира 18-й стрелковой дивизии МВО (октябрь 1940 – июнь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. Адъютант командира 13-й, 127-й танковых бригад, командир танковой роты на Западном фронте (июнь – сентябрь 1941).

В распоряжении ГШ (май – июнь 1942), помощник начальника группы офицеров ГШ КА (июнь – октябрь 1942), старший офицер ГШ КА (октябрь 1942 – октябрь 1944). В этих должностях находился при штабах 1-го танкового корпуса на Брянском фронте, 1-го механизированного корпуса на Калининском фронте, 19-го танкового корпуса на Центральном фронте, 2-го Тацинского гвардейского танкового корпуса на Воронежском фронте (июнь 1942 – август 1943), при штабах Южного и 4-го Украинского фронтов (август 1943 –

май 1944). «Круг обязанностей офицеров Генштаба был достаточно широк. Они проверяли положение и состояние войск, их обеспеченность всем необходимым для жизни и боя, докладывая результаты прямо в Генштаб. Многие из офицеров Генерального штаба неоднократно попадали в сложные боевые переделки и проявляли при этом истинный героизм...» (Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1973).

Помощник начальника направления Оперативного управления 1-го Прибалтийского фронта (октябрь – ноябрь 1944).

Работал в Оперативном управлении Генштаба ВС (ноябрь 1944 – ноябрь 1949).

Начальник отдела оперативной подготовки Оперативного управления (март 1952 – январь 1956), начальник Оперативного управления – заместитель начальника штаба Ленинградского (январь 1956 – декабрь 1959), Киевского (декабрь 1959 – ноябрь 1960) ВО.

Заместитель начальника (ноябрь 1960 – июнь 1961), начальник (июнь 1961 – декабрь 1963) Оперативного управления Генштаба ВС СССР.

Принял участие в разработке и проведении военно-стратегической операции «Анадырь» (эти события известны как Карибский кризис).

Возглавлял на Кубе Оперативную группу МО СССР с 16 октября до конца ноября 1962 г. Награжден орденом Ленина.

Заместитель начальника Главного оперативного управления Ген-

штаба ВС СССР (декабрь 1963 – июнь 1965).

Командующий 7-й гвардейской армией Закавказского ВО (июнь 1965 – декабрь 1968).

Заместитель командующего войсками Ленинградского ВО (декабрь 1968 – февраль 1973).

Командующий войсками Ленинградского военного округа (5 февраля 1973 – 2 октября 1976).

Период пребывания Анатолия Ивановича в должности командующего войсками ЛВО был для подразделений и частей округа временем напряженной боевой учебы, глубокого изучения оружия и военной техники. В середине 1976 г. в ЛВО были проведены масштабные войсковые учения под условным наименованием «Север». Ход учений освещался в печати, по радио и телевидению, на них присутствовали военные наблюдатели из зарубежных стран. Штабом руководства во главе с генерал-полковником Грибковым была создана сложная тактическая обстановка, максимально приближенная к боевой. Это потребовало от командиров и штабов, всего личного состава творческой активности, инициативы, высокого боевого мастерства, предельного напряжения физических и моральных сил.

Командующий так оценил проведенные маневры: «Учение “Север” показало, что в полевой

* Продолжение. Начало см. в № 1–4 за 2001 г.; № 1–6 за 2002 г.; № 1–6 за 2003 г.; № 1–6 за 2004 г.; № 1–3 за 2005 г.

выучке у нас имеется немало положительного. Необходимо все ценное, передовое, что проявилось на учении, глубоко, самокритично проанализировать, обобщить и внедрить в практику подготовки войск. Но на этом ставить точку нельзя. Интересы повышения боевой готовности требуют, чтобы командиры, политработники, штабы, партийные и комсомольские организации, опираясь на приобретенный опыт, непрерывно приводили в действие новые резервы для совершенствования воинского мастерства личного состава, его полевой выучки. В этом деле, как и в любом другом, мы должны непрерывно идти вперед. Идти для того, чтобы не отстать от жизни, ежедневно быть на уровне современных требований».

Первый заместитель начальника Генерального штаба – начальник Штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского договора (февраль 1976 – январь 1989); член Комитета министров обороны (1976–1989).

Работал в группе генеральных инспекторов МО СССР (январь 1989–1992).

Депутат Верховного Совета СССР 8–11-го созывов.

Почетный гражданин городов Ярцево и Лиски (Воронежская обл.).

Генерал-лейтенант (23 февраля 1963), генерал-полковник (15 декабря 1972).

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I, II степеней, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени, медалями; иностранными орденами: югославским – «Братство и единство» 2-й степени, венгерским – Знамени Венгерской Народной Республики 1-й степени, орденом Красного Знамени Монголии, болгарскими – Белого льва и «9 сентября», орденом Шарна Хорста (ГДР), кубинскими – орденом Солидарности, «Эрнесто Че Гевары» (№ 1, вручал начальник Генерального штаба Кубы Сергия дель Вале), макетом шхуны «Гранма» (символ кубинской революции, приравнивается к государственной награде), 29 иностранными медалями.

В штабе ОВС А. И. Грибков проводит занятия с заместителями Главкома (1988 г.)

На командном пункте учения.
Справа налево: Г. Гофман, В. Ярузельский,
В. Г. Куликов, М. Дзур, А. И. Грибков (Польша, 1981 г.)

Сочинения:

Генеральный штаб: история и перспективы // Воен.-ист. журн. 2001. № 9. С. 4–14.
«Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 80-х годов // Воен.-ист. журн. 1992. № 9. С. 46–57.

Как оформлялись топокарты для Верховного // Воен.-ист. журн. 1995. № 3. С. 28–32.

Карибский кризис: Воспоминания участника разработки и претворения в жизнь операции «Анадыр» // Воен.-ист. журн. 1992. № 10–12.

Латинский Сталинград: Рассказывает генерал армии Анатолий Грибков // Красная звезда. 2002. 25 окт.

Судьба Варшавского договора. М., 1998.

Исповедь лейтенанта. Встречи с полководцами. Операция «Анадыр». М., 1999.

У края ядерной бездны. (Из истории Карибского кризиса 1962 г. Факты. Свидетельства. Оценки...) / Под общ. ред. ген. армии А. И. Грибкова. М., 1998.

Литература:

Венцловский А. Несостоявшийся юбилей // Красная звезда. 2005. 18 мая.

Салтыков Н. Д. Докладываю в Генеральный штаб. М., 1983. С. 227.

Петербургский–Петроградский–Ленинградский военный округ 1864–1999. СПб., 1999. С. 385–387.

Кочуков А. Полпред Генерального штаба // Красная звезда. 2004. 23 марта.

Некоторые рассуждения о мемуарах Р. Ш. Ганелина¹

С. К. Лебедев

Кто-то посетует, что Рафаил Шоломович Ганелин написал не «настоящие» воспоминания, приятные глазу, род *Unterhaltungsmusik*. Перебивы хронологии, сплошные отступления, как в устной речи. Автор не освобождает текст от них, напротив, набивает его ими до крайности. До потери нити. А потом выясняется, что все в порядке с автором. Он не уснул, а это читателя сморило от сложных пассажей. Но автор виноват здесь лишь отчасти. Он не предупредил (хотя и не мешало бы), что пользоваться им надлежит помалу. И не обязательно подряд. Историки (писатели и читатели мемуаров) понимают слаботи жанра и пытаются обмануть его, вкладывая в него дополнительные смыслы. Конечно, за этим можно отослать всех к с. 201, где Р. Ш. Ганелин берет за крайние аргументы – стихи, в данном случае – И. Губермана о «тающих в воздухе быстро и бесследно» слезах и вообще всем здешнем.

Напомним, что тема книги – разговоры. А разговорчики в строю отряда историков – вещь платоническая по сути, ибо всегда диалог. Вспомним, как неудобно было в школе читать пьесы по этой причине². В шуме времени слышна и какофония, и сплетни... Собственно, последние составляют одну из прелестей жизни в кулуарах («всюду жизнь»), а для автора – и предмет исследования.

Сообщество молодых и не очень молодых сплетников и сплетниц изучал еще Гоголь. Многого на этом пути не добился. Ясно же, что медалей за анализ не дают (всякий по себе знает). Только за синтез. Соберем же, что мы хотели сказать о мастере.

Вкус. Перо. Сила. Ум (качество не общеобязательное, так что отметим его так, как будто мы не знаем Рафаила Шоломовича). Наблю-

дая движения души и ума автора, нельзя не пройти мимо влияний, испытанных им. Автор всю жизнь тянется к умным и оказывается в разной компании. Конечно, анекдоты, рассказанные им и ему тысячу раз, приобрели убийственную силу формулировок.

В этих рассказах сплелись и С. Н. Валк, и Б. А. Романов. И не отделить их от рассказчика, от эволюций его швейковского лица. Графически убедительная пара Романов – Валк деликатно и нежно окрашена. Восхитимся его пером и поздравим в этом месте автора (см., например, о визите Р. Ш. Ганелина на квартиру Валка на с. 121). О Романове Рафаилу Шоломовичу удалось сказать новое, что, казалось бы, невозможно после В. М. Панеяха³. Вообще учениками Б. А. Романова замечено о нем письменно и устно так много и так талантливо, что само по себе делает ему честь как учителю. Его личность, по-видимому, столь грандиозна, что по прошествии стольких лет впечатление от нее не рассеивается. Тоже ведь пример устной традиции. И другой учитель Р. Ш. Ганелина – Н. П. Полетика и друг – В. Я. Голант занимают лучшие страницы этой книги.

Один из выводов (и это есть лапидарное выражение истинной правды): яркий человек отторгается системой. Парадоксальность мышления не способствовала успешной карьере в гуманитарной сфере: «...одаренных людей я редко встречал потом вообще, и среди деятельно и успешно работавших в науке в частности (не решаюсь написать – в особенности)» (с. 41). У Р. Ш. Ганелина речь идет об эвентуальных «остроумнейших изысканиях» Б. А. Романова. Еще в 1918 году С. Ф. Платонов написал, что ждет от него многого⁴. Вот он (Романов) и оправдал это прови-

дение и написал «Люди и нравы». А реакция? Б. Д. Греков, например... А, не дай бог, о тех же людях и тех же нравах поближе к нашему времени?

В общем, наверное, автор ошибся, раскрывшись на близком расстоянии. О детстве бы писал пионерском, да о лете. А то эмоции читателей отторгают текст. Нелегкий, несмотря на маску анекдота. Она-то и сбивает с толку.

Недоумение и непонимание – реакция на дисгармонию и жесткость. Безусловно, текст Р. Ш. Ганелина есть событие литературы, сколь изящной, столь и историографической. Сюда бы добавить доклад Рафаила Шоломовича в кончавшемся в конце 1980-х годов «методологическом семинаре» в ЛОИИ об историографии 1920-х годов как вершине и продолжении прежней русской литературы.

Конечно – судьба формационности в разговорах. Я слышал, что мы работаем в «идеологическом учреждении». И помню тех инструкторов, и «семинары методологичны», по четвергам, кажется. Как говорила Т. В. Буланина (прежде всего, применяясь к самому Р. Ш. Ганелину и его старым друзьям и коллегам), – «зайцы». Впрочем, любя. Власть терпела этот цех, нужный для оправдания неизбежности Великого Октября⁵. Историк и власть – более широкое название темы. И очередной разгон на носу. Вот об этом они сейчас говорят, историки. Не зря все же петербургская школа (Р. Ш. Ганелин зовет ее традицией) сторонилась, как черт ладана, методологии. Та в очередной раз, как Аполлон, требует к священной жертве (хотите другую картинку?: завершение совреования Аполлона с Марсием).

Автор пишет о поворотах. В нем нет снобизма, хотя книга написана в трудный период жизни

девицы Клио, когда «она, как сказал поэт, уж не девушка, нет».⁶ Русская историография изначально есть часть западной культуры, и это не надо сопоставлять с патриотизмом, например. Просто наука, в том смысле, что она заинтересована в поиске истины, есть дитя Запада, а не Востока; а история как раз понималась как наука до середины XX века. После лингвоповорота в западной историографии все яснее становится и финансовый отворот – поворот. Бои за историю пришли и на русские поляны. Бои местного, арьергардного значения, когда почти разгромленная сторона ведет беглый огонь главным калибром по воробьям. Противник же повсюду, он распылен в пространстве и множит эманации. Р. Ш. Ганелин вступил-таки в сражение (см. начало и конец его книги). На материале своей жизни, и вроде о другой эпохе. Да нет, о том же все: о месте и характере знания, прежде всего «в этой стране». Отчасти по теме «историк и власть», но лишь отчасти. Хуже всего всеобщая неуверенность. Кризис, одним словом.

Р. Ш. Ганелин свидетельствует о реакции ученого сообщества на раздражители в период от «ленинградского дела» до методологических разносов последнего времени. Наиболее грозных разносов. Ибо прежде наука была хотя бы отчасти обществу нужна. А теперь множатся надежды (из телевизора и других мест) на скорое исчезновение с поля гуманитарного искусства «архивного позитивизма» и «старинного предпочтения чистой деидеологизированной работы» после прекращения «финансирования “академических” институтов» (цитирует Р. Ш. Ганелин на своей с. 179). Об архивном фетишизме могут говорить и рафинированные адепты постмодернизма, и невежды, и злонамеренные. Что остается поруганному эмпирику? Уровень и обязательные процедуры ремесла призваны уберечь историка от системной ошибки, вируса лжи в официальных архивах советской⁷ и любой другой поры. Р. Ш. Ганелин в мемуарах специально изучает историка, инструмент и субъект историографии. Собственно, это его важнейшая тема, наряду с другой – расхождением слова и дела, печатного и непечатного слова.

Если угодно, в книге Ганелина – оправдание жизни и науки, которую срочно закрывают за ненадобностью, превращая в одно (одну) из искусств и практик.

Вообще ЛОИИ⁸ был всегда под страхом нагоняя, а то и разгона. Итак, зайцы. Да, уж точно – не хорьки, что видно на примерах судеб поколения Р. Ш. Ганелина. Конечно, можно было бы и добавить что-нибудь к этому – пусть и добавит, кто захочет. А можно было бы кой-кого и убрать в разряд хорьков или козлищ, поскольку не все были зайцами. Вот это-то и неуютно. Невольно ведь ждешь от мемуариста апологии прошлого, когда и деревья были большими, и сами были как-то выше, стройнее, что ли. Ан нет. «Диссонансом прозвучало выступление молодого писателя»⁹. Реквием, что ли? Или панихида?

Кстати, о вечной молодости.

Один из энергетических сгустков текста – петербургская традиция в трагедии «ленинградского дела». Из героев Р. Ш. Ганелина еще в конце 1970-х годов, в пору нового приступа борьбы за нравственность (не обошедшегося без оргвыводов), на истфаке ЛГУ читали лекции и партсекретарь Марк Кузьмин, достававший в 70-й аудитории из внутреннего кармана пиджака пожелтевшие и видавшие виды листки конспекта лекций по новейшей истории Запада, и Н. Я. Иванов по кличке «мы с академиком Минцем» (любимая его фраза студентам в связи с какой-то важной дискуссией вокруг «второй корниловщины», по вопросу о которой и произошло столь желанное слияние с академиком). Вернемся же к Р. Ш. Ганелину. Представьте мизансцену с нашим автором в коктейль-зале или в подсобном кулуарной геометрии покойчике для стоячих банкетов в Ленинграде, в новопостроенной гостинице «Прибалтийская». Дело было после ответственной конференции в начале 1980-х годов, и автор этих строк стоял с прочими, наблюдая отдельно подъехавший «сервировочный столик» с шипучим питьем для легендарного академика, представившего группе молодежи разного возраста (в свою очередь представлявшейся ему) некую чрезвычайно элегантною даму-вамп, разумеется, в ве-

чернем черном. Он рекомендовал ее как специалистку в области политических извращений. Первым в строю был Р. Ш. Ганелин, которого академик ласково потрепал и одобрил словами наподобие «как же, читал, хорошо начинаете, молодой человек!», разумеется, получив в ответ «рады стараться...». Артистизм обоих, пауза и благоговение статистов напоминали лучшие академические театры.

Итак, что в нем маска? Лет пятнадцать, а то и больше беседую с ним: перипатетически, в трамвае ли, в гуще масс, так сказать, в авто, или в преддверьи парижского метро. Он всюду ироничен, значит, молод. Иные скажут – от ума. Больше от сердца. Ум ведь предполагает сдержанность, а сердце подводит – «не могу молчать!». У Р. Ш. Ганелина есть статья в сборнике памяти Л. А. Дмитриева о последнем этапе жизни человека, о героизме на этом пути¹⁰. Мотив – оглядка и «обнохивание по сторонам» (его слова) на пороге. С другой стороны, и «молодой может погибнуть в любой момент»¹¹.

Среди тем книги – великодержавно-имперская политика СССР после пактирования тов. Сталина с нацистами (с. 24). То есть новейший раннеимперский период. К названной теме Р. Ш. Ганелин обратился по ходу перестройки и не оставляет ее. Это связано с его исследованиями начал русского фашизма во взаимодействии с германским в 1920-х годах, а также с его антифашистской борьбой в качестве публициста. Р. Ш. Ганелин призывает к занятиям XX веком и «текущей историей». Материала на всех хватит, а опыт, полученный, по словам Б. А. Романова, при изучении «мертвых» формаций, актуален для изучения «живых» (с. 117–118). В этом можно видеть и обращение к прежним «КПССникам», овладевшим кафедрами и мимикрировавшим либо действительно ставшим «обычными историками». Часть из них вполне успешно обратилась от «первоисточников» к источникам.

* * *

Как-то в начале 1980-х, после появления «Кризиса самодержавия», я слышал в магазине «Академкнига» в Таможенном переулке замечание листавших книгу до-

вольно зрелых пикейных жилетов с портфелями: «А, Ганелин и остальные...». Это к вопросу об известности Р. Ш. Ганелина на Васильевском острове – «острове русской науки», по определению того же Марка Кузьмина. Уже при входе, в подвале ЦГИА СССР (ныне покойного бывшего ЦГИАЛа), в раздевалке, к Рафаилу Шоломовичу льнули люди из провинции, Америки, отовсюду. Меня, по невинности, удивляла его известность, хотя он тогда не читал лекций в университете.

Но что он делает всю жизнь, так это рассыпает бисер. Или жемчужины, которые разбросал по тексту воспоминаний (вроде совершенно булгаковского «врача-организатора» (с. 117). Между прочим, приветствовал Молчалина замечанием, что составной частью профессионализма является житейски полезная уклончивость (с. 14). Напомнил кинохронику митингов с требованиями казни врагам народа, высвеченные прожектором лица профессиональных актеров (с. 16–17). Все эти постановочные фото в советских изданиях с лицами «из народа» на первом плане. Их прямо можно брать на плакаты о «недочеловеках».

Рядом с юмором и насмешкой – трагедия: накануне «ликвидации» нацистами мать передает последний привет сыну, С. Н. Валку. «Устно-исторический» сюжет под пером Р. Ш. ранит в самое сердце.

Автор показывает, как в СССР осуществлялось первое условие Лоренцо Валлы для ученых занятий – общение с образованными людьми, среда¹². Уже это – достойная цель исследования, которое Р. Ш. Ганелин и проводит исподволь, прикрываясь жанром мемуара. Кстати, о среде. Важное и горькое замечание (на с. 46, да и в других местах): не стоит потомкам коситься на непосаженных, которые были мучимы нравственно едва ли не больше умученных тюрьмой. В этом ведь и смысл государственного террора (с. 92), чтобы все чувствовали себя неугодно, беспокойно в перекрестных доносах.

Здесь и вечное крепостное право, когда «понаехавшие» теряют облик в стремлении остаться в Ленинграде после университета. Что же, вновь скажем, автор понимает

человека, даже больше – он на его стороне против машины. Тот же «Учитель»-вождь и прочие романтики метода – назойливый контекст эпохи. Не более. Автор не поднимается над своими персонажами, поэтому ему нет и нужды снисходить до них, что всегда заметно, и ослабляет любую книгу. У нашего автора нет такой слабости, таким образом, видим прямую пользу от «чистосердечного писания».

Поучителен и вечен пример дрессировки ученого совета в 1949 году (с. 65), выяснений в стиле «кто организовал вставание». Инфернальные создания: овинные, банные, домовые, в нашем случае – коридорные (кулуарные, если угодно) – равно не отбрасывают теней. Описал и их Ганелин, пригвоздил их, как Хома Брут. Ибо они энергию сосут, силу отнимают¹³. Образы этих активных бездельников, борцов за чистоту и против Эйнштейна – удача автора, одна из многих. Им же описано унылое торжество злодеев. С другой стороны, тема совместности гения и злодейства, зависть – унижающая завистника прежде его жертвы, также есть в книге. Вообще, как говорит Р. Ш. Ганелин в одном из анекдотов, «в книге есть все». Как всегда подмывает сказать: «Хорошо, но мало».

* * *

Вспомним приятное – «физику шутят». Автор сам замечает о самоценности апокрифов («апокриф характеризует время» – с. 33). Конечно, фольклор (непечатное слово) противостоит и даже противодействует книжности. Для обществ же описанного автором типа противостояние устной и письменной традиций – норма. Умудренный анализ чужих мемуаров, Р. Ш. Ганелин знает все это и сознательно ставит себя в молчаливое (неписьменное) большинство. Он говорит о себе, что просто «любит поговорить», но в жанре разговора, диалога добился не меньшего, чем в нарративе. Он обоснованно отдыхает от привычки объективизма, этой профессиональной одежды. В субъективном халате предстает, да еще оказывается вниз головой. Так кровь лучше приливает к мозгу, и достигается ясность. Добавим патетики: в ученой среде только тот имеет право на анекдот, кто «дело

делает», то есть работает. Р. Ш. Ганелин воздвиг себе на этом поле достаточно монументов: американистика; экономическая, политическая история империи и революции; левая, правая и самая правая русского общественного спектра; публикации важнейших документов первого и последнего кабинетов министров Российской империи; академическое издание воспоминаний С. Ю. Витте и другое всякое еще¹⁴.

Проходя галереей историков и начальников, уверяемся, что Р. Ш. Ганелин всю жизнь коллекционирует людей и случаи. Он думает, говорит, возможно, упрощает формулировки и саму форму, конечно, комбинирует (составляет пары, группы), возможно, гиперболизирует, но всегда делает это тонко. Он и лукавит не назойливо, отмечая, к примеру, свою организационную беспомощность (с. 141). Возможно, скажут, что он сам интриган и вообще не без греха. (Прямо сцена на агитпароходе, где великий комбинатор защитил своего мальчика для растирания красок). Странно, но автор, кажется, и не оправдывается нигде, чего, казалось бы, стоит ждать от мемуариста (а иначе – зачем писать?). Слава у него уже есть, и не только широкая в узких кругах, но самая настоящая. Автор (вместе со своим постоянным соавтором) долго занимался одним известным мемуаристом из крупнейших начальников поздней Российской империи, разоблачая его. В жанре этом, заповедно эгоистичном («волютаризм», как сказал бы один из героев «Кавказской пленницы»), он понимает. Но сам, как видно, ничего не хочет поиметь от жизни своим текстом, не добываясь счастья и чинов. Просто, вспоминая по большей части умников («подобное – к подобному», не устают повторять один из теперешних близких мне пикейных жилетов), он гоняется за людьми по пространству памяти. Р. Ш. Ганелин – мастер фразы, льющей новый свет на только что описанную очередную фигуру, как в эпизоде с П. А. Зайончковским и румынскими футболистами (с. 159–160). А принцип того же Зайончковского «быть с теми, кого бьют» (с. 160), кажется, осознается и нашим мемуаристом

в качестве главного для себя. Чего уж и говорить, любой принцип, со времен Прокруста, неудобен прежде всего для самого адепта.

Конечно, тексты такого рода, как у нашего автора, создаются для высшей цензуры, в первую или в последнюю очередь. Поскольку – поступки. Их лучше вовсе не ценить. Но автор дает в руки критика палку, соединяя с мемуаром (в начале и в конце книги) полновесные статьи о пользе/вреде методо-

логизма, о судьбе профессионала в эпоху вульгаризации: «Что же касается профессионализма, то он от непрофессионалов незащитим, поскольку не может быть ими оценен» (с. 180). Античный, в сущности, дискурс. (Вспомним анекдот о конце Архимеда, а также – «и не оспаривай глупца».) Вообще автор, похоже, уже ничего не боится (см. с. 179), в отличие от героев его книги, которых приучали дрожать и после смерти. Горек опыт этих

людей, человека вообще. А автор любит человека и жалеет его, поскольку сам он не злодей.

Итак, мы договорились до того, что наш автор – коллекционер, и он, таким образом, похищает своих героев не только у жизни (как Свистонов в романе К. Вагинова, например), но и у самой смерти¹⁵. Вот – славная цель, оправдывающая и неудачу. Но в этом последнем как раз скромно откажем новейшему сочинению Р. Ш. Ганелина.

¹ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 216 с. 1000 экз.

² Может быть, исключая «Горе от ума» и «Ревизор».

³ Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. 445 с.

⁴ С. Ф. Платонов – Н. П. Отгокару 17 декабря 1918 г. // Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. М., 2003. Т. 1. С. 238–239.

⁵ Боюсь, что скоро будет нужно сноску давать, что речь о 1917 году, а не другом октябре.

⁶ Костюхин С., Фрейдкин М. Песня о всеобщей утрате девственности (из магнитоальбома. А. Макаревич поет песни Марка Фрейдкина. SinteZ Records, 2003).

⁷ Наш автор говорит об этом давно, в частности, лет десять назад я слышал это в семинаре Ютты Шеррер в Высшей школе социальных исследований в Париже.

⁸ Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, ныне С.-Петербургский институт истории РАН, одним из столпов которого уже давно является наш герой.

⁹ Иллюстрация к статье «Диссонанс», в кн.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002. С. 261.

¹⁰ Мужской характер // Лев Александрович Дмитриев: Библиогр. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995. С. 100–102.

¹¹ Пассаж из Л. С. Клейна о погибшем А. Р. Маркове (Нестор. 2004. № 4: Наука и власть С. 14).

¹² *litteratorum consuetudo* – см.: хотя бы Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 33.

¹³ Ср. этнологическое описание неизбежности человеческих иерархий, например, в таком отрывке: «В учреждении, где вы работаете или учитесь, субординация задана неким законным образом. Но этим структура вашей группы не исчерпывается. Параллельно там имеются еще две неявные и неофициальные структуры. Одну из них образуют люди умные, знающие, прямые, открытые и порядочные. У них есть свой естественный лидер, но, как правило, нет четкой системы соподчинения, много внутренней свободы. К ним вы приходите, когда вам нужно решить сложную задачу, принять нетривиальное решение, совершить смелый поступок. И существует другая структура, во главе с «паханом», окруженным «шестерками», и состоящая из всякого рода проныр, завистников, активных бездельников, скандалистов, склочников, сплетников, интриганов. Эти обычно заметно соподчинены друг другу, действуют сообща» (Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. Изд. 4-е. СПб., 2004. С. 212).

¹⁴ См.: Рафаил Шоломович Ганелин (к 75-летию со дня рождения): Библиогр. указ. Кишинев; СПб., 2001. 35 с.

¹⁵ Скажем хуже: весь историзм, как и все человеческое – бессмысленная, но увлекательная борьба со смертью.

«Очень петербургская» книга В. М. Лурье

С. Н. Полторац

В июне 2005 года в Петербурге вышла очередная книга известного военного историка В. М. Лурье «Морской биографический словарь. Деятели Российского флота XVIII века». Это издание без всякого преувеличения можно назвать уникальным. Впервые за всю историю нашего государства опубликовано энциклопедическое издание, в котором собраны исчерпывающие сведения о биографиях около полутысячи выдающихся деятелей, внесших вклад в развитие Российского флота. В вышедшем из печати томе освещены биографические сведения исторических персоналий, служивших нашей стране в XVIII веке. Среди них, и это особенно ценно, не только профессиональные военные моряки, но и многочисленные политики, кораблестроители, священнослужители, ученые, деятели культуры и многие другие из тех, кто внес заметный вклад в развитие морского дела.

В силу известных исторических причин основная часть жизни и службы героев книги была связана с Санкт-Петербургом. Но далеко не только поэтому книга, подготовленная Вячеславом Михайловичем, мне представляется «очень петербургской». Эта работа является таковой в силу своей основательности, отношения автора к историческим источникам, скрупулезности отбора фактов. Думаю, что ученые вправе гордиться тем, что их коллега так удачно представил петербургскую историческую школу этой публикацией.

Биографический словарь вобрал в себя сведения, которые его автор собирал на протяжении многих десятилетий. В какой-то мере это итог деятельности ученого в одном из наиболее приятных его сердцу направлений исследований: совершенно «сухопутный» человек, В. М. Лурье всегда трепетно относился к морской тематике. Не стану искать этому объяснений, главное, что в результате этой творческой привязанности появилось произведение, аналогов которому не было и нет.

В. М. Лурье очень точно определил одну из главных тенденций развития России в XVIII веке. Гениальность Петра I, талант продолжателей его дела состояли в том, что руководители Российской империи осознали: без внедрения в жизнь государства новых технологий социального развития невозможно конкурировать с другими европейскими государствами. Вот почему в ту пору мозги «утекали» из других стран к нам, а не как сейчас – наоборот. Носители самых передовых технологий, в том числе технологий строительства и управления флотом, стали столь желанными в нашей стране. Многочисленных англичан, голландцев, французов, американцев, греков, итальянцев и других иностранцев привлекали не столько деньги и чины, сколько возможность проявить себя, свои дарования. Духовное нередко преобладало над материальным. Поэтому, именно поэтому, для многих иностранных флотских деятелей Россия стала не просто местом пребывания, а новой судьбой. Наша страна была в ту пору страной, где могли быть реализованы самые смелые идеи. Жаль, что спустя всего два-три столетия мы утратили этот замечательный стимул к саморазви-

тию. Но книга Вячеслава Михайловича своим содержанием дает нам шанс восстановить секреты былых успехов. Для этого надо лишь внимательно прочитать биографии людей, оставивших в истории нашего флота свой заметный след.

В словаре «профильрованы» сотни тысяч биографических сведений. Оставлены наиболее достоверные и интересные. Каждая персоналия представлена ярко, образно и, я бы даже сказал, изящно. Я буквально очарован биографиями Леонтия Филипповича Магницкого, Федора Ивановича Соймонова, Осипа Михайловича Дерибаса.

Собрав воедино многочисленные сведения из всеми забытых газетных и журнальных публикаций, малотиражных книжных изданий и другой литературы, Вячеслав Михайлович все же особый акцент сделал на данных Российского государственного архива Военно-морского флота, а также ряда других архивов, включив в научный оборот величайшее множество прежде совершенно неизвестных сведений.

Примерно у 60% персоналий, представленных в словаре, отмечены даты рождения и смерти. Если учесть, что в книге идет речь о действующих лицах XVIII века российской истории, то это значительное научное достижение автора. Особенно, если взять во внимание, что многие из этих вех прежде ученым известны не были.

Есть повод обратиться внимание на этот том исследователям, занимающимся историей отечественной медицины: впервые в историографии в словаре даны подробные сведения о российских флотских медиках.

Работу с биографическим словарем делают более комфортной

дополнительные справочные материалы: сведения об орденах Российской империи, краткий словарь ряда терминов, понятий и воинских чинов, список использованной литературы, а также алфавитный указатель персоналий, биографии которых рассмотрены в книге.

Но если работа автора издания заслуживает самой высокой оценки, то в адрес научных редакторов издания стоит высказать несколько упреков. Ряд биографий вычитан ими несколько поспешно, что привело к некоторым упущениям. Взгляд читателя невольно начинает «спотыкаться» о прочитанное буквально с первой же биографии. На с. 9 говорится о том, что галерный мастер Андрей Иванович Аладчанин (Алатченинов) умер в 1765 году, но на следующей странице написано, что еще в 1766 году под его управлением «построены 53 галеры и много других судов» (с. 10). В той же статье речь идет о строительстве неких «казачьих часк» (с. 9). Тогда как скорее всего в виду имеются не некие чайки, а кайки, то есть гребные суда, называвшиеся также полгалерами или дубель-шлюпками.

Есть небольшие пожелания и в адрес автора книги. На мой

взгляд, словарю очень недостает ссылок на источники и историографию, которые должны были бы размещаться после каждой статьи. Их отсутствие существенно обедняет научное значение работы.

Думаю, что издание значительно выиграло, если бы в нем был представлен иллюстративный материал, который, кстати, насколько мне известно, в изобилии имеется в домашнем архиве В. М. Лурье. Остается только догадываться, почему эти иллюстрации, многие из которых являются раритетами, не вошли в книгу.

К сожалению, упущен ряд биографий людей, имевших все основания оказаться в этом словаре среди своих собратьев по морской стихии. Одним из наиболее заметных из них является выходец из Греции Антонис Коронелло, как, впрочем, и его отец Якоб Коронелло, заслуги которого перед Российским флотом оценил, в частности, в 1783 году генерал-поручик И. А. Ганнибал¹.

Есть в освещении биографий и некоторые неточности. В частности, в биографии Пола Джонса отмечается, что «весной 1905 г. со всеми адмиральскими почестями

прах Д[жонса] был перевезен в США на фрегате «Св. Лаврентий» и захоронен в Аннаполисе, в склепе собора Академии ВМС США» (с. 85). По сути вроде бы все верно, но если учесть, что герой статьи был перезахоронен в торжественной обстановке в США 13 января 1906 года², то цитата автора по поводу весны 1905 года представляется далеко не исчерпывающей.

Но эти мелкие придирки больше свидетельствуют о занудстве главного редактора журнала «История Петербурга», нежели о каких-либо научных упущениях. «Морской биографический словарь» – подарок всем петербуржцам, особенно тем, кто неравнодушен к военно-морской тематике и военной истории нашего государства. Вышедшая в прекрасном оформлении книга производит самое благоприятное впечатление. Остается лишь сожалеть, что ее тираж всего лишь одна тысяча экземпляров.

Петербургская по сути и по своему духу книга открывает новое исследовательское направление в истории Петербурга и России в целом.

В 2005 году видный петербургский историк доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В. И. Носач сделал землякам два замечательных подарка. Им были выпущены из печати очень интересные книги, которые впервые дают полное пред-

Новое об истории петербургских профсоюзов

ставление о деятельности профсоюзных организаций медицинских работников Санкт-Петербурга, а также о профсоюзе работников связи нашего города³. Это событие особенно важно еще и потому, что профессиональные союзы России в 2005 году празднуют свой 100-летний юбилей.

Виктор Иванович, пожалуй, самый крупный ученый из всех тех, кто исследует историю профсоюзного движения. Вот почему выход из печати его работ особенно важен и заметен не только профессиональным исследователям, но и широкому кругу читателей.

Книги уважаемого профессора – во многом новаторские работы. И дело не только в искренности и научной честности историка. Важно то, что в своих новых публикациях В. И. Носач ввел в научный оборот небывалое число новых исторических источников, что дало уникальную возможность приблизиться к исторической правде, понять, сколь непросто, а порой и драматичен был путь профсоюзов нашего города.

Автор книг, опираясь на многочисленные документы, главный акцент делает на истории конкретных людей. От этого его исследо-

вания приобретают особую ценность. Они не стали формальным перечислением дат и событий. Они, скорее, представляют собой взволнованный рассказ о романтиках своего времени, которые, подобно легендарному Дон Кихоту, во все времена шли на защиту чести и достоинства «своей прекрасной дамы» – своих коллег по профессиональному цеху.

Казалось бы, обе книги во многом схожи между собой. Но на самом деле это очень разные, вполне самостоятельные работы. Объединяет их лишь основательный подход к изучению прошлого деятельности профсоюзов. В книге «История профсоюзного движения медицинских работников Санкт-Петербурга» В. И. Носач использовал документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и нескольких профсоюзных архивов. Он обратился также и к документам, забытым многими учеными: к отчетам профсоюзных органов за разные годы, к протоколам Петроградского совета профессиональных союзов, к таким редким периодическим изданиям прошлого, как «Медицинский работник» (1919), «Известия Всероссийского союза лекарских помощников» (1918), «Вестник профессиональных союзов» (1917–1919), «Жизнь фармацевта» (1917). Особую ценность представляют фотографии профсоюзных деятелей медицинских работников Санкт-Петербурга начиная с 1905 года и до наших дней. В специальном приложении к монографии есть биографические сведения о председателях правления, руководителях обкома и территориальной организации профсоюза медработников с 1905 года до настоящего времени. Имена Феликса Адамовича Олехно, Владимира Семеновича Левина, Федора Ива-

новича Кочана, Петра Ефимовича Ефимова, Павла Даниловича Васильева, Николая Федоровича Ольшанского, Якова Степановича Степанова, Николая Васильевича Васильева, Ивана Степановича Шерстова, Ивана Ефимовича Кашкарова, Маргариты Александровны Абрамовой и других стали поистине живой легендой в истории нашего города да и страны в целом.

Не меньшей основательностью отличается и книга «100 лет истории профессионального союза работников связи Санкт-Петербурга». У меня как читателя сложилось впечатление, что к работе над этим изданием Виктор Иванович отнесся особенно трепетно. Поражают многочисленные и неизвестные прежде документы, найденные в фондах Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Текущего архива Комитета Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области организации общероссийского профсоюза работников связи, Центрального музея связи. Выписки из издававшихся в 1917–1918 годах «Вестника Всероссийского почтово-телеграфного союза», «Почтово-телеграфного журнала», «Петроградской правды» начала 1920-х годов очень уместно дополняют сведения, полученные в архивных фондах.

Особый интерес в книге об истории профсоюзов работников связи нашего города представляет глава о блокаде Ленинграда. Даже взгляды в сухие систематизированные данные таблицы, посвященной снабжению ленинградцев хлебом в июле–ноябре 1941 года (с. 172), нельзя не увидеть, как тяжело жилось нашим землякам не только в блокадные,

но даже в предблокадные дни. Уже со 2 сентября 1941 года иждивенцы и дети до 12 лет получали в день лишь 300 граммов хлеба! А ведь до начала блокады оставалась еще почти целая неделя... Есть над чем поразмыслить.

Одним из важных достоинств книги стали многочисленные таблицы, свидетельствующие о динамике работы профсоюзных органов. Правда, изредка в них встречаются ошибки. Так, анализируя количество ударников, работавших на предприятиях связи к 1 января 1945 года, автор в три раза завысил их процент по отношению к общему числу сотрудников (с. 195). Чья эта ошибка, В. И. Носача или тех, кто 60 лет назад обобщал те сведения, судить не берусь. Но арифметика, хоть и не история, но тоже наука, к которой нужно относиться с почтением.

В книге немало интересных фотографий, часть из которых – большая редкость. Но в связи с одной из них возникает некоторое сомнение. На вклейке после страницы 112 есть фотография, подпись под которой гласит: «Г. Г. Ягода (первый справа), нарком связи с сентября 1936 года по 1937 год, во время парада на Красной площади». В том, что это Генрих Григорьевич, сомнений нет. Но маловероятно, что фотография сделана именно в бытность Г. Г. Ягоды наркомом связи. Дело в том, что на фотографии отчетливо видны орден Красного Знамени, привинченные к его шинели. Насколько я знаю, в предвоенные годы такая «мода» уже прошла. Она была достоянием 1920-х годов.

Юбилеи, в том числе и юбилей профсоюзов, приходят и уходят, а хорошие книги остаются с нами. И в этом их великая ценность.

¹ Пряхин Ю. Д. Уроженец острова Наксос Антонис Коронелло – российский воин и дипломат // Клио. 2003. № 1 (20). С. 152

² Куксин И. Е. Адмирал Пол Джонс в России // Клио. 2004. № 1 (24). С. 199.

³ Носач В. И. История профсоюзного движения медицинских работников Санкт-Петербурга: Прошлое и настоящее, 1905–2005 годы. СПб.: СПбГУП, 2005. 227 с. 400 экз.; Он же. 100 лет истории профессионального союза работников связи Санкт-Петербурга, 1905–2005 годы. СПб.: СПбГУП, 2005. 339 с. 600 экз.

Заседание редколлегии журнала «История Петербурга» в Академии художеств

Ю. В. Мудров

Очередное выездное заседание редакционной коллегии журнала состоялось в Санкт-Петербургском отделении Российской академии художеств.

Его первая часть была посвящена знакомству с Научно-исследовательским музеем Российской академии художеств. О его истории рассказала исполняющая обязанности директора Вероника Траяновна Богдан.

Музей – старейшее художественное собрание Санкт-Петербурга и первый в России музей, открытый для всех слоев общества уже в 60-е годы XVIII века. Основан он в 1758 году. Его история тесно связана с учреждением в 1757 году «Академии трех знатнейших художеств» в Санкт-Петербурге. Ее основателем и первым президентом был Иван Иванович Шувалов, передавший академии первоклассную коллекцию картин европейских мастеров из личного собрания. Именно его дар и стал ядром собрания, постепенно пополнявшимся передачами картин из Зимнего и Ораниенбаумского дворцов, дарами частных лиц. Задуманный как учебный музей, основной задачей которого было воспитание и совершенствование вкуса воспитанников Императорской академии художеств, он уже в XIX веке перерос свое сугубо методическое значение. Коллекция академического музея к концу XIX столетия могла соперничать с Эрмитажной, в ней сосредоточились великолепные образцы европейской живописи, рисунка, скульптуры XV–XIX веков, а также лучшие образцы русской художественной школы. Выставки, организуемые в академических залах, привлекали большое количество просвещенной публики. Ака-

демию посещали А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, другие известные писатели, поэты, ученые, актеры, музыканты.

С 1947 года каждое из учреждений Академии художеств – Научно-исследовательский музей, Научная библиотека, Научно-библиографический архив, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина – стали юридически самостоятельными организациями, каждая из которых напрямую подчиняется президиуму Российской академии художеств.

В рассказе было уделено внимание и сегодняшнему дню музея, его состоянию, структуре, основным экспозициям и филиалам.

В музее три постоянные экспозиции: «Слепки с античной и западноевропейской скульптуры», «История русской художественной школы» и «Образ Санкт-Петербурга в акварелях, гравюрах, архитектурных чертежах и моделях XVIII–XIX веков». У музея есть отделы – Музей-квартира И. И. Бродского (пл. Искусств), Музей-квартира А. И. Куинджи (Васильевский остров, Биржевой переулочек), Дом-музей П. П. Чистякова (Пушкин), а также два филиала – Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты» и Музей-мастерская С. Т. Коненкова (Москва).

Научно-исследовательский музей с огромным успехом участвует в крупных международных выставках, среди которых «Триумф барокко. Архитектура в Европе. 1650–1700», «Род Строгановых. Меценаты и коллекционеры», «Императорский Санкт-Петербург. От Петра Великого до Екатерины II», «Россия – Италия. От Джотто до Малевича», «Дух городов. Европейские города в эпоху Просвещения» и другие.

Директор музея поделилась и планами на будущее. Основное внимание было обращено на подготовку предъюбилейных и юбилейных мероприятий. К 250-летию Академии художеств, которое будет отмечаться в 2007 году, Музей подготовил целый ряд собственных проектов, в том числе две большие экспозиции из своих фондов – «Путь к мастерству. XV – начало XX веков. Европейская живопись, рисунок, скульптура, гравюра, архитектурные чертежи XVIII – начала XX вв.» – в 2006 году и «Эпоха Рафаэля и русская художественная школа. Живопись, рисунок, скульптура, архитектурные чертежи, модели, гравюры XV–XIX веков» – в 2007 году. Из предъюбилейных проектов уже осуществлены два – выставки «Немцы и Академия художеств. XVIII – начало XX вв.» (из фондов Музея) и «Академия художеств. История в фотографиях. 1850–1950 гг.». Обе выставки были показаны в парадных залах Музея и в выставочных залах Российской академии художеств в Москве – в галерее Зураба Церетели.

Кроме того, на 2006 год Научно-исследовательский музей запланировал международный семинар-коллоквиум «Академии художеств: вчера, сегодня, завтра». В нем примут участие исследователи из России, Франции, США. В центре внимания будет обсуждение истории различных европейских и американских академий, их роли и места в современном художественном процессе, а также роль и значение академий в будущем.

Познакомившись с экспозициями и отделом слепков, члены редколлегии перешли к знакомству с творческой деятельностью академии сегодняшнего дня.

Скульптор В. Э. Горевой
и Ю. В. Мудров

Слева направо: В. П. Яковлев, С. Н. Полторак и
А. А. Чернобаев в мастерской скульптора В. Э. Горевского

К себе в творческую мастерскую любезно пригласил заслуженный художник Российской Федерации, лауреат Государственной премии России, действительный член Российской академии художеств, профессор Владимир Эмильевич Горевой, один из крупнейших мастеров современной российской скульптуры. С его творчеством многие члены редколлегии хорошо знакомы. Искусствовед Ю. В. Мудров напомнил коллегам об основных творческих достижениях мастера. Историк В. П. Яковлев, ряд лет в ранге вице-губернатора возглавлявший Комитет по культуре Санкт-Петербурга, поделился своими воспоминаниями о событиях, связанных с работой известных скульпторов, установкой памятников в городе в 1990-е годы.

О своей творческой и педагогической деятельности рассказал и сам скульптор. В монументальной пластике Владимир Горевой работает более трех десятилетий. Он автор памятников выдающимся деятелям отечественной истории, художникам, архитекторам, скульпторам, ученым, поэтам, путешественникам. Он увековечил героические подвиги россиян в годы Великой Отечественной войны. Только в последние годы в нашем городе появились созданные им памятники Александру Невскому (на месте знаменитой Невской битвы), императору Павлу I в Михайловском замке, инженеру Бетанкуру, поэтессе Ольге Берггольц, итальянским архитекторам на Ма-

нежной площади. С огромным интересом все присутствовавшие познакомилась с последней работой мастера – памятником великому скульптору П. К. Клодту. Члены редколлегии были практически первыми зрителями, которым скульптор показал свою новую работу в законченном виде. Элегантный, воистину подлинно петербургский памятник создал В. Э. Горевой. Трепетная пластика, проработанность деталей, выразительная цельность фигуры, глубокий внутренний настрой в решении образа – все это было отмечено в новой, замечательной работе мастера.

Состоялся большой, содержа-

тельный разговор о путях развития скульптуры, ее роли в облике современного города, влиянии на формирование гражданских позиций петербуржцев.

В работе редколлегии приняли участие гости из Москвы, в частности, главный редактор журнала «Исторический архив» доктор исторических наук, профессор А. А. Чернобаев.

Члены редколлегии обсудили содержание ближайшего номера журнала и внесли необходимые коррективы.

Очередное заседание редколлегии было предложено провести в Лицее в Царском Селе.

Члены редколлегии журнала «История Петербурга»
у памятника П. Клодту работы В. Э. Горевского

Сведения об авторах

АЛЕКСАНДРОВА Елена Львовна – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе РАН.

БЕРНЕВ Станислав Константинович – подполковник, начальник Архива Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

БОЙКО Марина Алексеевна – искусствовед, член Союза художников России.

ВОЛКОВА Мальвина Петровна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, научный сотрудник ЗАО РПНЦ «Специалист».

ДОВГЕР Владимир Иванович – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Государственного оптического института им. С. И. Вавилова.

ЕРОХИНА Ирина Петровна – старший научный сотрудник отдела изобразительного искусства Государственного исторического музея (Москва).

ЗЕРНОВ Владимир Борисович – музейный художник, научный сотрудник. Исследует архитектуру Санкт-Петербурга и историю коренных финноугорских народов Приневья.

КАЛЁНОВ Павел Александрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук.

КАН Александр Сергеевич – доктор исторических наук, почетный доктор Упсальского университета, профессор университетов Упсалы и Осло.

КИСАРОВА Марина Евгеньевна – библиограф, заведующая сектором информационно-библиографического отдела Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского.

КОРЕНЦВИТ Виктор Абрамович – археолог.

ЛЕБЕДЕВ Сергей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович – военный историк.

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна – аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге, старший преподаватель юридического факультета Института внешнеэкономических связей, экономики и права.

МИТЧЕЛЛ Галина Владимировна – музыкант, пианистка, выпускница фортепианного факультета Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, доцент.

МОЛКИНА Ольга Ивановна – преподаватель английского языка НОУ «Вера».

МУДРОВ Юрий Витальевич – заместитель директора по научной работе Государственного музея-заповедника «Ораниенбаум».

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

ОРЛОВ Денис Анатольевич – аспирант кафедры новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

СИНДАЛОВСКИЙ Наум Александрович – писатель, исследователь истории Петербурга.

ЯВУШКИН Сергей Юрьевич – сотрудник Государственного музея-заповедника «Гатчина».

История Петербурга журнал

№ 4 (26) 2005

Корректор **Т. В. Королева**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 8.08.2005. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 12362